D122
H766 Новые идеи в социологии :Под ред. М. М. Ковалевского, Е. В. Роберти.Сборник третий,Что такое прогресс / -непериод. изд. -С.-Петербург :Изд-во "Образование",1914. -155 с.-(Новые идеи в социологии ; Сборник N 3).

- - МАЙ 2008

О.П
Н-766
D122

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ СОЦІОЛОГІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО и Е. В. де-РОБЕРТИ.

Сборникъ № 3.

Что такое прогрессъ? I.

Изд-ство „Образованіе". СПБ.
1914.

Издательство „ОБРАЗОВАНІЕ“, СПБ., Поварской, 12. — Телефонъ № 75-51.

Новыя идеи въ математикѣ.

Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей заслуженн. проф. А. В. Васильева.

Сборникъ № 1. Математика. Методъ, проблемы и значеніе ея. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Пространство и время I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Пространство и время II. Ц. 80 к.
Сборникъ № 4. Ученіе о числѣ. Ц. 80 к.
Сборникъ № 5. Принципъ относит. съ математ. точки зрѣнія I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 6. Ученіе о множествахъ Георга Кантора. I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 7. Принципъ относит. съ математ. точки зрѣнія II. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ астрономіи.

Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессора А. А. Иванова.

Сборникъ № 1. Космогоническія гипотезы I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Земля. Ея внѣшняя форма и внутреннее строеніе. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Космогоническія гипотезы II. Ц. 80 к.
Сборникъ № 4. Распред. звѣздъ въ простр. и ихъ движеніе. Ц. 80 к.
Сборникъ № 5. Кометы. Ихъ природа и происхожденіе. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ физикѣ.

Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ ред. заслуженнаго проф. И. И. Боргмана.

Сборникъ № 1. Строеніе вещества.—Второе дополненное изданіе. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Эѳиръ и матерія.—Второе дополненное изданіе. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Принципъ относительности.—Второе изданіе. Ц. 80 к.
Сборникъ № 4. Дѣйствіе свѣта. Ц. 80 к.
Сборникъ № 5. Природа свѣта. Ц. 80 к.
Сборникъ № 6. Природа теплоты. Ц. 80 к.
Сборникъ № 7. Природа положительныхъ и рентгеновыхъ лучей (Печ.).

Новыя идеи въ химіи.

Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессора Л. А. Чугаева.

Сборникъ № 1. Стереохимія. Химическая механика. Растворы. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Радіоактивныя вещества I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Валентность. Ц. 80 к.
Сборникъ № 4. Радіоактивныя вещества II. Ц. 80 к.
Сборникъ № 5. Кристаллохимическій анализъ. Ц. 80 к.
Сборникъ № 6. Строеніе матеріи I. (Печатается).

Новыя идеи въ біологіи.

Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ ред. проф. В. А. Вагнера.

Сборникъ № 1. Что такое жизнь? Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Новое въ ученіи о нервной системѣ. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Смерть и безсмертіе. Ц. 80 к.
Сборникъ № 4. Наслѣдственность I. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ медицинѣ.

Непеpіодическое изданіе, выход. подъ ред. проф. А. М. Левина, при ближ. участіи проф. Л. В. Блуменау, проф. А. А. Кадьяна, д-ра Е. С. Лондона и акад. И. П. Павлова.

Сборникъ № 1. Радіотерапія. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Анафилаксія. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Внутренняя секреція. Ц. 80 к.

76
-766
ПРОВЕРЕНО
2000 г.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ СОЦІОЛОГІИ.

Непереодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО и Е. В. де-РОБЕРТИ.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ.

Что такое прогрессъ I.

219997 о.п.
Лен. Гос. Ордена Ленина Университет
БИБЛИОТЕКА
Юридический факультет

Изд-ство „ОБРАЗОВАНЕ“ СПБ.
1914.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Е. М. Малаховскаго. Пет. ст., Большой пр., 17.
Тел. 616-57.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Е. В. де-Роберти. Идея прогресса	1—17
В. Оствальдъ. Энергетика общихъ законовъ прогресса	18—21
П. Коллэ. Общественный прогрессъ	22—29
А. Лоріа. Послѣдняя эволюція теоріи эволюціи.	30—44
Я. А. Новиковъ. Сущность прогресса	45—67
Л. Веберъ. Эволюція и прогрессъ	68—90
Е. В. де-Роберти. По поводу теоріи Вебера о ритмѣ прогресса	91—96
Ф. Бюиссонъ. Къ вопросу о политическомъ прогрессѣ	97—102
Л. Мануврiэ. Умственный прогрессъ съ антропологической точки зрѣнія	103—115
П. А. Сорокинъ. Обзоръ теорій и основныхъ проблемъ прогресса	115—155

Е. В. де-Роберти.

Идея прогресса [1]).

Вопросы, связанные съ понятіемъ о прогрессѣ, занимали величайшихъ мыслителей и одновременно живо интересовали обыкновенные, средніе умы. Несмотря на это—а можетъ быть, и благодаря участію въ ихъ обсужденіи множества рядовыхъ публицистовъ, — вопросы эти до сихъ поръ не только остаются неразрѣшенными, но и являются неясными, смутными, поставленными неправильно.

Удивляться этому нельзя. Та область знанія, которая призвана отвѣтить на эти вопросы, соціологія, въ наше время едва только народилась, какъ точная наука; она еще не успѣла выработать своей собственной, твердо установленной терминологіи; для выраженія поверхностныхъ и сбивчивыхъ понятій, общихъ у нея съ толпою, она, естественно, употребляетъ и языкъ толпы; она, однимъ словомъ, еще глубоко эмпирична и преслѣдуетъ исключительно утилитарныя цѣли.

Всѣ общія понятія, которыми орудуетъ эта начинающая наука, понятія объ истинѣ и заблужденіи, о добрѣ и злѣ, о добродѣтели и порокѣ, о свободѣ и принужденіи, о справедливости и неравенствѣ, о солидарности и антагонизмѣ и т. д.,—раздѣляютъ участь понятія о прогрессѣ. Это, по существу дѣла,—понятія полу-отвлеченныя, служащія временными точками остановки на пути, ведущемъ мысль отъ конкретной сложности фактовъ къ абстрактной простотѣ идеологическихъ элементовъ, на которые анализъ разлагаетъ

[1]) Докладъ, сдѣланный Международному Конгрессу по соціологіи, засѣдавшему въ Римѣ въ октябрѣ 1912 г.

факты; это—понятія еще очень субъективныя, являющіяся либо обобщеніями, въ которыхъ нераздѣльно господствуетъ начало цѣлесообразности, отношеніе цѣлей къ средствамъ, либо простыми собирательными именами, служащими для обозначенія той или другой совокупности фактовъ и событій, хотя и разнороднаго характера, но признанныхъ сходными вслѣдствіе поспѣшности и несовершенства первыхъ опытовъ.

Образуемыя въ началѣ всякаго изслѣдованія отвлеченныя понятія низшихъ степеней—а ими были когда-то переполнены всѣ отрасли знанія и загромождены всѣ пути, ведущіе къ открытію истины—являются, строго говоря, сочетаніемъ, смѣсью понятій неодинаковаго происхожденія и различной природы. Эмпиризмъ начинающей науки совершенно безсиленъ свести эти идеологическія группы къ ихъ составнымъ частямъ. Эмпирическое изслѣдованіе не въ состояніи изолировать въ нихъ элементъ постоянный, господствующій или существенный. Задача эта выпадаетъ на долю болѣе поздняго фазиса въ развитіи знанія, и, какъ показываетъ исторія наукъ уже зрѣлыхъ, разрѣшается съ помощью болѣе продолжительнаго и вѣрнѣе направленнаго опыта или болѣе тщательнаго и глубокаго анализа изучаемыхъ явленій.

Неопозитивная школа, какъ извѣстно, стремится сдѣлать изъ соціологіи науку автономную и строго-отвлеченную,—два признака, которые, въ ея глазахъ, взаимно предполагаютъ другъ друга. И школа эта настаиваетъ на крайней неотложности полнаго пересмотра главныхъ терминовъ соціологическаго языка съ цѣлью точнаго опредѣленія ихъ колеблющагося и неяснаго смысла.

Объ идеяхъ свободы, равенства, справедливости, солидарности, добра и прогресса уже появлялись въ печати работы, внушенныя неопозитивнымъ ученіемъ,

и нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ моему перу. Но въ этомъ краткомъ докладѣ я, конечно, постараюсь избѣгнуть повторенія взглядовъ и доводовъ по занимающему насъ вопросу, которые можно найти въ моихъ прежнихъ трудахъ, и въ особенности въ книгѣ подъ заглавіемъ „Научное обоснованіе этики“ и въ отдѣльной брошюрѣ „Что такое прогрессъ“?

Ни отъ одного изъ мнѣній, высказанныхъ мною болѣе десяти лѣтъ тому назадъ по вопросу о прогрессѣ, я и теперь не отказываюсь, но это, разумѣется, не можетъ помѣшать мнѣ сдѣлать здѣсь попытку дополнить и подкрѣпить ихъ нѣсколькими новыми соображеніями.

Идея прогресса, какъ множество другихъ идей, которыми мы ежедневно пользуемся, принадлежитъ той части „общей соціологіи“, которую неопозитивисты называютъ „соціологіей дѣйствія“ (между тѣмъ какъ идея истины, напримѣръ, и родственныя ей отвлеченныя понятія являются руководящими въ „соціологіи соборной или коллективной мысли“).

Но „соціологія дѣйствія“ весьма часто употребляетъ особый методъ изслѣдованія, состоящій въ томъ, что изучаемые ею факты (являющіеся, естественно, слѣдствіями нѣкоторыхъ причинъ, уже извѣстныхъ или еще неизвѣстныхъ, это все равно) разсматриваются какъ рядъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ и которыхъ стремится достигнуть человѣческое поведеніе. И вотъ эти цѣли, составляющія предметъ болѣе или менѣе сильныхъ желаній нашихъ, возбуждающія нашу дѣятельность, руководящія нашей волей, возводятся нами на степень такъ называемыхъ „конечныхъ“ причинъ нашихъ поступковъ; причемъ, однако, обыкновенная мысль—а иногда, въ начинающихъ наукахъ, и мысль ученая—сплошь и рядомъ принимаетъ цѣли, преслѣдуемыя нашимъ поведеніемъ, за подлинныя причины, его вызывающія.

Мы всегда, въ послѣднемъ счетѣ, дѣлаемъ то, чего мы не можемъ не сдѣлать. Стеченіе, съ одной стороны, причинъ внѣшняго порядка, о которыхъ было справедливо сказано, что онѣ „неизбѣжно ведутъ насъ къ смерти, каковы бы ни были наши заслуги, наша общественная цѣнность и наше страстное желаніе жить“,—а съ другой, причинъ порядка внутренняго (явленій надорганическихъ или раціональныхъ), это стеченіе заставляетъ насъ дѣйствовать извѣстнымъ, всегда, при равныхъ условіяхъ, одинаковымъ образомъ. Съ этой точки зрѣнія, человѣческое общество, какъ все, что въ немъ совершается, не хорошо и не дурно (не нравственно и не безнравственно въ обычномъ смыслѣ этихъ словъ), а безразлично (аморально) въ такой же степени, какъ жизненныя или физико-химическія явленія. Но въ этомъ сложномъ сочетаніи причинъ, однѣ только причины внутренняго порядка, столь же непреодолимыя, впрочемъ, какъ и причины порядка внѣшняго, вызываютъ и опредѣляютъ собою одно крайне любопытное и единственное въ природѣ явленіе: именно, цѣлесообразность, присущую человѣческому разуму.

Поставленный лицомъ къ лицу съ результатами собственной дѣятельности, умъ человѣка не довольствуется болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ сужденій о ихъ цѣнности, но пользуется, сверхъ того, этими сужденіями, какъ точками отправленія или основой для своихъ наблюденій, изслѣдованій, анализовъ. Всѣ формы практической или прикладной общественной мысли (дѣятельность экономическая, юридическая, нравственная, политическая и т. д.) зависятъ отъ такихъ сужденій и подчиняются законамъ цѣлесообразности, опредѣляются телеологическими критеріями. Однако, переходя отъ сужденій о цѣнности или отъ отношеній цѣлесообразности къ сужденіямъ о фактѣ или къ отношеніямъ причинности, мы впали бы въ грубую

ошибку, предположивъ, что практическая дѣятельность можетъ въ какой бы то ни было мѣрѣ опредѣлять собою причины надорганическаго порядка, которыми, напротивъ, она сама всегда обусловливается. Не та или другая форма общественнаго хозяйства (домашняя, феодальная или интенсивно-промышленная) побуждаетъ умъ человѣка къ открытію законовъ міра физико-химическаго или міра жизни, а, напротивъ, этотъ послѣдовательный рядъ открытій вноситъ самыя глубокія измѣненія въ сущность и въ форму хозяйственныхъ отношеній. Съ другой стороны, не исторически сложившаяся нравственность и не фактически существующее правосознаніе людей заставляютъ ихъ отыскивать законы міра общественнаго или міра разума. То, что неизмѣнно создаетъ, если можно такъ выразиться, и постепенно развиваетъ и улучшаетъ нравы и нравственность, право и учрежденія культурныхъ обществъ, это—опять-таки отвлеченная мысль, направленная на изслѣдованіе соотвѣтствующихъ фактовъ.

Сужденія о цѣнности невозможны безъ предварительнаго образованія общаго понятія о цѣнности. Въ послѣднее время много шума возбудилъ новый терминъ к о н ц е п т а-ц ѣ н н о с т и (concept-valeur), который, однако, выражаетъ идею весьма старую, никогда не оставшуюся чуждою мыслящему и разсуждающему человѣчеству.

Этому понятію теперь стали приписывать самыя чудесныя свойства. Такъ называемый концептъ-цѣнность, если вѣрить всему, что о немъ пишутъ, призванъ разрубить гордіевъ узелъ двухъ самыхъ значительныхъ проблемъ нашего времени: проблемы соціологической и проблемы философской. Онъ долженъ радикальнымъ образомъ обновить старыя теоріи познанія, убѣдивъ насъ въ томъ, что знать, это—„не только представлять себѣ предметы, или с в я з ь между предметами, это

еще—цѣнить вещи, ставить тотъ или другой приговоръ по вопросу объ удовлетвореніи нашихъ желаній, начиная съ самой грубой животной потребности и кончая высшими стремленіями къ Истинѣ и Красотѣ".

То же понятіе, введенное въ этику и въ право, гдѣ оно устанавливаетъ первостепенное значеніе для человѣческой дѣятельности великой области чувства, даетъ будто бы возможность построить соціологію на новыхъ основахъ; оно обновляетъ и возрождаетъ всю теорію исторіи. Наконецъ, это же понятіе будетъ способствовать коренной реформѣ философіи, понудивъ синтетическую мысль не только сдѣлать соотвѣтствующіе выводы изъ общей суммы наличныхъ знаній, но и дать свое заключеніе по вопросу о „цѣнности для насъ міра, о способности его удовлетворить наши стремленія".

Вотъ, скажемъ мы, не только очевидныя преувеличенія, но и рядъ весьма слабо связанныхъ между собою сужденій. Соціологія и философія „цѣнностей" ни въ чемъ въ этомъ отношеніи не уступаютъ прагматической соціологіи и прагматической же философіи, съ которыми онѣ имѣютъ очень много общаго.

Философскій прагматизмъ уже навлекъ на себя упрекъ въ томъ, что „мыслить съ помощью одного только критерія пользы значитъ отказаться отъ всякой мысли" [1]).

Аксіологія, образчикъ которой мы привели выше, должна раздѣлить въ этомъ отношеніи участь прагматизма. Какъ въ философіи, такъ и въ соціологіи, она составляетъ лишь частный случай, исключеніе, не упраздняющее, а подтверждающее общее правило. Такъ называемый концептъ-цѣнность не существуетъ самъ по себѣ или независимо отъ концепта безъ всякой квалификаціи.

[1]) «Penser par considération de l'utile, c'est penser par suppression de la pensée», говоритъ французскій писатель Э. Фагэ.

Каждое понятіе, призванное служить соображеніямъ цѣлесообразности, становится въ глазахъ тѣхъ, кто имъ пользуется, понятіемъ телеологическимъ. И въ природѣ не существуетъ предмета или отношенія, которые мы не могли бы разсматривать какъ благо, достойное достиженія, или какъ зло, требующее, чтобъ его избѣгли, и которымъ мы, поэтому, не могли бы приписать положительную или отрицательную цѣнность. Но отношеніе, превратившееся въ цѣль, поставленную нашей дѣятельности, остается, тѣмъ не менѣе, слѣдствіемъ, имѣющимъ свою причину. И объ открытіи этой именно причины и заботится, её-то и изслѣдуетъ знаніе, когда оно перестаетъ быть субъективнымъ, телеологическимъ и, въ сущности, эмпирическимъ или на половину еще конкретнымъ, и становится объективнымъ, причиннымъ, теоретическимъ или все болѣе и болѣе отвлеченнымъ. Частный случай, когда человѣческая дѣятельность руководится сознательными цѣлями, не нарушаетъ, такимъ образомъ, общаго порядка и объясняется подобно всѣмъ другимъ случаямъ въ природѣ. Вездѣ и всегда, въ тѣсно очерченной области надорганической дѣятельности, различаемой отъ дѣйствія физико-химическихъ и жизненныхъ силъ, чувство служитъ предвѣстникомъ воли, а идея или понятіе, въ свою очередь, является предвѣстникомъ чувства.

Отводя въ общественной дѣятельности первенствующее мѣсто либо одной волѣ, либо волѣ, сопровождаемой чувствомъ, соціологи-прагматики (или еще соціологи-романтики) безъ всякой нужды, praeter necessitatem, какъ говорили схоластики, извращаютъ естественный порядокъ слѣдованія другъ за другомъ надорганическихъ явленій и дѣлаютъ изслѣдованіе ихъ причинныхъ отношеній все менѣе достовѣрнымъ и все болѣе зависящимъ отъ разныхъ случайностей.

Какъ бы то ни было, но идея прогресса безспорно принадлежитъ къ указанному сейчасъ разряду весьма

общихъ „аксіологическихъ“ понятій. Она раздѣляетъ всю совокупность общественныхъ фактовъ на двѣ категоріи: на факты—цѣли, и факты — средства; она содержитъ въ себѣ сужденіе о цѣнности тѣхъ и другихъ, причемъ такое сужденіе отличается отъ иныхъ сужденій подобнаго рода тѣмъ, что предполагаетъ не только простую измѣняемость общественныхъ фактовъ и событій, но еще и способность ихъ безконечно совершенствоваться. Само собою разумѣется также, что мѣрило л у ч ш а г о и его степеней, уже достигнутыхъ общественными явленіями (нравами, учрежденіями, экономическими условіями, нравственными и юридическими нормами и т. п.), не можетъ быть ни отыскиваемо, ни находимо въ другой области, кромѣ обширной области общественнаго „дѣйствія“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, или въ области осуществленія нашихъ желаній и намѣреній, уже выдержавшихъ испытаніе опыта и признанныхъ цѣлесообразными. Идея прогресса принадлежитъ, такимъ образомъ, исключительно „соціологіи дѣйствія“; и явнымъ злоупотребленіемъ и своего рода противорѣчіемъ въ терминахъ, contradictio in adjecto, является всякая попытка ввести это понятіе, какъ руководящее, въ „соціологію общественной мысли“, которая должна заниматься изученіемъ однихъ лишь объективныхъ или чисто-причинныхъ отношеній между общественными явленіями.

Еслибъ это зависѣло только отъ насъ, мы даже охотно предложили бы изгнать изъ элементарной соціологіи такое ходячее выраженіе, какъ прогрессъ нашихъ знаній. Въ самомъ дѣлѣ, перемѣны, наступающія въ состояніи нашихъ знаній и часто глубоко преобразующія его, не могутъ, безотносительно къ ихъ послѣдствіямъ, быть обозначаемы какъ „прогрессъ“. Для того, чтобы имѣть возможность сдѣлать это, не опасаясь впасть въ скрытое логическое противорѣчіе, необходима на-

личность двухъ условій: нужно, во-первыхъ, чтобъ измѣненія, которымъ подверглись знанія, уже успѣли выразиться въ области прикладной дѣятельности, въ цѣломъ рядѣ соотвѣтствующихъ техническихъ перемѣнъ; но и этого еще недостаточно; нужно, далѣе, чтобъ мы были готовы изслѣдовать перемѣны послѣдняго рода (а, косвенно, и причину, предположительно ихъ вызвавшую, т.-е. иное состояніе нашихъ знаній) съ помощью обычныхъ пріемовъ телеологическаго разсужденія, примѣняя къ нимъ, съ возможно большей строгостью, критерій пользы. Нужно, однимъ словомъ, чтобы объективизмъ знанія предварительно сдѣлалъ большія уступки субъективизму дѣйствія, чтобъ онъ вошелъ съ нимъ въ компромиссъ и заключилъ съ нимъ прочный и длительный союзъ [1]).

Понятіе объ абсолютномъ прогрессѣ, включенное нѣкоторыми соціалистическими школами въ свой общественный символъ вѣры, безъ сомнѣнія, уступитъ мѣсто понятію о существенно относительномъ прогрессѣ. Много попытокъ было уже сдѣлано съ цѣлью разложить послѣднее сложное и еще на половину конкретное понятіе (несмотря на видимую его общность, которая здѣсь означаетъ только то, что данное понятіе обнимаетъ или покрываетъ собою большое число поверх-

1) Прогрессъ иногда отрицался въ смыслѣ увеличенія счастья или степени совершенства отдѣльныхъ единицъ, входящихъ въ составъ общественной группы. Нерѣдко утверждали также, что исторія знаетъ лишь самостоятельныя общества, которыя рождаются, умираютъ и смѣняютъ другъ друга, не обнаруживая постояннаго признака, по которому можно было бы безошибочно придти къ заключенію, что одно изъ нихъ по своему развитію стоитъ выше всѣхъ предшествовавшихъ. Оба тезиса эти защищались Дюркгеймомъ, который, тѣмъ не менѣе, проводитъ строгое различіе между «простыми» обществами, нуждающимися преимущественно въ связности, въ принудительномъ объединеніи, и обществами «сложными», преслѣдующими, главнымъ образомъ, высокіе идеалы истины и справедливости.

ностно схваченныхъ, плохо анализированныхъ случаевъ) на его одновременно болѣе точные и болѣе отвлеченные элементы. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые авторы отмѣтили три слѣдующихъ элемента, входящихъ въ составъ идеи относительнаго прогресса: 1) усовершенствованіе всякаго рода техники и вытекающее отсюда улучшеніе „среднихъ“ условій существованія; 2) развитіе въ личности ея человѣческихъ свойствъ, или нравственное усовершенствованіе ея; и наконецъ, 3) возрастающее уваженіе общества къ свободѣ личности, или нравственное усовершенствованіе самой общественной группы. Въ этомъ анализѣ идея прогресса освѣщается и объясняется отчасти идеей цѣлесообразности, которая здѣсь выступаетъ съ большою выпуклостью и одна занимаетъ все поле нашего умственнаго зрѣнія. Объясненная въ этомъ смыслѣ, идея прогресса превращается въ тройную телеологію: телеологію цѣлей, которыхъ стремится достигнуть дѣятельность либо группы, либо общественнаго индивида (личности), когда она направлена въ сторону внѣшней природы; телеологію цѣлей, которыя ставитъ себѣ личность, дѣйствуя на группу (ибо къ такому дѣйствію и сводится все внутреннее содержаніе личной нравственности); и наконецъ, телеологію цѣлей, преслѣдуемыхъ группой, когда дѣятельность ея имѣетъ своимъ непосредственнымъ объектомъ ея собственныя отношенія къ личности (ибо такимъ именно образомъ точно опредѣляется соборная или групповая нравственность, называемая еще справедливостью).

Но достаточно ли все это и не слѣдуетъ ли направить поиска еще въ другую сторону, задавъ себѣ вопросъ: въ чемъ же заключается причина того, что, желая разгадать сущность явленія прогресса, мы необходимо обращаемся къ понятію о цѣлесообразности и, въ концѣ концовъ, отожествляемъ это понятіе съ

явленіемъ, которое оно должно объяснить? Указанныя выше, въ качествѣ составныхъ элементовъ факта и идеи прогресса, три телеологическія отношенія не могутъ ли быть сведены къ одному элементу, къ одной причинѣ, къ отношенію болѣе отвлеченному и общему?

Отвѣтъ, который надлежитъ дать на этотъ вопросъ, не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Болѣе глубокій анализъ историческихъ и современныхъ фактовъ ясно обнаруживаетъ единственный элементъ, общую причину троякой цѣлесообразности, неотступно приковывающей къ себѣ вниманіе человѣческаго ума и составляющей наиболѣе цѣнное содержаніе разнообразныхъ событій, обозначаемыхъ словомъ прогрессъ. Эта причина, всегда имѣющаяся на-лицо и съ большою легкостью устанавливаемая всякій разъ, когда дѣло идетъ о перемѣнѣ, совершившейся подъ вліяніемъ одной изъ перечисленныхъ выше формъ цѣлесообразности (перемѣнѣ, которая поэтому и получаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе у л у ч ш е н і я условій общественной или личной жизни); и, обратно, всегда отсутствующая и не могущая быть нами отмѣченной, когда общественное состояніе не измѣняется или измѣняется въ смыслѣ, противоположномъ нашимъ оптимистическимъ желаніямъ и надеждамъ, — эта причина, безспорно, заключается въ поступательномъ движеніи, въ количественномъ и качественномъ ростѣ какъ физико-химическихъ и біологическихъ, такъ и надорганическихъ или соціологическихъ знаній.

Умноженіе и развитіе физико-химическихъ знаній неминуемо влечетъ за собою, въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, усовершенствованія въ техническихъ орудіяхъ производства и, слѣдовательно, сопровождается увеличеніемъ богатства и матеріальнаго благосостоянія. Ростъ біологическихъ знаній неизбѣжно ведетъ къ тѣмъ же экономическимъ послѣдствіямъ и,

сверхъ того, дѣлая біо-индивидуальную жизнь болѣе продолжительной, сильно вліяетъ на самый источникъ соборнаго опыта или взаимодѣйствія сознаній, на глубокую основу всякой общественности. Наконецъ, завоеванія и пріобрѣтенія надорганическаго или общественнаго знанія имѣютъ неизмѣннымъ послѣдствіемъ то, что принято называть развитіемъ человѣческой личности; они влекутъ за собою все болѣе и болѣе высокую нравственность послѣдней и обусловливаютъ параллельное и, безъ сомнѣнія, нѣсколько болѣе раннее развитіе общественныхъ группъ; причемъ самыя группы растутъ не только количественно или числомъ, но и качественно, постоянно расширяя свое могущество и увеличивая свою нравственную цѣнность, свое достоинство, а это, въ свою очередь, побуждаетъ группу относиться съ все бо́льшимъ и бо́льшимъ уваженіемъ къ „свободѣ“ единицъ, ее составляющихъ. Отмѣтимъ здѣсь, однако, неясность и двусмысленность только-что указанной общепринятой формулы о „свободѣ личности“. Она легко можетъ привести къ самымъ жалкимъ заблужденіямъ (напримѣръ, къ нелѣпымъ заданіямъ и „кошмарнымъ“ выступленіямъ анархизма), если мы ее не обезвредимъ замѣной въ ней популярнаго термина „свободы“ его точнымъ соціологическимъ синонимомъ: „знаніемъ“ и той властью, которую знаніе даетъ намъ надъ природой и надъ нами самими.

Внутреннее развитіе трехъ главныхъ отдѣловъ знанія (наукъ явленій неорганической природы, наукъ явленій природы органической и наукъ явленій природы надорганической), а также и внѣшнее, такъ сказать, развитіе его или распространеніе, проникновеніе въ умы глубокихъ человѣческихъ массъ,—вотъ единственный и постоянный источникъ всякаго общественнаго прогресса. Прогрессъ этотъ, въ своей матеріальной или въ своей духовной (надорганической) формѣ,

уже осуществился, въ теченіи исторіи, въ огромномъ, не поддающемся никакому статистическому вычисленію количествѣ случаевъ; и ни въ одномъ изъ нихъ указанная нами сейчасъ тѣсная причинная связь не порвалась и даже не ослабла ни на одну минуту [1]).

Строгое отношеніе причины къ слѣдствію, наблюдаемое между уровнемъ и степенью распространенія знанія, съ одной стороны, и измѣненіями, которымъ подвергаются дѣятельность и поведеніе людей, а равно и результаты этой дѣятельности, съ другой, бросается въ глаза и ослѣпляетъ насъ своей очевидностью всякій разъ, когда мы приступаемъ къ сравненію приложеній физико-химическихъ знаній, напримѣръ, или промышленной техники въ широкомъ смыслѣ слова, съ примѣненіями надорганическихъ знаній (обнимающихъ одинаково знанія психологическія и знанія историческія), то-есть съ тѣмъ, что можно обозначить однимъ общимъ терминомъ „общественной техники“.

Въ области промышленной техники, прогрессъ можетъ быть медленнымъ или быстрымъ, но онъ постояненъ, непрерывенъ; регрессъ, возвращеніе назадъ здѣсь—явленіе въ высшей степени рѣдкое, чтобы не сказать невозможное. И не трудно понять, какимъ образомъ въ работахъ этого рода просвѣщенное чело-

1) Такъ, напримѣръ, и ограничиваясь лишь одной областью нравственнаго прогресса, самое существованіе котораго иногда еще оспаривается, мы уже въ состояніи прослѣдить за медленнымъ ходомъ успѣховъ чисто общественнаго или нравственнаго знанія, поскольку успѣхи эти выразились въ послѣдовательной смѣнѣ великихъ общественныхъ типовъ, отъ родового типа къ феодальному и отъ послѣдняго къ новѣйшему государственно-индивидуалистическому типу; или еще въ переходѣ отъ общественнаго строя, управляемаго неизмѣннымъ обычаемъ (законъ Сумнера Мэна), къ строю, управляемому договоромъ; или, наконецъ, въ упроченіи или укорененіи права путемъ отвлеченнаго обобщенія его главныхъ нормъ, распространяемыхъ на все болѣе и болѣе широкіе общественные круги, и т. п.

вѣчество уже можетъ строить свои телеологическія разсужденія по слѣдующей схемѣ: эта вещь хороша, полезна, а потому я ее желаю, хочу. Напротивъ того, въ области общественной техники, движеніе впередъ, хотя и не можетъ быть отрицаемо, если сравнивать между собой общественныя состоянія, отдѣленныя другъ отъ друга огромными промежутками времени, однако, является подверженнымъ безпрестаннымъ колебаніямъ, внезапнымъ отступленіямъ назадъ и такимъ формамъ регресса, которыя какъ бы сливаются съ прогрессомъ и постоянно ему сопутствуютъ. И цѣлесообразность въ этой области еще строится по такому ребяческому шаблону: я желаю этой вещи, я ее хочу, а потому она хороша и полезна. Въ этомъ случаѣ общественная мысль облекается въ самую наивную свою форму: въ прагматизмъ. Это, конечно, не значитъ, чтобы чувство и воля могли, въ общественныхъ дѣлахъ, дѣйствительно повелѣвать разумомъ или знаніемъ, выражающимъ разумъ. Но чувство и воля въ такихъ случаяхъ повинуются той ранней ступени „разумности“, которая впослѣдствіи поражаетъ насъ, какъ безразсудство или прямая глупость, и которая находитъ себѣ соотвѣтствующее выраженіе въ низкомъ уровнѣ знанія, характеризуемомъ нами позднѣе какъ невѣжество или заблужденіе.

Мы въ настоящее время еще очень плохо разбираемся въ вопросахъ и задачахъ, которые должна рѣшить соціологія; неудивительно, поэтому, что мы въ этой области ведемъ себя, какъ недоросли или большія дѣти, что мы на каждомъ шагу впадаемъ здѣсь въ прагматическую иллюзію, что мы изъ нашихъ желаній и нашихъ потребностей дѣлаемъ мѣрило добра и пользы, а не наоборотъ, изъ добра и пользы, доказанныхъ опытнымъ путемъ, критерій и мѣрку нашихъ желаній и потребностей. Мы едва догадываемся о томъ, что и въ первомъ случаѣ наши чувства и наша воля коре-

нятся и развиваются въ той же самой почвѣ, какъ и во второмъ,—съ тою только разницей, впрочемъ, весьма существенной, что почва эта въ первомъ случаѣ густо удобрена нашимъ невѣжествомъ и нашими многочисленными заблужденіями. А это невѣжество и эти заблужденія лишь весьма медленно уступаютъ мѣсто знанію, все болѣе и болѣе точному и достовѣрному.

Да позволено мнѣ будетъ, заканчивая этотъ бѣглый очеркъ, подняться на минуту на одну изъ тѣхъ высокихъ вершинъ, съ которыхъ зрѣніе философа обнимаетъ совокупность человѣческихъ знаній и простирается на весь горизонтъ современной мысли. Для меня, неопозитивиста, такая вершина носитъ названіе логическаго монизма, какъ для сторонниковъ иного міровоззрѣнія она могла бы съ не меньшимъ основаніемъ именоваться матеріализмомъ, идеализмомъ, критицизмомъ, витализмомъ, плюрализмомъ, прагматизмомъ, интуитивной и всякой другой философіей. Итакъ, становясь на точку зрѣнія логическаго монизма, вотъ къ какому краткому выводу я прихожу по отношенію къ идеѣ прогресса.

Три концентрическія сферы образуютъ природу или вселенную, которая, несмотря на свою дѣйствительную или кажущуюся безпредѣльность, существенно доступна нашему познаванію, а именно: 1) внѣшняя сфера, содержащая въ себѣ двѣ другія, или міръ, обнаруживающій физико-химическіе виды энергіи; 2) сфера, непосредственно заключенная въ первую, или міръ, обнаруживающій жизненную форму энергіи; и наконецъ, 3) сфера центральная, ограниченная со всѣхъ сторонъ живою матеріей и живою энергіей, или міръ разума. Но всѣ явленія, происходящія въ природѣ, явленія, которыя умъ человѣческій успѣлъ безъ остатка распредѣлить въ указанныя выше три великія категоріи, подвержены постояннымъ измѣне-

ніямъ. Оставаясь тождественными съ извѣстныхъ сторонъ, которыя мы обозначаемъ, какъ ихъ простые, элементарные или отвлеченные признаки, явленія дифференцируются и разнообразятся до безконечности съ другихъ сторонъ, которыя мы называемъ ихъ сложными, слитными или конкретными качествами и формами. При этомъ всегда замѣчается слѣдующее. Многочисленныя и разнообразныя событія, наполняющія собою міръ физико-химическихъ явленій, могутъ быть научно обобщены и подведены подъ одно понятіе,—идею движенія или чисто „пространственной“ перемѣны. Не считаясь съ ограниченіемъ, представляемымъ послѣдней квалификаціей, ограниченіемъ, которое едва ли сколько-нибудь значительно уменьшаетъ общность понятія, можно сказать, что основная идея перемѣны не характеризуется здѣсь никакимъ болѣе специфическимъ признакомъ. Дѣло обстоитъ уже нѣсколько иначе, когда мы переходимъ въ слѣдующую или среднюю, промежуточную сферу, въ область жизни. Въ силу особыхъ законовъ, управляющихъ явленіями этого рода, происходящія здѣсь физико-химическія движенія (или передвиженія, перемѣны мѣста) подвергаются, въ свою очередь, новому измѣненію. Вещи здѣсь также движутся, но уже на особый, рѣзко отличный отъ прежняго ладъ, или слѣдуя иному „ритму“: именно, онѣ рождаются, растутъ, созрѣваютъ, старѣютъ и умираютъ; или, выражая все это въ одномъ словѣ, онѣ развиваются (онѣ подвержены процессу эволюціи, какъ принято говорить нынѣ [1]). Наконецъ, когда мы проникаемъ въ послѣд-

[1]) Интересно отмѣтить, что прежнее пониманіе прогресса (до эпохи Тюрго и Кондорсэ Канта и Гердера, С.-Симона и Конта, а также всѣхъ «соціалистовъ» XIX вѣка) довольно близко сходилось съ нынѣшнимъ пониманіемъ эволюціи. Такъ, напримѣръ, Паскаль въ срединѣ XVII столѣтія еще пишетъ: «Tout ce qui se perfectionne par progrès, périt aussi par progrès» (Pensées, XXIV 96).

нюю, центральную или ядровую сферу, составляющую область, въ которой разумъ различаетъ причинность отъ цѣлесообразности и орудуетъ, смотря по обстоятельствамъ, методами той или другой, насъ поражаетъ третья и крайне любопытная перемѣна. Жизненная эволюція и различные процессы, обозначаемые этимъ терминомъ, претерпѣваютъ новое, столь же глубокое, сколько специфическое видоизмѣненіе; специфическое, т.-е. сообразное со все болѣе и болѣе частными условіями или законами, которыми опредѣляется и управляется этотъ разрядъ явленій. Еще одинъ, послѣдній разъ, природа мѣняетъ свой внѣшній обликъ и міровая энергія принимаетъ новую (для насъ высшую) форму; а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизненная эволюція, направленная въ общественную колею, превращается въ совершенно особый видъ движенія, получающій названіе прогресса.

Движеніе (или простое пространственное измѣненіе, перемѣщеніе), эволюція (или движеніе, усложненное условіями органической жизни, движеніе, такъ сказать, біологически квалифицированное), и наконецъ прогрессъ (или движеніе, усложненное условіями не только органической жизни, но и общественнаго существованія, или эволюція, соціологически квалифицированная), — таковы три послѣдовательныя ступени, чрезъ которыя проходитъ одинъ и тотъ же естественный процессъ, смотря по тому, въ какой изъ трехъ великихъ концентрическихъ сферъ, образующихъ вселенную, онъ развертывается, и смотря по тому, какимъ законамъ онъ слѣдуетъ и подчиняется: всеобщимъ ли законамъ, управляющимъ неорганической матеріей, менѣе общимъ законамъ жизни или еще болѣе частнымъ законамъ разума.

Вильгельмъ Оствальдъ.
Энергетика общихъ законовъ прогресса [1]).

Эволюція организма есть въ сущности его возрастающая дифференціація. Эта дифференціація характеризуетъ собой какъ эволюцію всего животнаго вида, такъ и эволюцію отдѣльнаго индивида. Отсюда—хорошо извѣстный фактъ, что наиболѣе развившіеся индивиды обладаютъ наименьшей сопротивляемостью и долговѣчностью. Поэтому нужно дать себѣ отчетъ, какимъ образомъ такая эволюція можетъ быть прогрессомъ, иначе говоря, какимъ образомъ она можетъ клониться къ увеличенію жизнеспособности организма.

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо помнить, что эволюція есть измѣненіе, которое совершается въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени;

[1]) Annales de l'Institut international de Sociologie, tome XIV, Paris, Giard et Brière, 1913, p. 375—378.—Вильгельмъ Оствальдъ — одинъ изъ наиболѣе выдающихся представителей современной научной и философской мысли въ Германіи. Перворазрядный естествоиспытатель,—за свои работы въ области химіи получившій нобелевскую премію,—онъ пользуется, сверхъ того, громкой извѣстностью какъ философъ-монистъ, какъ теоретикъ познанія и, наконецъ, какъ соціологъ. Его попытка примѣнить къ изслѣдованію главныхъ проблемъ общей соціологіи методы и законы той особой формы логическаго мышленія, которой онъ самъ далъ названіе «энергетики» (см. его книгу: «Die energetischen Grundlagen der Kulturwissenschaft»), заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Попытка эта вдвойнѣ интересна: она, во-первыхъ, успѣшно разрушаетъ «китайскую стѣну», воздвигнутую соціологическимъ невѣжествомъ предшествовавшихъ намъ поколѣній между такъ наз. «естественными» и такъ наз. «гуманитарными» науками; и во-вторыхъ, она съ новой точки зрѣнія освѣщаетъ и подтверждаетъ руководящіе тезисы неопозитивной соціологіи (см. статью: «Энергетика и соціологія» въ Вѣстникѣ Европы, мартъ, 1910).

Прим. редакціи.

и это измѣненіе—необратимо; старикъ никогда не сдѣлается вновь ребенкомъ, а дерево — саженцомъ или сѣменемъ. Объясненіе этого общаго факта, который обнаруживается также и въ неорганической природѣ, основывается на законахъ разсѣянія энергіи и возрастанія энтропіи.

Всѣ явленія природы состоятъ въ превращеніи свободной энергіи въ энергію „связанную“, которая затѣмъ остается въ статическомъ состояніи и уже болѣе неспособна къ дальнѣйшему измѣненію, что равносильно утратѣ энергіи.

Точно такъ же и жизнь есть процессъ разсѣянія энергіи; всякое живое существо безпрерывно овладѣваетъ свободной энергіей, которой оно пользуется для своихъ цѣлей, превращая ее въ энергію несвободную. А такъ какъ послѣдняя распространена въ мірѣ въ очень большомъ количествѣ, то она не обладаетъ никакой цѣнностью. Наоборотъ, свободная энергія имѣетъ высокую цѣнность, потому что она есть условіе жизни. Эта цѣнность измѣняется подъ вліяніемъ двухъ факторовъ. Общая цѣнность опредѣленнаго количества свободной энергіи пропорціональна этому количеству; но цѣнность ея измѣняется также и въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, насколько данное количество энергіи приспособлено къ потребностямъ организма. Такъ, солнечная энергія обладаетъ огромной цѣнностью для растеній, но очень малой для животныхъ, которыя вовсе неспособны примѣнить ее къ своимъ цѣлямъ.

Изъ всего предыдущаго мы можемъ теперь вывести общую формулу прогресса. Организмъ (или извѣстный животный видъ) тѣмъ болѣе прогрессивенъ, чѣмъ большимъ количествомъ свободной энергіи, приспособленной къ его спеціальнымъ потребностямъ, онъ пользуется. Это количество зависитъ и отъ природы самой энергіи и отъ сложенія организма, являющагося болѣе или

менѣе способнымъ употреблять энергію для своихъ цѣлей. Такъ, извѣстные организмы болѣе способны, чѣмъ другіе, превращать, при помощи своихъ мускуловъ, потенціальную химическую энергію въ дѣйствующую механическую силу; ихъ поэтому и слѣдуетъ размѣстить выше въ лѣстницѣ прогресса.

Если мы приложимъ эти замѣчанія къ человѣческому роду, то увидимъ, что прогрессъ человѣчества состоитъ въ томъ, что человѣкъ все больше и больше утилизируетъ свободную энергію, распространенную на поверхности земли. Онъ присваиваетъ ее себѣ въ возрастающемъ количествѣ, онъ научается все лучше и лучше приспособлять ее къ своимъ потребностямъ, превращая свободную энергію въ энергію спеціализированную. Весь прогрессъ техники, политической организаціи, права и науки—сводится къ этой формулѣ. Послѣднимъ основаніемъ общественнаго прогресса является то, что, благодаря постепенно совершенствующейся организаціи человѣческихъ группъ, все лучше и лучше осуществляется использованіе человѣкомъ свободной энергіи міра. Такое использованіе совершается двумя способами, которые и являются какъ бы сущностью соціальной эволюціи: раздѣленіемъ и сочетаніемъ труда.

Раздѣленіе труда покоится на томъ фактѣ, что машина, предназначенная для превращенія, со спеціальной цѣлью, даннаго количества извѣстной энергіи, неспособна превратить для другихъ цѣлей другіе виды энергіи. Отсюда слѣдуетъ, что простой организмъ, сначала одинаково способный превращать всѣ безразлично виды энергіи, впослѣдствіи дифференцируется на органы, на отдѣльныя части, изъ которыхъ каждая имѣетъ задачей превращать лишь вполнѣ опредѣленный видъ энергіи. Такимъ образомъ сумма использованной организмомъ энергіи постоянно возрастаетъ.

Но раздѣленіе труда не могло бы исполнить этой задачи, еслибъ ему въ извѣстномъ смыслѣ не содѣй-

ствовало сочетаніе труда. Это потому, что всѣ виды энергіи, усваиваемые организмомъ, должны быть приспособлены къ общей цѣли, должны образовать гармоничное цѣлое, систему сходящихся въ одной точкѣ силъ. Образованіе органовъ не оказало бы никакой услуги организму, если бы дѣйствіе каждаго органа не было согласовано съ общими цѣлями организма. Не достаточно того, что существуетъ спеціальный органъ, напримѣръ, глазъ, предназначенный получать извнѣ свѣтовыя впечатлѣнія; нужно еще, чтобы этотъ органъ былъ приспособленъ къ своей функціи защиты организма. Раздѣленіе труда само по себѣ не есть прогрессъ, если оно не сопровождается взаимнымъ приспособленіемъ органовъ къ общимъ цѣлямъ организма.

Только-что сказанное позволяетъ намъ изложить здѣсь нѣсколько соображеній о потребностяхъ нашего времени. Необыкновенное развитіе средствъ передвиженія сдѣлало изъ всего человѣчества огромную трудовую общину, въ которой безпрепятственно совершаются всевозможные обмѣны. Сближеніе частей человѣчества, до сихъ поръ бывшихъ разрозненными,—фактъ уже совершившійся; однако, еще остается организовать ихъ въ одно цѣлое, сдѣлать ихъ поистинѣ солидарными, согласовать ихъ дѣятельность въ видахъ наиболѣе совершеннаго использованія наличной энергіи нашей планеты. Великая практическая проблема, которая ставится передъ современной соціологіей, есть проблема организаціи общества, замѣны чисто механическаго его единства, осуществлявшагося благодаря развитію средствъ передвиженія, единствомъ функціональнымъ, съ цѣлью увеличенія количества свободной энергіи, приспособляемой человѣчествомъ къ своимъ потребностямъ.

Перев. Н. Кондратьевъ.

Поль Коллэ.

Общественный прогрессъ [1]).

Прогрессъ есть тотъ спеціальный видъ эволюціи, когда она разсматривается не въ смыслѣ развитія постепеннаго, самопроизвольнаго, не намѣреннаго, а въ смыслѣ развитія желаемаго и желательнаго, искомаго.

Въ то время, какъ подъ терминомъ эволюція мы разумѣемъ объективное описаніе послѣдовательныхъ превращеній явленій, подъ терминомъ прогрессъ мы понимаемъ субъективную оцѣнку значенія этихъ превращеній, мы обозначаемъ этимъ словомъ сужденіе о цѣнности самой эволюціи тѣхъ же явленій.

Слово прогрессъ возбуждаетъ такимъ образомъ въ нашемъ умѣ понятіе объ исключительно телеологическомъ улучшеніи, о совершенствованіи, о превосходствѣ стараго или новаго состояніи вещей надъ другимъ состояніемъ ихъ, прошедшимъ или настоящимъ.

[1]) Elément·s de sociologie, Paris, Rivière et C-ie, 1913, глава XXI, стр. 335—341. Въ каждой главѣ своей книги авторъ даетъ краткій перечень источниковъ, служившихъ ему пособіемъ при составленіи ея. Въ переведенной здѣсь главѣ сдѣланы слѣдующія библіографическія указанія:

Condorcet.—Esquisse d'un tableau des progrès de l'ésprit humain (1794). Aug. Comte. — Cours de philosophie positive (1830—1842). Spencer.—Essai sur le progrès (5-me éd). E. de-Roberty.—Fondements de l'éthique (1898); Le Bien et le Mal (1896); Frédéric Nietzche (1902). G. Tarde.—Les lois sociales (1898). Izoulet.—La Cité moderne (1895). Palante.—Précis de sociologie (1906). G. de-Greef. — Précis de sociologie (1909). Romanès.—L'évolution mentale chez l'homme (1891). Lester Ward.—Sociologie pure (1906). D-r I. Pioger.—La vie sociale, la Morale et le Progrès (1894). Federici. — Les lois du Progrès (2 vol., 1888). P. Lavroff.—Le Progrès. Théorie et Pratique (1895).

Разсматривая какое-нибудь общественное явленіе, напримѣръ, явленіе религіозное, мы можемъ прежде всего стараться понять, какъ это явленіе развивалось, т.-е. изслѣдовать превращенія, которымъ оно послѣдовательно подвергалось съ самаго возникновенія своего до нашихъ дней, изслѣдовать его періоды подъема и упадка; мы затѣмъ можемъ спросить себя, составляетъ ли эта эволюція общественный, т.-е. нравственный прогрессъ, имѣются ли на лицо признаки улучшенія въ обществахъ, гдѣ это явленіе растетъ, или въ тѣхъ, гдѣ оно клонится къ упадку.

Но наши оцѣнки, наши желанія, цѣли, которыя мы преслѣдуемъ, различны, смотря по эпохамъ, обществамъ, классамъ одного и того же общества, и даже отдѣльнымъ личностямъ въ одномъ и томъ же классѣ. Отсюда слѣдуетъ, что понятіе прогресса крайне относительно. Мы видѣли, что это понятіе, въ высокой степени современное, было неизвѣстно въ древности; оно, впрочемъ, еще отрицается и тѣми, кто никогда не могъ постичь его истиннаго значенія. Такіе писатели, сравнивая соціологію съ біологіей, химіей и физикой, полагаютъ, что открыли великую истину, когда утверждаютъ, что идея прогресса такъ же мало законна въ соціологіи, какъ и въ другихъ естественныхъ наукахъ. Они тысячу разъ правы, но отрицать научную законность явленія не значитъ его объяснять; вѣдь идея постояннаго прогресса существуетъ, вѣдь она есть общественное явленіе, которымъ соціологія не можетъ не интересоваться.

Все, что наука можетъ сдѣлать, это указать этому понятію его мѣсто въ іерархіи общественныхъ явленій. Примѣръ другихъ наукъ поможетъ намъ разрѣшить эту задачу. Эти науки уже съ давнихъ поръ отдѣлили у себя теоретическую, абстрактную часть отъ практической и технической; онѣ совершенно не интересу-

ются утилитарной стороной изучаемыхъ ими вопросовъ, хотя и не отрицаютъ ея важности. Физикъ и химикъ нисколько не заботятся ни о промышленномъ, ни о преступномъ примѣненіи ихъ теорій, которое является задачей техника, (бомбы анархистовъ, пушки, прорытіе горъ и т. д.); біологъ предоставляетъ врачу примѣнять сдѣланныя біологіей открытія къ гигіенѣ и уходу за больными.

Соціологія находится на пути къ подобной же дифференціаціи. Соціологія все больше и больше освобождается отъ практическихъ и телеологическихъ заботъ: соціологъ стремится предоставить общественнымъ техникамъ (политикамъ, юристамъ, судьямъ, экономистамъ и т. д.) искусство извлекать изъ научныхъ теорій, имъ выработанныхъ, практическія примѣненія, согласованныя съ тѣми понятіями о прогрессѣ, которыя имѣютъ такіе общественные дѣятели.

Въ дѣйствительности, промышленный прогрессъ всегда близко слѣдовалъ за прогрессомъ въ области наукъ физико-химическихъ; успѣхи хирургіи, медицины и гигіены стали возможными только какъ слѣдствіе прогресса біологіи. Такъ же точно прогрессъ нравственности слѣдовалъ и впредь будетъ слѣдовать за успѣхами соціологіи.

Конечно, нравственный прогрессъ кажется намъ незначительнымъ, до такой степени ничтожнымъ, что поверхностные наблюдатели его вовсе отрицаютъ. Имъ надо простить ихъ близорукость, такъ какъ факты до сихъ поръ оправдывали ихъ сомнѣнія. Но сохранится ли такое положеніе вещей и въ будущемъ? Не потому ли, что успѣхи общественной науки были до сихъ поръ равны нулю или почти равны нулю, и общественная технологія, прикладная соціологія оставалась безсильной передъ общественными болѣзнями и страданіями, (индивидуальными преступленіями и преступленіями са-

мого общества), безсильной создать соціальную гигіену (воспитаніе, практическая мораль), безсильной, однимъ словомъ, вызвать прочный нравственный прогрессъ.

Но наличность такихъ фактовъ не должна приводить насъ въ отчаяніе: развѣ врачебное искусство не прозябало въ состояніи самаго грубаго эмпиризма до научнаго обоснованія біологіи? Также точно и техническія приложенія получили широкое распространеніе лишь со времени великихъ открытій въ физикѣ и химіи. У насъ нѣтъ никакого основанія думать, что нравственность, эта медицина, эта гигіена общественная, не будетъ близко слѣдовать за успѣхами отвлеченной соціологіи, успѣхами, при возникновеніи которыхъ мы сейчасъ присутствуемъ и которые могутъ лишь усилиться въ ближайшемъ будущемъ.

Не будемъ же поддаваться припадкамъ пессимистическаго настроенія, отуманивавшимъ умъ какого-нибудь Жанъ-Жака Руссо или Брюнетьера; не повѣримъ идеѣ о пользѣ возврата къ жизни дикарей и варваровъ и идеѣ о банкротствѣ науки; онѣ могли родиться только въ больномъ мозгу людей, плохо подготовленныхъ къ воспріятію искусственно ускоренной культуры, которой они были подвергнуты. Такіе люди напоминаютъ милліардера, умирающаго отъ тоски посреди золота, съ которымъ онъ не знаетъ, что начать. Возвращеніе къ жизни дикарей! Но сколько людей, съ которыми мы ежедневно сталкиваемся, обладаютъ умственностью нисколько не выше умственнаго склада дикаря. Банкротство науки! Но прежде всего надо согласиться относительно истиннаго значенія термина „наука“. Понимаемъ ли мы подъ нимъ однѣ только науки естественныя? Въ такомъ случаѣ смѣшно говорить о банкротствѣ: эти торговые дома никогда не брали на себя обязательства продавать намъ нравственность или тѣ или другія общественныя лѣ-

карства; они обѣщали намъ орудія и машины, хирургическія операціи и здоровье; они исполнили свои обѣщанія и мы сохраняемъ имъ наше довѣріе.

Понимаемъ ли мы подъ словомъ „наука“ соціологію? Но вѣдь это филіальное отдѣленіе еще только устраивается, его полки и шкафы еще пусты, и самое открытіе его не имѣло мѣста; оно привлекаетъ взоры своею новизною и надеждами, которыя оно порождаетъ; проекты его устава сулятъ отпускать намъ нравственность и соціальныя лѣкарства всякаго рода; подождемъ же, по крайней мѣрѣ, начала его дѣятельности, прежде чѣмъ кричать объ его банкротствѣ.

Эта навязчивая идея о мнимой несостоятельности науки, раздѣляемая нынѣ многими „упростившимися“ умами, основана такимъ образомъ на двойномъ недоразумѣніи: на приложеніи термина „наука“ къ однѣмъ только естественнымъ наукамъ и на смѣшеніи практики съ теоріей.

На первомъ пунктѣ мы не будемъ настаивать, не претендуя убѣдить тѣхъ, кто систематически отказывается прпзнать за современной соціологіей какой-либо научный характеръ и даже лишаетъ ее всякой надежды когда-либо обосноваться по типу теоретической или отвлеченной науки. Мы предоставимъ имъ противо поставлять прогрессъ умственный прогрессу нравственному или соціальному, т.-е. противопоставлять цѣлое (науки) одной изъ его частей (соціологіи). Намъ кажется невозможнымъ противополагать другъ другу эти два члена одного и того же ряда: всякій умственный прогрессъ, т.-е. всякій прогрессъ науки, содержитъ въ себѣ зародышъ нравственнаго прогресса, т.-е. науки о нравственности или соціологіи; и такимъ же образомъ всякій нравственный прогрессъ влечетъ за собою прогресъ умственный, ибо часть не можетъ расти, не увеличивая своего цѣлаго.

Что касается смѣшенія теоріи и практики, то объ этомъ мы уже говорили выше, повторимъ вкратцѣ сказанное нами. То, что обычно понимается подъ терминомъ общественный прогрессъ, есть, въ дѣйствительности, прогрессъ нравственности въ широкомъ смыслѣ. Когда ставится вопросъ: замѣчается ли въ современныхъ обществахъ прогрессъ по сравненію съ прежними обществами, то въ дѣйствительности спрашивается не о томъ, сдѣлала ли успѣхи наука нравственности или общественности, начиная съ древнихъ временъ, а улучшились ли практика жизни, внѣшнія условія, отношенія между людьми и обществами ихъ, однимъ словомъ, стала ли практика болѣе совершенной, склонилось ли къ добру и отклонилось ли отъ зла все, что извѣстно подъ именемъ общественной жизни. На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ: наши матеріальныя потребности лучше удовлетворены, но гораздо хуже удовлетворены наши нравственные запросы; и изъ этого заключаютъ, съ легкимъ сердцемъ, что развитіе, что успѣхи нашей матеріальной жизни являются помѣхой на пути къ прогрессу нашей нравственной жизни и самой нравственности.

Какъ объяснить этотъ выводъ, повидимому, оправдываемый поверхностнымъ наблюденіемъ дѣйствительности? Самообманъ, жертвой котораго мы при этомъ становимся, объясняется, съ одной стороны, быстрымъ развитіемъ, въ теченіе немногихъ вѣковъ, наукъ физическихъ или естественныхъ, развитіемъ, которое одновременно и порождало новыя общественныя потребности, и давало практическимъ примѣненіямъ возможность удовлетворить эти потребности; и онъ же объясняется, съ другой стороны, тѣмъ обстоятельствомъ, что наши нравственныя потребности развились, напротивъ того, болѣе быстро, чѣмъ средства, служащія къ ихъ удовлетворенію; соціологическія изслѣдованія, ко-

торыя, за послѣднее столѣтіе въ особенности, подорвали въ корнѣ столько старыхъ нравственныхъ предразсудковъ, лежавшихъ въ основѣ нашего поведенія, развили и укрѣпили совѣсть, освободили ее отъ „императивной, автоматической и органической нравственности“ и одновременно сняли съ личности ярмо „единаго“ догмата; они дали каждому полную свободу совѣсти и раздробили такимъ образомъ плотную и вѣковую глыбу правилъ и нормъ поведенія, которыя лежали въ основѣ нашей старой нравственности. Эта критическая работа разложенія прежней коллективной совѣсти не сопровождалась, однако, органической работой образованія новой коллективной совѣсти. Соціологія до настоящаго времени была преимущественно дѣятельнымъ разлагающимъ началомъ по отношенію къ нашей нравственности: ея теоріи, еще недостовѣрныя и противорѣчивыя, не могли служить прочнымъ основаніемъ для коренной перестройки нашего уже сильно поколебленнаго общественнаго зданія. Соціологія развила и умножила число нашихъ общественныхъ потребностей, заставляя мелькать передъ нашими глазами новые идеалы общественной справедливости и нравственности; она еще не разрѣшилась плодотворными открытіями, которыя дадутъ возможность осуществить эти новые идеалы.

Но прогрессъ, достигнутый другими науками, служитъ намъ вѣрнымъ ручательствомъ успѣховъ, которые, рано или поздно, будутъ удѣломъ и соціологіи; а прогрессъ теорій нравственности неминуемо повлечетъ за собою и прогрессъ въ области нравственнаго поведенія.

Мы можемъ даже придти вмѣстѣ съ Е. де-Роберти [1]) къ выводу, что прогрессъ знанія есть единственно возможный видъ общественнаго прогресса. Всякое явленіе въ любой отрасли коллективной дѣятельности людей, представляющееся нашимъ

[1]) De Roberty: Fondements de l'Ethique, p. 126.

глазамъ какъ прогрессъ, должно выражать собою приростъ знанія и умѣнія приложить его къ нашимъ нуждамъ, должно быть въ состояніи практически осуществить теоретическую идею. Когда доказано, что этого нѣтъ, такъ называемое или предполагаемое движеніе впередъ, въ искусствѣ, въ политикѣ, въ промышленности, въ философіи, въ нравахъ, въ законахъ, есть лишь самообманъ, иллюзія, за которой часто скрывается движеніе назадъ, реакція, упадокъ.

Перев. В. де-Кастро.

А. Лоріа.

Послѣдняя эволюція теоріи эволюціи [1]).

Сравнивая современную теорію эволюціи съ той, которая господствовала двадцать пять лѣтъ тому назадъ, нельзя не видѣть глубокаго различія между ними. Въ то время въ естественныхъ наукахъ господствовала теорія Дарвина, позже распространенная Спенсеромъ на всѣ области органической и надорганической жизни; согласно этой теоріи эволюція представляетъ постепенный и непрерывный подъемъ къ все болѣе и болѣе сложнымъ и совершеннымъ формамъ. Однако, это понятіе должно было испытать существенное измѣненіе въ области соціальной эволюціи, измѣненіе, виновникомъ котораго былъ К. Марксъ. Онъ подмѣтилъ и доказалъ, что соціальная и экономическая эволюція совершается не путемъ медленнаго и постепеннаго измѣненія, какъ думалъ Г. Спенсеръ, а что она проходитъ черезъ рядъ послѣдовательныхъ формъ, изъ которыхъ каждая вытекаетъ изъ историческихъ условій среды; лишь только послѣдняя измѣ-

[1]) Эволюція и прогрессъ—понятія настолько близкія, что многіе ученые, не только біологи, но и соціологи, не дѣлаютъ между ними никакого различія. Но тутъ происходитъ невольное смѣшеніе понятій. Конечно, то, что обыкновенно называется «прогрессомъ», есть не что иное, какъ общественная эволюція; но обратный тезисъ, что эволюція есть органическій прогрессъ уже оказывается невѣрнымъ. Органическая измѣняемость—а терминъ «эволюція» ничего иного собою не обозначаетъ—строго слѣдуетъ своимъ (біологическимъ) законамъ. А общественная измѣняемость—то, что обыкновенно разумѣется подъ словомъ «прогрессъ», — ни мало не нарушая законовъ органической измѣняемости или эволюціи въ тѣсномъ смыслѣ слова (что̀ явно невозможно), ,а напротивъ, подчиняясь имъ, стремясь использовать ихъ, при-

няется, — въ силу неизбѣжнаго процесса разложенія падаетъ и соотвѣтствующая ей эволюціонная форма и замѣняется новой, высшей формой. Такимъ образомъ въ теорію эволюціи было внесено понятіе о процессѣ разложенія и сложенія или о циклической революціи, разлагающей каждую форму, созданную роковой игрой присущихъ ей противоположныхъ силъ; а тѣмъ самымъ обусловливалось и существенное измѣненіе въ научномъ мнѣніи относительно воздѣйствія человѣческой воли на ходъ соціальнаго прогресса. Въ самомъ дѣлѣ, Спенсеровская теорія эволюціи почти совершенно отрицала возможность измѣненія естественнаго хода вещей путемъ вмѣшательства человѣка, или предоставляла послѣднему лишь нѣкоторое ускоряющее вліяніе на историческій процессъ развитія. Новая же теорія открывала воздѣйствію человѣка гораздо болѣе обширное поле, такъ какъ она возлагала на него задачу урегулированія и раціонализированія процесса періодическихъ революцій, который, предоставленный однѣмъ слѣпымъ силамъ природы, неиз-

---

бавляетъ къ органической эволюціи (уже въ силу особыхъ, управляющихъ ею «соціологическихъ» нормъ или законовъ) одну характерную черту: именно, извѣстной части органической эволюціи, усложненной дѣйствіемъ чисто общественныхъ факторовъ, она придаетъ совершенно чуждое біологическому міру телеологическое, цѣлесообразное, разумное построеніе или освѣщеніе (напримѣръ, извѣстной части «аморальнаго» въ природѣ придаетъ значеніе «моральнаго» въ обществѣ и т. д.; словомъ, не превращая «естественнаго» въ «искусственное», какъ иногда ошибочно думаютъ и выражаются, только дифференцируетъ первое признаками: хорошее и дурное, полезное и вредное, истинное и ложное, красивое и уродливое и т. п.). Но если это такъ, то, очевидно, что всякое новое пониманіе органической эволюціи должно, рано или поздно отразиться и на пониманіи той особой разновидности ея, которая носитъ названіе прогресса. Съ этой точки зрѣнія, предлагаемая статья Лоріа не лишена интереса и въ глазахъ соціолога.

Примѣч. редакціи.

бѣжно повлекъ бы за собою цѣлый рядъ насилій и ужасныхъ столкновеній. Такимъ образомъ, фатализмъ, неразрывно связанный съ прежней теоріей, былъ замѣненъ теоріей дѣйственности человѣческаго поведенія, теоріей, обнаружившей и теоретическую и практическую плодотворность, что́ и является лучшимъ доказательствомъ ея истинности.

Но эта теорія, столь простая въ своихъ посылкахъ, столь ясная въ своихъ результатахъ и столь плодотворная въ своихъ практическихъ приложеніяхъ, столкнулась съ двоякаго рода препятствіями. Съ одной стороны она встрѣтила противодѣйствіе „вѣрующихъ“, которые видѣли въ ея тезисахъ стремленіе сократить или упразднить функціи, если даже не самое существованіе, направляющей и творящей божественной воли. Безполезно, въ самомъ дѣлѣ, предаваться иллюзіямъ и извращать явленія словами. Теорія эволюціи, въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ рукъ науки 19-го вѣка, можетъ допустить и то, что Богъ создалъ протоплазматическое вещество и надѣлилъ его изначала способностью безконечнаго совершенствованія; и то, что законъ послѣдовательности и вѣчнаго измѣненія существъ и вещей былъ начертанъ Имъ на безсмертныхъ скрижаляхъ рока; но съ другой стороны она должна признать, что какъ только эта предварительная задача была выполнена, божество должно было „почить“ въ непреложной неподвижности. Слѣдовательно, согласно этой теоріи, божество обречено на бездѣйствіе и скуку, которую оно не можетъ разсѣять даже чтеніемъ работъ Дарвина и Спенсера, ибо всѣ сокровища генія, имѣющіяся въ ихъ трудахъ, не могутъ ничего прибавить къ его неисчерпаемой премудрости. Но понятно, что такое „медіатизированіе“, такъ сказать, божества, превращавшее Царя царей въ какого-то венеціанскаго дожа вѣчности не могло не

оскорблять чувствъ всѣхъ благочестивыхъ душъ и должно было вызвать съ ихъ стороны глубокое отвращеніе къ восторжествовавшей теоріи. Но не только справа, а и слѣва новая теорія возбуждала неодолимое отвращеніе. Въ самомъ дѣлѣ, доктрина, которая все соціальное движеніе подводитъ подъ желѣзный законъ необходимости, которая допускаетъ возможность революціоннаго дѣйствія только въ тѣ моменты, когда естественная эволюція вещей уже сама привела къ намѣченному измѣненію, такое ученіе прямо увольняетъ въ отставку всѣхъ реформаторовъ и изобрѣтателей различныхъ проектовъ общественнаго обновленія. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, если и во всемъ лѣвомъ лагерѣ таилось глубокое недовольство, которое ждало только первой трещины теоріи, чтобы возстать противъ нея и ее разрушить.

И эта трещина, столь нетерпѣливо ожидаемая, наконецъ, появилась. Она возникла, какъ всѣ великія явленія, изъ источниковъ наиболѣе смиренныхъ и темныхъ, изъ наблюденія надъ растеніемъ, встрѣчаемымъ въ дикомъ состояніи въ безплодной мѣстности вблизи Амстердама. Именно, внимательное изслѣдованіе Oenotera lamarckiana привело Де-Фриса къ созданію его теоріи изм ѣняемости (mutation), которая, по первоначальному предположенію своего автора, должна была внести лишь улучшеніе въ теорію эволюціи, а фактически совершенно низвергла ее. Какъ извѣстно, Де-Фрисъ утверждаетъ и доказываетъ многочисленными фактами, что животные и растительные виды образуются не путемъ медленнаго естественнаго подбора наиболѣе приспособленныхъ, а путемъ рѣзкаго и внезапнаго появленія совершенно новыхъ формъ, вызванныхъ непредвидѣнными и таинственными причинами и не имѣющихъ никакой связи со всей совокупностью предшествующей эволюціи. Ясно, это этимъ наносится

существенный ударъ старой теоріи эволюціи; ибо непрестанная работа безконечно-малыхъ измѣненій, составляющая ядро этой теоріи, рѣзко замѣняется именно процессомъ отрицавшагося ранѣе внезапнаго творчества. Притомъ, если въ трудахъ голландскаго ботаника новая теорія заключается въ тѣсные предѣлы зоологическихъ обобщеній, то въ дальнѣйшемъ она получаетъ неожиданныя подтвержденія въ области физики и, наконецъ, обрѣтаетъ еще бо́льшую ширину и даже универсальное значеніе благодаря работѣ философовъ. И дѣйствительно, наиболѣе знаменитый изъ современныхъ философовъ, Бергсонъ, ка́тегорически утверждаетъ, что измѣненіе всѣхъ вещей, начиная съ минерала и кончая человѣкомъ и человѣческимъ обществомъ, есть слѣдствіе жизненнаго порыва, являющагося актомъ необусловленнымъ и свободнымъ, вытекающимъ изъ чисто-духовной силы; непредвидѣнныя рѣзкія и капризныя выступленія послѣдней внезапно создаютъ, внѣ всякой зависимости отъ эволюціоннаго процесса матеріи, новыя формы и очертанія во всѣхъ областяхъ дѣятельности и жизни.

Ясно, что этотъ новый тезисъ наноситъ еще болѣе страшный ударъ закону эволюціи и, фактически, упраздняетъ его. Скромная, готовая на компромиссы форма, въ которую облекаетъ свою теорію Бергсонъ, не должна вводить насъ въ заблужденіе; не долженъ обманывать насъ и терминъ творческой эволюціи, которымъ онъ окрестилъ свой догматъ. Терминъ этотъ—плодъ робкаго компромисса съ теоріей, которую новое ученіе стремится уничтожить. Бергсонъ сохраняетъ существительное, чтобы угодить философской традиціи, но въ то же время снабжаетъ его такимъ прилагательнымъ, которое тотчасъ же сводитъ къ нулю самосуществительное. Творческая эволюція Бергсона напоминаетъ собою конституціонную ав-

тократію, посредствомъ которой Готскій Альманахъ опредѣляетъ политическую форму, недавно установившуюся въ Россіи. Оба выраженія являются одинаково—плодомъ достойной сожалѣнія робости мысли. Тамъ, гдѣ происходитъ рѣзкое, произвольное и независимое творчество, тамъ нѣтъ мѣста для какой бы то ни было эволюціи. Вѣдь сущность послѣдней составляетъ, несомнѣнно, молчаливая и длительная работа естественныхъ силъ, вызывающая какъ безконечно-малыя и медленныя, такъ и наиболѣе крупныя и внезапныя измѣненія матеріи. Замѣняя же понятіе вещественной эволюціи понятіемъ духовнаго по своей природѣ порыва, независимаго отъ процесса предшествующаго развитія, мы сразу ломаемъ весь эволюціонный механизмъ, чтобы поставить на его мѣсто прямую противоположность его,—творческую силу. Здѣсь всякая эволюція отрицается и взамѣнъ ея утверждается начало творчества. Поэтому, если теоретики новой школы хотятъ быть послѣдовательными, они не должны говорить намъ о творческой эволюціи; они должны говорить просто о творчествѣ и сознаться въ томъ, что ихъ тезисъ совершенно упраздняетъ теорію Дарвина и Спенсера и возвращаетъ насъ къ старой теоріи Линнея и Кювье о ничѣмъ не обусловленномъ твореніи міра.

Обычно думаютъ, что новая теорія должна найти горячихъ сторонниковъ прежде всего въ средѣ вѣрующихъ, уже потому, что она вновь призываетъ къ дѣйствительной службѣ божество, отставленное было закономъ эволюціи. Но, тѣмъ не менѣе, вѣрно и то, что новая теорія должна встрѣтить сочувствіе и со стороны революціонныхъ мыслителей и собрать вокругъ своей колесницы всѣ жертвы общественнаго неустройства. Ибо, отрицая существованіе неумолимаго эволюціоннаго разума и поручая дѣло прогресса внезапному и произвольному дѣйствію жизненнаго порыва, она позволяетъ

пролетарскимъ толпамъ и ихъ пророкамъ объявить, что общественное движеніе не предопредѣляется, не связывается неизбѣжнымъ закономъ, а зависитъ исключительно отъ поведенія или дѣятельности людей и ихъ союзовъ. А потому нѣтъ надобности слѣдить глазами за ходомъ маятника исторіи и ждать, скрестивши руки, когда, наконецъ, пробьетъ смертный часъ для нашего общественнаго строя. Тутъ уже всякій часъ годенъ для сраженія, для побѣды, для обновленія; и ударъ объединившихся рабочихъ во всякое время можетъ разбить вдребезги существующую общественную форму и замѣнить ее болѣе совершенной организаціей.

Именно подъ вліяніемъ этихъ новыхъ теченій мысли и возникъ въ наши дни синдикализмъ, который, вырвавши послѣднюю страницу „Капитала“ К. Маркса, сдѣлалъ ее знаменемъ революціоннаго пролетаріата. Марксъ въ XXXI главѣ своей книги взываетъ къ физической силѣ, этой великой повивальной бабкѣ зарождающихся общественныхъ формъ, но онъ это дѣлаетъ лишь послѣ того, какъ на протяженіи всей своей книги утверждалъ и доказывалъ, что насиліе не ведетъ ни къ чему, за исключеніемъ случая, когда необходимое развитіе буржуазныхъ отношеній производства уже втянуло капиталистическую систему въ процессъ разложенія, изъ котораго и должна неизбѣжно возникнуть новая и высшая форма общественнаго устройства. Синдикализмъ же однимъ движеніемъ пера зачеркиваетъ всю эту, стоившую столько труда, аргументацію. Онъ намъ говоритъ: „Нѣтъ, дѣйствіе есть толчокъ чисто духовный, а потому свободный и непредопредѣленный; значитъ, насиліе можетъ создать въ любой моментъ новую общественную форму, не справляясь предварительно съ условіями исторической среды, или съ фазисомъ, достигнутымъ общественнымъ развитіемъ; иначе говоря, окончательнаго торжества дѣла

революціи слѣдуетъ ждать отъ бурнаго выступленія людей, а не отъ предварительнаго приспособленія вещей".

Именно въ этомъ и заключается основной тезисъ Жоржа Сореля, который только переводитъ на языкъ соціологіи и соціализма господствующія біологическія и философскія теоріи. Измѣняемость де-Фриса, жизненный порывъ Бергсона и насиліе Сореля являются, въ конечномъ анализѣ, лишь тремя сторонами одного и того же начала, тремя разновидностями одного и того же умственнаго направленія. Все это— выраженія, по внѣшнему виду различныя, но по существу сродныя, одного и того же начала „творенія", нѣкогда побѣжденнаго эволюціонизмомъ, теперь же, въ свою очередь, обрушивающагося на своего побѣдителя.

Такимъ образомъ совершилось, ускользнувши отъ вниманія толпы, одно изъ наиболѣе глубокихъ измѣненій въ направленіи научной мысли. Ось человѣческаго размышленія перемѣстилась, и мы увидѣли мыслящее человѣчество возмутившимся противъ связывавшей его желѣзной догмы и воздвигающимъ на обломкахъ повергнутой въ прахъ „необходимости" ослѣпительное зданіе „свободы". Исходя изъ различныхъ отправныхъ точекъ, три большія фаланги работниковъ мысли успѣли мало-по-малу поколебать величественную доктрину — славу XIX вѣка — и замѣнить ее ученіемъ, діаметрально противоположнымъ. Разрушительная работа эта была выполнена съ большимъ искусствомъ: съ оказаніемъ царствовавшей прежде теоріи внѣшнихъ знаковъ почтенія и подчиненія, подобныхъ тѣмъ, которые помогли французскимъ мажордомамъ свергнуть съ престола своихъ повелителей. Но эволюціонистическія исповѣдыванія новыхъ вѣрующихъ не могутъ затемнить характера и сущности ихъ работы,— работы рѣшительнаго разрушенія эволюціонной теоріи и возстановленія старой творческой свободы воли. По-

добно древней вѣрѣ, и новая имѣетъ свою троицу, можетъ-быть, и менѣе величавую, чѣмъ прежняя, но зато болѣе подвижную и шумную: вмѣсто Дарвина, Спенсера и Маркса мы имѣемъ Де-Фриса, Бергсона и Сореля—біолога, философа и соціолога теоріи независимаго творенія.

Но прежде чѣмъ приступить къ какой-либо оцѣнкѣ новаго умственнаго направленія, я считаю нужнымъ открыто заявить, что оно не можетъ не оказать полезнаго вліянія на практику и поведеніе человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, мы должны сознаться въ томъ, что старая теорія эволюціи, въ томъ видѣ, какой она получила изъ рукъ учениковъ Дарвина, Спенсера и Маркса, невольно вселяла въ умы чувство мертвой, косной покорности неизбѣжному ходу вещей. Намъ могутъ сказать, что такой выводъ изъ эволюціонной теоріи былъ глубоко невѣренъ; что подъ внѣшнимъ покровомъ этого ученія таились сокровища живой дѣятельности и обновительной иниціативы; и все это будетъ совершенно справедливо. Но не менѣе вѣрно и то толкованіе эволюціонной теоріи, хотя бы и ложное, которое успѣло заронить въ умы людей сѣмена недовѣрія къ собственнымъ силамъ и къ возможности какой-либо дѣйствительно плодотворной дѣятельности.

И вотъ новое умственное направленіе играетъ роль благотворной реакціи противъ такого пессимистическаго, одуряющаго фатализма и противъ вытекающей изъ него общественной неподвижности. Новая теорія валится на голову массъ, которыхъ тихо убаюкивала эволюціонная догма, безжалостно бьетъ ихъ хлыстомъ и будитъ ихъ, призывая къ битвѣ и къ дѣйствію. Она такимъ образомъ становится цѣннымъ двигателемъ человѣческой эволюціи, незамѣнимымъ факторомъ жизни и прогресса. Наконецъ, она, въ противоположность старой теоріи, забывавшей эту сторону дѣла, заставляетъ

понять, что однимъ изъ факторовъ эволюціи является раціональная работа самого человѣка, сколько угодно вызываемая условіями среды, но тѣмъ не менѣе являющаяся автономнымъ коэффиціентомъ развитія. Вотъ основанія, которыя должны привлечь къ этой теоріи симпатіи всѣхъ проницательныхъ умовъ.

Вторая, чисто теоретическая заслуга новаго направленія лежитъ въ области біологическихъ и философскихъ объясненій и заключается въ томъ, что, понявъ, наконецъ, необходимость и нормальную роль революціоннаго фактора въ жизненномъ процессѣ, оно объявило, что въ республикѣ природы (какъ сказалъ бы Шекспиръ) точно такъ же, какъ и въ республикѣ политической, выдающееся мѣсто должно быть отведено революціи. Дѣйствительно, эволюціонная теорія Дарвина и Спенсера, разсматривавшая эволюцію какъ постепенное и прогрессивное развитіе, почти-что не отводила никакого мѣста для внезапныхъ сотрясеній и ударовъ, приписывая имъ лишь второстепенное или исключительное значеніе. Новая же теорія заполняетъ этотъ важный пробѣлъ, представляя намъ мгновенный порывъ, революціонное дѣйствіе уже не въ видѣ аномаліи или ученой рѣдкости, а какъ существенный и необходимый факторъ непрерывнаго измѣненія.

Я сказалъ, что это новшество имѣетъ особенное значеніе въ области философской и біологической, такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, въ области соціальныхъ наукъ уже давно признавалась выдающаяся роль революціи. Какъ мы видѣли, теорія экономической эволюціи безъ обиняковъ признаетъ періодическую неизбѣжность революцій и приписываетъ имъ историческую роль силы, превращающей экономическій организмъ, достигшій стадіи упадка, въ новую и высшую органическую форму.

Но если до сихъ поръ и существовалъ острый контрастъ между біологическимъ и философскимъ

эволюціонизмомъ, сводившимся къ постепеннымъ и непрерывнымъ измѣненіямъ, и эволюціонизмомъ общественнымъ, правильно прерывавшимся неизбѣжными кризисами, то теперь, къ счастью, такая противоположность вполнѣ сглаживается новой теоріей, распространяющей и на біологическую, и на міровую эволюцію циклическую неизбѣжность разрѣшающихъ кризисы движеній.

Такова „казовая“ сторона медали, но вотъ и оборотная ея сторона Основной недостатокъ новой теоріи заключается въ томъ, что она разсматриваетъ періодическія революціи какъ продуктъ причинъ мгновенныхъ, выступающихъ лишь въ самый моментъ кризиса и не имѣщихъ никакой связи съ процессомъ предшествующей эволюціи. Такой взглядъ, по моему мнѣнію, составляетъ плодъ неполнаго изслѣдованія фактовъ. Непосредственное наблюденіе замѣчаетъ и схватываетъ лишь внезапный ударъ или измѣненіе, непосредственно вызванное мгновенными же причинами, только теперь появившимися на сценѣ жизни; и все это, вполнѣ естественно, разсматривается какъ слѣдствіе непредвидѣннаго fiat, капризное вмѣшательство котораго и вызываетъ сотрясеніе и новое твореніе. Но стоитъ внимательнѣе вникнуть въ суть дѣла, и тогда не трудно убѣдиться, что ничѣмъ, повидимому, не подготовленное явленіе, дающее толчокъ внезапной перемѣнѣ, на самомъ дѣлѣ составляетъ лишь осадокъ или эпилогъ процесса, безшумно протекавшаго въ нѣдрахъ матеріи и вызваннаго непрерывнымъ дѣйствіемъ постоянныхъ факторовъ прогрессивной эволюціи. Именно эти тайные факторы одновременно вызываютъ постепенныя измѣненія жизненныхъ процессовъ и собираютъ въ глубинѣ организма растущую массу эволюціонныхъ силъ, которыя затѣмъ въ извѣстный моментъ вырываются наружу съ увеличенной энергіей, производя

внезапныя и коренныя измѣненія. Толпа видитъ только неожиданный ударъ и непосредственно вызвавшую его причину, а потому, не колеблясь, приписываетъ явленіе этой видимой причинѣ. Но наука, стремящаяся всегда довести анализъ до послѣдней причины наблюдаемаго факта, весьма скоро доказываетъ, что неподготовленная и непредвидѣнная причина есть лишь послѣднее внѣшнее проявленіе или даже своего рода отбросъ продолжительной и медленной предварительной разработки, въ которой участвовали уже постоянные факторы эволюціи.

Это одинаково вѣрно въ области духа и въ области наиболѣе сложныхъ соціальныхъ явленій. Такъ, напр. геніальная мысль съ перваго взгляда кажется самымъ внезапнымъ и ничѣмъ не подготовленнымъ проявленіемъ жизненнаго порыва; но такое заключеніе было бы въ высшей степени невѣрно. На самомъ дѣлѣ, геніальная мысль представляетъ собою итогъ долгой и безсознательной умственной работы, которая постепенно собираетъ въ мозгу огромный запасъ умственной силы; когда послѣдняя достигаетъ извѣстной плотности,—она мгновенно разряжается, принимая форму чудной идеи, геніальнаго прозрѣнія и т. п. Сказанное сейчасъ о безшумныхъ умственныхъ революціяхъ, охарактеризованныхъ однимъ великимъ поэтомъ какъ „бури подъ черепомъ“, вполнѣ приложимо и къ самымъ революціоннымъ общественнымъ движеніямъ. Крестьянскіе бунты, революціи Англіи и Франціи, религіозныя войны, возстанія пролетаріата и рабовъ являются внезапными и непредвидѣнными событіями лишь въ глазахъ невѣжественной толпы, схватывающей одну внѣшнюю сторону фактовъ и не спрашивающей больше ни о чемъ; но для историка—изслѣдователя, отыскивающаго глубокіе источники явленій, всѣ эти кризисы являются слѣдствіемъ, эпилогомъ или зрѣлымъ плодомъ долгой

подготовительной работы непрерывно дѣйствующихъ силъ. Отсюда, съ одной стороны, возможность эволюціоннаго предвидѣнія, правда, отрицаемаго новыми теоретиками, но составляющаго наиболѣе блестящій положительный результатъ въ этой области мысли; отсюда же, съ другой стороны—и совершенная невозможность произвольныхъ революцій, не подготовленныхъ необходимымъ теченіемъ вещей, невозможность, которую также отрицаютъ новые теоретики, но которая составляетъ одинъ изъ наиболѣе достовѣрныхъ результатовъ всеобщаго опыта.

Соціологи новой школы, синдикалисты, еще настойчивѣе, чѣмъ ихъ товарищи изъ другихъ областей знанія и мысли, подчеркиваютъ существенно произвольный характеръ революціоннаго удара, выводя изъ такой произвольности возможность перевернуть міръ въ любой моментъ путемъ простого указа большинства или даже безпокойнаго меньшинства. Однако, они сами же берутъ на себя трудъ самымъ категорическимъ образомъ опровергнуть истинность своего тезиса. Въ самомъ дѣлѣ, эти господа имѣютъ чрезвычайно простое средство доказать всемогущество и свободу революціи; а именно—фактически осуществить ее. Если дѣйствительно, какъ они утверждаютъ, человѣкъ въ любой моментъ можетъ сверху до низу измѣнить систему общественныхъ явленій, то почему же они не спѣшатъ опрокинуть капиталистическій строй и замѣнить его синдикальной организаціей? Почему, вмѣсто этого, они вынуждены ограничиться битьемъ нѣсколькихъ уличныхъ фонарей и порчей нѣсколькихъ паровозовъ? Очевидно, по той причинѣ, что естественный ходъ вещей ставитъ ихъ революціоннымъ попыткамъ непреодолимыя преграды, и еще потому, что не создалась и не существуетъ та совокупность матеріальныхъ условій, которая одна могла бы породить новое, желательное

для нихъ общество. Блестящее безсиліе революціоннаго синдикализма составляетъ, такимъ образомъ, лучшее опроверженіе теоріи внезапныхъ и произвольныхъ измѣненій и прямое доказательство истинности другой теоріи, которая разсматриваетъ такіе кризисы, какъ результатъ и окончательный синтезъ причинъ, непрерывно дѣйствующихъ въ естественномъ процессѣ эволюціи. Именно поэтому и только поэтому всѣ тѣ, кто стремится совершить опасный прыжокъ, осуществляя жизненный порывъ прежде, чѣмъ позволяютъ это историческія условія, осуждены играть роль осмѣянныхъ и дѣйствительно смѣшныхъ героевъ никогда не наступающей революціи, или еще роль мегаломана, бредящаго въ ужасной мансардѣ о фантастической имперіи.

Такимъ образомъ, если идея произвольнаго и ничѣмъ необусловленнаго „порыва“ фактически ведетъ къ отрицанію теоріи эволюціи и къ возстановленію старой гипотезы творенія, то подлинно-научное истолкованіе идеи жизненнаго порыва, подчиняющее соотвѣтствующее явленіе ритмическому дѣйствію постоянно вліяющихъ другъ на друга причинъ, можетъ только оправдать законъ эволюціи, обогативши его новымъ, до сихъ поръ бывшимъ неизвѣстнымъ органомъ.

Такое толкованіе еще разъ спасаетъ наиболѣе славное завоеваніе новѣйшей науки отъ угрожавшихъ ему открытыхъ нападокъ обскурантизма. Нѣкогда отрицавшіе всякое движеніе реакціонеры прибѣгаютъ теперь къ противоположной тактикѣ; они преувеличиваютъ движеніе и разсматриваютъ его какъ рядъ произвольныхъ сотрясеній, исходящихъ отъ деспотической и недисциплинированной воли. Terra autem in aeternum stat теперь замѣнено жизненнымъ порывомъ или непредвидимой измѣняемостью. Но подобно тому, какъ средневѣковое отрицаніе движенія

должно было отступить передъ Eppur si muove, такъ и современное преувеличеніе движенія и насильное изъятіе его изъ-подъ дѣйствія всякой нормы должны будутъ смириться передъ непоколебимыми законами всеобщаго ритма явленій, исключающаго всякій произволъ и всякое хаотическое творчество. На обломкахъ этихъ двухъ крайностей—неподвижности и анархическаго движенія, атаксіи и эпилепсіи—мы отпразднуемъ еще разъ побѣду нормальнаго подъема всего сущаго и его безчисленныхъ сочетаній къ формамъ ассоціаціи и жизни, все болѣе и болѣе уравновѣшеннымъ и совершеннымъ.

Перев. П. Сорокинъ.

Я. А. Новиковъ.
Сущность прогресса [1]).

Чтобы понять природу общественныхъ явленій, необходимо поставить ихъ въ связь съ предшествующимъ рядомъ явленій естественныхъ: во-первыхъ — біологическихъ, потомъ—химическихъ и, наконецъ, механическихъ, которыя обнимаютъ собою всѣ остальныя.

Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что прогрессъ—особое проявленіе общаго закона равновѣсія, который можно формулировать такъ: когда двѣ силы дѣйствуютъ взаимно одна на другую, движеніе, которое онѣ производятъ, стремится къ равновѣсію. Но равновѣсіе отнюдь не означаетъ упраздненія движенія, какъ ошибочно думаютъ очень многіе; оно только указываетъ на постоянство траэкторій.

---

[1]) Статья эта появилась въ XIV томѣ Annales de l'Institut international de sociologie (Paris, Giard et Brière, 1913). Печатая ея переводъ въ настоящемъ сборникѣ, мы считаемъ не лишнимъ сказать два слова объ ея авторѣ, умершемъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Яковѣ Александровичѣ Новиковѣ. Имя его мало извѣстно въ Россіи, благодаря, конечно, тому, что всѣ его сочиненія — болѣе двадцати томовъ—написаны на французскомъ языкѣ и издавались (по большей части фирмой Алкана) въ Парижѣ. Но въ Западной Европѣ Новиковъ пользовался большою популярностью, какъ соціологъ-публицистъ, бойко и съ знаніемъ дѣла трактовавшій и о вопросахъ общаго научнаго значенія, и о вопросахъ текущей политики. Въ особенную заслугу ему ставилась его смѣлая отповѣдь всѣмъ до сихъ поръ еще процвѣтающимъ въ наиболѣе культурныхъ странахъ формамъ государственнаго и международнаго хищенія. Въ длинномъ рядѣ сочиненій, носящихъ характерныя заглавія: «Расточительность современныхъ обществъ», «Международная политика», «Война и ея мнимыя благодѣянія», «Будущее бѣлой расы», «Федерація Европы», «Раскрѣпощеніе женщины», «Борьба между человѣческими обществами», «Проблема ни-

До тѣхъ поръ, пока планеты описываютъ вокругъ солнца одинаковыя кривыя, солнечная система пребываетъ въ равновѣсіи. Если бы планеты стали описывать новыя кривыя, ея равновѣсіе было бы нарушено,—вся система распалась бы.

Не касаясь здѣсь вовсе химіи и біологіи (что потребовало бы отъ насъ слишкомъ много мѣста), переходимъ прямо къ психологіи. Въ этой области прогрессъ для человѣка заключается въ приспособленіи къ средѣ, приспособленіи, которое, въ свою очередь, равнозначно все болѣе и болѣе полному соотвѣтствію между внѣшнею средою и нашими представленіями о ней.

Если бы человѣкъ могъ имѣть представленіе о всѣхъ явленіяхъ, происходящихъ въ природѣ, то онъ увидѣлъ бы міръ такимъ, какимъ онъ есть въ дѣйствительности. Однако, въ настоящее время это не такъ, потому что мы воспринимаемъ только очень ограниченное количество безконечнаго множества явленій,

---

щеты», «Критика общественнаго дарвинизма» и т. д., сочиненій, изобилующихъ яркими, доказательными примѣрами и цифрами, на которые не перестаютъ ссылаться европейскіе соціологи, Новиковъ преслѣдуетъ одну цѣль, которая является какъ бы основной задачей всей его жизни и дѣятельности: это полное, всестороннее раскрѣпощеніе современнаго человѣка изъ-подъ власти многочисленныхъ предразсудковъ и предубѣжденій, унаслѣдованныхъ отъ прошедшаго. Отмѣтимъ еще, что Новиковъ принадлежалъ къ крайне рѣдкому у насъ и на всемъ европейскомъ континентѣ, но довольно распространенному въ классической странѣ «частной иниціативы», въ Англіи, типу непрофессіональныхъ и недипломированныхъ ученыхъ, соединяющихъ съ занятіемъ наукою и практическую дѣятельность на совершенно другомъ поприщѣ. Подобно всемірно извѣстному Lubbock'у или знаменитому автору исторіи древней Греціи Grote'у или Seebohm'у, автору «Village Communities», которые были банкирами, или подобно Тейлору, который былъ купцомъ, Новиковъ, страстно преданный наукѣ, всю жизнь былъ и оставался русскимъ фабрикантомъ.

Примѣч. редакціи.

совершающихся во вселенной. Если бы мы могли воспринять всѣ явленія, то получилось бы полное соотвѣтствіе между внѣшними явленіями и нашими представленіями, т.-е. равновѣсіе между внѣшнимъ міромъ и нашимъ разумомъ. Въ данный моментъ этого равновѣсія нѣтъ, вслѣдствіе ограниченнаго количества нашихъ знаній. Однако, на основаніи этихъ знаній, мы составляемъ себѣ извѣстное понятіе о вселенной. Если бы знанія не увеличивались, наше представленіе о мірѣ не измѣнялось бы. Произошло бы то же, что происходитъ съ солнечной системой, которая пребываетъ и будетъ пребывать въ одномъ и томъ же состояніи до тѣхъ поръ, пока планеты пробѣгаютъ и будутъ пробѣгать одинаковыя траэкторіи въ одинаковые промежутки времени Но наши знанія ежедневно растутъ. Представленіе о мірѣ, которое у насъ было вчера, уже не то, которое у насъ сегодня; слѣдовательно, равновѣсіе, установившееся вчера между внѣшнимъ міромъ и нашимъ разумомъ, сегодня уже нарушено. И завтра повторится то же самое, такъ что равновѣсіе будетъ постоянно нарушаться. А постоянно нарушаемое равновѣсіе и отсутствіе равновѣсія — понятія однородныя. Но если бы мы могли знать всѣ явленія въ мірѣ, мы бы не могли пріобрѣтать новыхъ знаній, а слѣдовательно, и наше пониманіе міра не измѣнялось бы, и тогда установилось бы равновѣсіе между внѣшнимъ міромъ и нашими представленіями о немъ.

Такъ какъ мы подчинены міровымъ законамъ и такъ какъ по этимъ законамъ всѣ наличныя силы стремятся къ равновѣсію, то и силы, представляемыя нашимъ мозгомъ съ одной стороны, и вселенною — съ другой, также стремятся къ равновѣсію, т.-е. влекутъ насъ по пути, ведущему къ всевѣдѣнію. Движеніе въ этомъ направленіи и есть прогрессъ.

Встанемъ теперь на другую точку зрѣнія, которая тоже имѣетъ огромное значеніе. Мы сказали, что равновѣсіе достигается, когда траэкторіи становятся постоянными. Но траэкторіи могутъ быть таковыми, когда онѣ не подвержены никакимъ постороннимъ вліяніямъ. Представимъ себѣ планету, вращающуюся вокругъ свѣтила, являющагося для нея единственнымъ центромъ притяженія; она будетъ двигаться по совершенно правильной кривой. Если же, напротивъ того, планета подвергнется многочисленнымъ притяженіямъ, сверхъ притяженія центральнымъ свѣтиломъ, она будетъ двигаться по извилистой кривой. А такъ какъ подобная линія длиннѣе правильной линіи, то планета употребитъ на прохожденіе ея больше времени. Отсюда ясно, что законъ равновѣсія приводитъ, въ извѣстной мѣрѣ, къ ускоренію движенія.

Примѣняя эти мысли къ явленіямъ психическимъ, мы видимъ, что чѣмъ тѣснѣе соотношеніе между внѣшнимъ міромъ и нашими представленіями, тѣмъ меньше времени нужно мозгу, чтобы пріобрѣсти новое знаніе. Если бы нужна была половина времени, чтобы пріобрѣсти какія-либо знанія, мы бы могли имѣть ихъ огромное количество, мы бы обладали всевѣдѣніемъ и достигли бы совершеннаго равновѣсія между внѣшнимъ міромъ и нашимъ разумомъ. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что всякое ускореніе движенія или всякое сокращеніе времени на пути къ всеобщему знанію и составляетъ сущность прогресса. Никто не станетъ отрицать, что новый педагогическій методъ, позволяющій изучать въ одинъ часъ то, что изучалось раньше, при старомъ методѣ, въ три часа— есть прогрессъ.

Теперь, съ помощью этихъ общихъ взглядовъ, мы можемъ вступить въ собственную область соціологіи.

Въ первую очередь разсмотримъ факты экономическіе. Они являются яркимъ выраженіемъ закона

равновѣсія. Производство богатствъ есть приспособленіе внѣшняго міра къ потребностямъ людей. Зимою въ сѣверной Европѣ температура падаетъ такъ низко, что причиняетъ намъ тяжелыя страданія, которыя могутъ окончиться быстрою смертью. Въ этихъ странахъ нѣтъ соотвѣтствія или равновѣсія между внѣшней температурой и физіологическими условіями человѣческаго организма. Чтобы установить это соотвѣтствіе, человѣкъ беретъ камни, дерево, металлы, укладываетъ ихъ извѣстнымъ образомъ или, иначе говоря, строитъ себѣ отопляемыя жилища. Онъ искусственно создаетъ вокругъ своего тѣла небольшую окружность, гдѣ температура соотвѣтствуетъ физіологическимъ условіямъ его организма, однимъ словомъ, онъ приспособляетъ среду къ своимъ потребностямъ. Это приспособленіе и составляетъ сущность производства богатствъ.

Когда весь земной шаръ будетъ окончательно приспособленъ къ человѣческимъ потребностямъ, когда не будетъ существовать ни одного безплоднаго пустыря, ни одного неосушеннаго болота, ни одной не орошенной пустыни, когда будетъ достаточное число теплыхъ зимою и прохладныхъ лѣтомъ жилищъ, и такъ далѣе, тогда богатство достигнетъ на земномъ шарѣ своей высшей степени.

Идти отъ одного приспособленія внѣшней среды, менѣе соотвѣтствующаго потребностямъ нашего организма, къ другому, болѣе соотвѣтствующему, значитъ, осуществлять экономическій прогрессъ; ибо такимъ образомъ устанавливается болѣе устойчивое равновѣсіе между нами и внѣшней средой. На обыденномъ языкѣ это называется умножать богатство. Но и съ болѣе узкой точки зрѣнія экономическій прогрессъ сводится къ равновѣсію. Когда стоимость продуктовъ будетъ на всѣхъ рынкахъ одна и та же, экономическая организація человѣческаго рода достигнетъ совершенства.

Всякое приспособленіе среды (всякая производительность) требуетъ времени. Если бы человѣкъ могъ осуществлять такія приспособленія мгновенно, онъ совершилъ бы ихъ безконечное число и такимъ образомъ сдѣлался бы обладателемъ наибольшей суммы богатствъ, достижимой на землѣ. Онъ дошелъ бы до высшей точки экономическаго прогресса, онъ осуществилъ бы всеобщее благоденствіе.

Перейдемъ отъ экономической области къ политической; тутъ мы встрѣтимся съ тѣми же фактами и съ тѣми же выводами изъ нихъ.

У человѣка замѣчаются двѣ главныя категоріи отношеній; отношенія къ физическому міру и отношенія къ себѣ подобнымъ. Первыя составляютъ область экономическую, вторыя — область политическую. Въ свою очередь, отношенія между людьми могутъ быть кооперативнаго порядка или, напротивъ, порядка борьбы.

Когда они принадлежатъ къ послѣднему разряду, они объясняются различнымъ пониманіемъ своей выгоды. Напримѣръ, соціалисты, думая, что ихъ выгода заключается въ экспропріаціи капиталистовъ, смотрятъ на нихъ какъ на враговъ. Если бы они полагали, что имъ выгоднѣе бережно относиться къ собственности капиталистовъ, между тѣми и другими существовала бы самая тѣсная солидарность. Антагонизмъ между людьми происходитъ отъ несогласія мнѣній. Соціалисты вѣрятъ, что высшее благополучіе дастъ имъ коллективизмъ; экономисты думаютъ, напротивъ, что коллективизмъ вызоветъ нищету рабочихъ массъ. Экономическіе факты—не отвлеченныя понятія; они совершаются всецѣло въ области явленій конкретныхъ. А если это такъ, то внѣшнимъ и видимымъ фактамъ непремѣнно будетъ соотвѣтствовать какое-либо умозрѣніе.

Высшая мѣра возможнаго благополучія народныхъ массъ будетъ достигнута или коллективизмомъ, или

индивидуализмомъ. Если одна изъ этихъ теорій вѣрна, то другая, конечно, ошибочна. Аристархъ Самоскій училъ, что земля вращается вокругъ солнца; Птолемей—что солнце вращается вокругъ земли.

Такъ какъ движеніе небесныхъ тѣлъ—явленіе реальное, то одна изъ этихъ теорій должна была быть правильной. Если бы люди могли когда-нибудь открыть истину въ соціальныхъ вопросахъ, какъ они это сдѣлали въ астрономіи, они всѣ сошлись-бы во мнѣніяхъ. Въ настоящее время теорія Птолемея не имѣетъ ни одного сторонника среди образованныхъ людей. Если бы коллективизмъ или индивидуализмъ до единаго потеряли всѣхъ своихъ приверженцевъ, это значило бы, что открыта истинная экономическая система, какъ была открыта истинная астрономическая система. Тогда, съ этой точки зрѣнія, установилось бы полное равновѣсіе между внѣшнимъ міромъ и нашимъ представленіемъ о немъ, и въ то же время установилось бы и полное тожество между взглядами всѣхъ людей на соціальный вопросъ.

Легко доказать, что съ политической точки зрѣнія прогрессъ не что иное, какъ достиженіе полнаго единства мнѣній и согласія между людьми.

Разовьемъ нѣсколько эту мысль. Согласіе между людьми привело бы къ федераціи человѣческаго рода. Когда каждый житель планеты будетъ пользоваться абсолютной безопасностью личности и имущества во всѣхъ возможныхъ формахъ, тогда всѣ права человѣка будутъ вполнѣ гарантированы; можно будетъ сказать, что политическія учрежденія людей достигли высшей точки совершенства. Стремленіе къ совершенству и прогрессъ—синонимы. Если федеративное устройство человѣчества осуществитъ высшую степень прогресса и если вѣрно, что такая федерація есть не что иное, какъ согласіе между людьми (равновѣсіе между внѣшнимъ

міромъ и нашими представленіями о немъ), то и термины „прогрессъ“ и „равновѣсіе“ окажутся также синонимами.

Международная анархія, нынѣ царствующая въ политикѣ, является прямой противоположностью всемірной федераціи. Послѣдняя есть порядокъ и организація, анархія же есть отсутствіе и порядка и организаціи.

Откуда происходитъ анархія?

Изъ какого-либо несогласія въ мнѣніяхъ. Завоеваніе—вещь хорошая, производительная, полезная, говорятъ сильные и побѣдители. Завоеваніе—дурно, невыгодно, вредно, говорятъ слабые и побѣжденные. Если бы сильные могли понять, что побѣда для нихъ гибельна, они бы, конечно, отказались отъ нея. А еслибъ сильные отказались отъ своихъ завоеваній, то сразу наступило бы согласіе между сильными и слабыми. Это согласіе и приняло бы форму федеративнаго союза всего человѣческаго рода. Въ тотъ день, когда никто больше не захочетъ захватывать чужихъ земель, отношенія между народами не будутъ основаны на силѣ, а только на правѣ. Юридическія отношенія между народами и федерація человѣческаго рода суть термины, существенно тождественные.

Въ эпоху Вестфальскаго мира впервые устанавливается начало европейскаго равновѣсія.

Къ какимъ бы послѣдствіямъ оно могло привести, еслибъ осуществилось во всей своей широтѣ? Результатомъ его была бы полная безопасность всѣхъ государствъ.

Представимъ себѣ, что всякая попытка Франціи завоевать чужія территоріи открытою силою была бы немедленно подавлена коалиціей Англіи, Германіи и Италіи и что всякое завоевательное стремленіе Россіи было бы парализовано союзомъ Германіи, Франціи и Англіи. При этихъ условіяхъ политическое равновѣсіе Европы стало бы полнымъ, и въ то же время всякимъ

завоеваніямъ былъ бы положенъ конецъ. Отказъ отъ завоеваній логически ведетъ къ заключенію прочнаго юридическаго союза между всѣми государствами.

Намъ, конечно, могутъ возразить, что жажда завоеваній, раздѣляемая всѣми правительствами или народами, есть также своего рода согласіе между ними. Однако, такое утвержденіе является простымъ софизмомъ [1]). Дѣйствительно, если всякое правительство и желаетъ завоевать новыя территоріи, то не одно изъ нихъ не хочетъ растерять своихъ собственныхъ провинцій.

Вопросъ ставится иначе, когда правительства, сознавая, что всякія завоеванія сопряжены для нихъ съ вредомъ, не желаютъ больше ихъ дѣлать. Тогда имъ легко согласиться между собою.

Послѣ международныхъ отношеній разсмотримъ нѣкоторые другіе общественные факты.

„Женщина — существо низшаго порядка, говорятъ консерваторы; ей нельзя дать политическихъ правъ“.

„Мы ни въ чемъ не уступаемъ мужчинамъ, отвѣчаютъ многія женщины, мы требуемъ гражданскихъ и политическихъ правъ“. Послѣдствіемъ этого разногласія является то, что семья въ нашихъ обществахъ становится часто источникомъ страданій отдѣльныхъ личностей; а это доказываетъ ея несовершенство. Еслибъ мы были единодушны по вопросу объ основахъ половыхъ отношеній, это значило бы, что мы дѣйствительно нашли эти основы. И здѣсь, слѣдовательно, прогрессъ (междуполовой нравственности) былъ бы достигнутъ съ помощью соотвѣтствующаго равновѣсія.

Приводимъ еще послѣдній примѣръ. Марксъ доказываетъ, что прибыль съ капитала есть не что иное,

[1]) Разсужденіе это напоминаетъ приписываемыя Франциску I-му слова: «Мой братъ Карлъ и я вполнѣ согласны: мы оба хотимъ завоевать Миланъ».

какъ удержанная въ свою пользу предпринимателемъ часть заработной платы, другими словами, что хозяева не могли бы имѣть прибыли, еслибъ они не эксплуатировали рабочаго.

Понятно, что такой взглядъ вызвалъ полнѣйшее разномыслiе между двумя классами гражданъ и имѣлъ послѣдствiемъ несовершенство и неустойчивость современныхъ экономическихъ учрежденiй. Приспособленiе среды къ потребностямъ человѣка (производство богатствъ) замѣтно задерживается борьбою между капиталомъ и трудомъ, отъ которой пролетарiи страдаютъ не менѣе капиталистовъ. Значительный прогрессъ былъ бы осуществленъ, еслибъ всѣ постигли истинную природу хозяйства и, между прочимъ, убѣдились бы, что прибыль капиталиста можетъ быть и не связана съ эксплуатацiей рабочаго. Но когда всѣ поймутъ это, согласiе будетъ царствовать между людьми, и послѣдствiемъ ихъ единомыслiя явится значительный экономическiй прогрессъ. А такъ какъ такое единомыслiе и есть искомое умственное равновѣсiе, то и тутъ можно будетъ признать равнозначность понятiй прогресса и равновѣсiя.

Единомыслiе людей и всеобщее торжество нравственности также, конечно, являются понятiями тождественными. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя представить себѣ, чтобы можно было единогласно рѣшить, напримѣръ, что нѣтъ ничего выгоднѣе, какъ „грабить сосѣда“, ибо ограбленный сосѣдъ, само собою разумѣется, не найдетъ для себя выгоднымъ быть лишеннымъ имущества. Но такое единогласiе легко можетъ быть достигнуто, если выставить положенiе: „не выгодно обирать сосѣда“, ибо всѣ люди безъ исключенiя найдутъ для себя выгоднымъ не быть обобранными.

Если бы всѣ находили для себя полезнымъ не обездоливать ближняго, никто не нарушалъ бы правъ по-

слѣдняго. Торжество нравственности было бы полное. Если бы никто не находилъ выгоднымъ обкрадывать сосѣда, не было бы ни запоровъ, ни замковъ, ни сторожей, ни полиціи, ни судовъ, ни адвокатовъ, ни арміи, ни флота. Полная безопасность царила бы внутри государства и въ международныхъ отношеніяхъ.

Всеобщее торжество нравственности было бы высшимъ совершенствомъ человѣческихъ учрежденій. Всякій шагъ въ этомъ направленіи и составляетъ прогрессъ. А такъ какъ такой результатъ возможенъ лишь при условіи единомыслія людей, то и тутъ мы должны придти къ заключенію, что прогрессъ и равновѣсіе — термины, замѣняющіе другъ друга.

Многіе думаютъ, что всеобщее единомысліе привело бы къ полному застою умовъ и что, поэтому, оно не только не обусловило бы прогресса, а, напротивъ, совпало бы съ упадкомъ человѣчества.

Эта мысль возникла изъ двухъ заблужденій: изъ смѣшенія понятія о равновѣсіи съ понятіемъ о неподвижности и изъ забвенія о существованіи вселенной.

Выше мы указали, что равновѣсіе далеко не означаетъ уничтоженія движенія. Къ тому же упраздненіе движенія абсолютно невозможно. Все, что существуетъ, движется. Матерія безъ движенія не оказывала бы никакого дѣйствія на окружающую среду, т.-е. не существовала бы. Равновѣсіе не только не уничтожаетъ движенія, а, напротивъ, усиливаетъ и ускоряетъ его.

Согласіе между людьми породило бы въ человѣческихъ обществахъ такое ускореніе движенія, о которомъ намъ трудно составить себѣ надлежащее понятіе. Согласіе между людьми, какъ мы уже не разъ говорили, влечетъ за собою федерацію всего человѣчества; а такой строй общества легко можетъ удесятерить производство богатствъ, вызвавъ усиленную коллективную экономическую дѣятельность. И на самомъ дѣлѣ, когда

человѣческій трудъ освободится отъ помѣхъ и препятствій, происходящихъ отъ разнообразнѣйшихъ формъ хищенія, нынѣ практикуемыхъ (воровство, обманъ, война, деспотизмъ, протекціонизмъ, монополія и т. д. и т. д.), онъ разовьется въ огромныхъ размѣрахъ. Если въ настоящее время изъ нѣдръ земли добывается милліардъ тоннъ каменнаго угля, то тогда будетъ возможно добыть 10 милліардовъ и больше; если въ данный моментъ съ полей собираютъ милліардъ гектолитровъ зерна, то тогда будутъ собирать 10 милліардовъ и болѣе. Можно себѣ представить, какое изумительное движеніе породитъ эта увеличившаяся производительность. Моря будутъ покрыты безчисленными кораблями, материки будутъ изрѣзаны вдоль и поперекъ желѣзнодорожными путями. Въ наши дни богатѣйшія пространства остаются пустынными, точно вымершими. Но при федеративномъ устройствѣ, обезпечивающемъ всеобщую безопасность, эти страны пробудятся къ жизни и сдѣлаются такими же рабочими ульями, какъ Англія и Бельгія.

А увеличенное богатство дастъ больше драгоцѣннаго для успѣховъ культуры досуга. Если въ настоящее время одинъ человѣкъ на тысячу можетъ себѣ позволить роскошь путешествія въ отдаленныя страны, то тогда ихъ будетъ одинъ на сто или даже на десять. Число туристовъ, направляющихся въ Италію, Швейцарію и другія прекрасныя мѣста, удесятерится. Желѣзныя дороги будутъ перевозить огромныя массы путешественниковъ. Однимъ словомъ, съ общею безопасностью, свидѣтельствующей о согласіи между людьми, экономическая дѣятельность достигнетъ своей кульминаціонной точки. Итакъ, всеобщій миръ не только не приведетъ человѣчество къ застою, а будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ необыкновенное оживленіе всѣхъ общественныхъ процессовъ.

Можно установить, какъ общій принципъ, что богатство увеличивается прямо пропорціонально степени согласія, существующаго между людьми. Въ наши дни международная вражда, происходящая отъ жажды завоеваній, заставляетъ Европу безплодно растрачивать отъ 20 до 25 милліардовъ франковъ въ годъ. Благополучіе народныхъ массъ уменьшается въ той же мѣрѣ. Пусть завтра исчезнетъ иллюзія, что завоеваніе выгодно, и эти сбереженные милліарды пойдутъ на увеличеніе благосостоянія обездоленныхъ массъ. Но если антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ не прекратится, производство богатствъ замедлится вслѣдствіе борьбы между предпринимателями и рабочими. И только когда этотъ антагонизмъ, въ свою очередь, отпадетъ и замѣнится истиннымъ пониманіемъ экономическихъ явленій, ростъ богатствъ будетъ совершаться съ наибольшей быстротой.

Отсюда видно, что на экономической и политической почвѣ миръ и согласіе между людьми ни въ какомъ случаѣ не могутъ вести къ общественному застою.

Но, говорятъ намъ, на почвѣ чисто умственной результаты будутъ иные. Въ наше время нѣсколько философскихъ системъ оспариваютъ другъ у друга господство надъ умами: идеализмъ, спиритуализмъ, пантеизмъ, позитивизмъ, монизмъ, матеріализмъ. И вотъ многимъ кажется, что умственный застой сдѣлался бы неизбѣжнымъ, еслибъ всѣ люди безъ исключенія увѣровали въ истинность пантеизма, напримѣръ, или монизма. Тогда не было бы больше споровъ, прекратилось бы всякое умственное движеніе; мы имѣли бы дѣло съ спокойной неподвижностью смерти.

Да, было бы такъ, но при одномъ условіи,—что внѣшній міръ пересталъ бы существовать. Нѣтъ большаго заблужденія, какъ не принимать въ разсчетъ самаго факта существованія вселенной. Міръ безко-

неченъ въ пространствѣ и во времени; и не менѣе безконечно и число совершающихся въ немъ явленій. Напротивъ того, число явленій, доступныхъ нашему знанію, крайне ограничено. Никогда не можетъ установиться полное равновѣсіе между внѣшнимъ міромъ и нашимъ мозгомъ. Мы всегда будемъ пріобрѣтать новыя знанія, мы всегда будемъ стремиться къ всевѣдѣнію, т. - е. къ безконечному прогрессу. Согласіе между людьми нисколько не мѣшаетъ болѣе совершенному познанію вселенной, познанію, которое само есть усиленное движеніе или прямая противоположность застоя.

Аристархъ Самосскій геніальной интуиціей открылъ въ III столѣтіи до нашей эры, что земля вращается вокругъ солнца. Представьте себѣ, что на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ эта истина была бы признана всѣмъ человѣчествомъ. Полнѣйшее согласіе установилось бы такимъ образомъ между Аристархомъ Самосскимъ и его современниками. Спрашивается, какимъ образомъ такое единомысліе могло бы повлечь за собою умственный застой? Наоборотъ, Аристархъ Самосскій, употребивъ очень мало времени на распространеніе своего открытія, быстро получилъ бы возможность посвятить себя новымъ изысканіямъ. Но ни Аристархъ Самосскій, ни тысячи другихъ астрономовъ, которые бы работали въ теченіи безграничнаго числа годовъ, не будутъ въ состояніи исчерпать возможныхъ открытій въ астрономіи по той простой причинѣ, что вселенная безконечна. Разсмотримъ теперь, какой смыслъ имѣетъ принятіе всѣми людьми одной и той же философіи. Представимъ себѣ, что на всемъ пространствѣ земной поверхности отъ Патагоніи до Камчатки люди сдѣлались бы убѣжденными монистами. Развѣ съ этого момента мы перестали бы открывать милліоны и милліарды фактовъ въ химіи, физикѣ, геологіи, ботаникѣ, физіологіи, психологіи и

т. д. и т. д.? И чѣмъ болѣе наши знанія будутъ расширяться, тѣмъ полнѣе и отчетливѣе будемъ мы сознавать наше глубокое невѣдѣніе. Гдѣ же во всемъ этомъ возможность и угроза какого-либо застоя? Развѣ не очевидно, напротивъ того, что согласіе между людьми можетъ только содѣйствовать познанію вселенной, а, слѣдовательно и усиленію умственной дѣятельности?

Во-первыхъ, вслѣдствіе чисто внѣшнихъ причинъ. Когда основныя начала общественной организаціи не будутъ болѣе колебаться, производительность умственнаго труда сдѣлаетъ огромный шагъ впередъ, какъ было показано выше. Въ рукахъ изслѣдователей окажутся новыя средства для нахожденія истины, и научныя открытія станутъ несравненно болѣе многочисленными. Извѣстно, что астрономическія обсерваторіи, хорошо оборудованныя, стоятъ милліоновъ. Много надо денегъ, чтобы проникать въ тайны природы. Разногласія въ политикѣ приводятъ къ войнамъ и кровавымъ революціямъ, которыя мѣшаютъ спокойной научной работѣ и угнетаютъ умы изслѣдователей.

Но помимо косвеннаго дѣйствія чрезъ факторы экономическіе и политическіе, согласіе между людьми въ значительной мѣрѣ и прямо благопріятствуетъ открытію истины. Въ настоящее время, когда господствуетъ анархія въ международныхъ отношеніяхъ, та же анархія царитъ и въ научныхъ поискахъ. Методы изслѣдованія вездѣ различны. Масса умственныхъ усилій теряется. Когда ученые сойдутся на наиболѣе плодотворныхъ пріемахъ изслѣдованія, они двинутся быстрѣе по пути къ открытію истины.

Позволимъ себѣ указать по этому поводу на одинъ фактъ.

Извѣстно, сколько времени терялось прежде вслѣдствіе разнообразія мѣръ и вѣсовъ въ различныхъ странахъ. Современные ученые положили конецъ такому

положенію вещей, согласившись всѣ принять метрическую систему.

Человѣкъ можетъ познать лишь сравнительно небольшую часть явленій вселенной. Но допустимъ на минуту, что знаніе его обниметъ всю ихъ совокупность. Развѣ такое обстоятельство приведетъ къ застою, къ упраздненію движенія? Надо имѣть очень ложное представленіе объ основахъ познанія, чтобы впасть въ такую грубую ошибку. Мы познаемъ явленія природы, воспроизводя внѣшнія движенія послѣдней въ нашей нервной системѣ, и всякое знаніе поэтому можетъ быть опредѣлено какъ своего рода созвучіе между окружающимъ міромъ и нашими нервными центрами. Но если всякое знаніе явленій сопровождается соотвѣтствующими движеніями въ мозгу, то развѣ можно говорить о застоѣ этого органа? Чѣмъ болѣе мы будемъ знать, тѣмъ болѣе онъ будетъ развиваться.

Вслѣдъ за областью мысли, разсмотримъ здѣсь область чувства. Можно сказать, что прогрессъ есть переходъ отъ меньшей суммы наслажденій къ большей. Все, что въ природѣ и въ обществѣ уменьшаетъ наше страданіе и увеличиваетъ наше удовольствіе, чувствуется нами какъ улучшеніе нашего состоянія, т.-е. какъ прогрессъ.

Но понятіе объ удовольствіи сводится прямо къ понятію о равновѣсіи. Когда нѣтъ достаточнаго соотвѣтствія между окружающей средою и даннымъ организмомъ, послѣдній испытываетъ страданіе, а когда оно достигаетъ слишкомъ большой обостренности, организмъ умираетъ. Жизнь невозможна безъ извѣстнаго равновѣсія между живымъ существомъ и средою, и всякое приближеніе къ такому равновѣсію порождаетъ наслажденіе. Эта мысль часто оспаривается въ силу очень распространеннаго мнѣнія, будто равновѣсіе ведетъ къ безсознательности и такимъ образомъ уничто-

жаетъ наслажденіе. Острова Тихаго Океана имѣютъ чудеснѣйшій климатъ; это — вѣчная весна съ очень слабыми колебаніями температуры. Жители этихъ острововъ поэтому не могутъ испытывать наслажденія, которое даютъ намъ, вслѣдъ за зимней стужей, прекрасные апрѣльскіе или майскіе дни. Наслажденіе обусловливается различеніемъ, а послѣднее есть уже нарушеніе равновѣсія. Анализъ этотъ, вѣрный въ извѣстной степени, однако, недостаточно глубокъ и не достигаетъ сущности вопроса. Никто не отрицаетъ, что удовольствіе зависитъ отъ усиленія пульса жизни; а это усиленіе есть приспособленіе къ средѣ болѣе широкой, чѣмъ обыкновенная.

Чтобы взять примѣръ самый простой, скажемъ, что если въ обыкновенныхъ условіяхъ нашъ глазъ видитъ предметы на разстояніи одного километра, то возможность видѣть ихъ на разстояніи двухъ километровъ уже будетъ для насъ удовольствіемъ. Расширяя нашъ кругозоръ, мы тѣмъ самымъ приспособляемся къ болѣе обширной средѣ, а, слѣдовательно, мы лучше приспособляемся ко вселенной.

Это расширеніе или приспособленіе отзывается въ сознаніи какъ удовольствіе. Всѣ остальныя психическія явленія похожи въ этомъ отношеніи на зрительныя. Почему ораторъ, обращающійся къ толпѣ и чувствующій, что слова его производятъ на нее сильное дѣйствіе, испытываетъ удовольствіе? Потому что въ этотъ моментъ его душа какъ бы разливается и проникаетъ въ души его слушателей, а, слѣдовательно, полнѣе приспособляется къ психической средѣ, ее окружающей. Почему созерцаніе произведеній искусства доставляетъ намъ наслажденіе? Потому что оно даетъ намъ возможность остро перечувствовать ощущенія и эмоціи другихъ людей и тѣмъ самымъ расширяетъ кругъ нашего приспособленія.

Человѣкъ, способный понимать большое число другихъ людей, напримѣръ, не только ученыхъ, но и художниковъ, стоитъ выше того, который способенъ понимать болѣе ограниченное число ихъ, напримѣръ, однихъ только ученыхъ. Почему это такъ? Потому что первый можетъ испытать болѣе наслажденій, чѣмъ второй, и наслажденія его снова обусловливаются тѣмъ, что онъ можетъ приспособиться къ большому числу умовъ, т.-е. къ болѣе широкой средѣ.

Критерій превосходства коллективныхъ группъ тотъ же самый, что и отдѣльныхъ личностей. То общество болѣе цивилизовано или болѣе совершенно, которое доставляетъ своимъ членамъ бо́льшую сумму наслажденій. Во-первыхъ, съ чисто матеріальной стороны. Страна, хорошо оборудованная съ точки зрѣнія потребностей своихъ обитателей, имѣющая удобныя дороги, вычищенныя и политыя улицы, красивыя публичныя зданія и т. д., доставляетъ больше удовольствій, чѣмъ страна безъ усовершенствованныхъ путей сообщеній, безъ интересныхъ памятниковъ. Первую страну называютъ богатой, вторую—бѣдной. Съ точки зрѣнія политической, наиболѣе совершенной организаціей является та, которая обезпечиваетъ наибольшую степень безопасности какъ въ отношеніяхъ гражданъ между собой, такъ и въ отношеніяхъ между управляющими и управляемыми. Но совершенство и безопасность являются синонимами именно потому, что безопасность увеличиваетъ сумму возможныхъ наслажденій.

Итакъ, прогрессъ состоитъ въ переходѣ отъ меньшей суммы наслажденій къ большей, а наслажденіе, въ свою очередь, состоитъ въ болѣе полномъ приспособленіи къ все болѣе и болѣе расширяющейся средѣ.— И это сводитъ понятіе о прогрессѣ къ понятію о равновѣсіи между средою и организмомъ.

Намъ кажется, что мы доказали вѣрность нашего тезиса. Мы могли бы на этомъ остановиться. Однако

мы хотимъ прибавить еще нѣсколько словъ, чтобы освѣтить одинъ вопросъ, всѣми часто поднимаемый, именно, вопросъ объ относительности прогресса.

Нѣтъ сомнѣнія, что идея прогресса уже потому относительна, что она касается насъ. Но въ этомъ смыслѣ всякая идея относительна, и притомъ въ одинаковой мѣрѣ. Мы не можемъ формулировать ни одного предложенія, которое не имѣло бы къ намъ того или другого отношенія. Когда мы говоримъ: „холодно“, это все равно, какъ если бы мы сказали: „холодно по сравненію съ температурой нашего тѣла“; когда мы говоримъ: „эта вещь велика или мала“, мы, въ сущности, говоримъ: „Эта вещь велика или мала по сравненію съ нашимъ тѣломъ“. Ту же точку зрѣнія можно примѣнить и къ прогрессу. Прогрессъ есть то, что увеличиваетъ наше наслажденіе, а не наслажденіе другихъ. Все это неоспоримо и, слѣдовательно, все это не мѣшаетъ признанію справедливости нашего тезиса.

Если встать на точку зрѣнія абсолютную, надо сознаться, что въ мірѣ нѣтъ ни прогресса, ни регресса. Эволюція движется по замкнутой кривой. Наша солнечная система была когда-то массой разсѣянной матеріи. Она сгустилась и образовала небесныя тѣла. Когда-нибудь планеты опять сольются со своимъ центральнымъ свѣтиломъ, причемъ послѣднее, столкнувшись съ другимъ небеснымъ тѣломъ, дастъ начало новой туманности, которая возобновитъ циклъ прежнихъ превращеній и такъ далѣе до безконечности. Въ природѣ нѣтъ ни прогресса, ни регресса, потому что столкновеніе, которое заставляетъ два небесныхъ тѣла разсыпаться въ почти невѣсомую матерію, въ вѣчномъ круговоротѣ измѣненій имѣетъ уже значеніе наступающаго вслѣдъ затѣмъ сгущенія туманностей и образованія изъ нихъ новой системы небесныхъ тѣлъ. Какъ въ кругѣ всѣ его точки суть исход-

ныя и не исходныя, такъ и въ природѣ всѣ состоянія матеріи суть начальныя и не начальныя. И потому нельзя сказать, чтобы одно какое-нибудь состояніе опережало другое.

Но хотя эволюція вселенной слѣдуетъ по замкнутой кривой, это не мѣшаетъ тому, чтобы отдѣльныя части ея пути представляли собою условія болѣе благопріятныя для насъ, чѣмъ другія. Когда условія становятся все болѣе и болѣе благопріятными, мы въ правѣ сказать, что замѣчается прогрессъ въ естественной средѣ.

Мы не знаемъ, идетъ ли солнце къ охлажденію, которое будетъ для насъ гибельно, или же его температура увеличивается вслѣдствіе процесса сжиманія. Но если бы мы могли съ достовѣрностью знать, что температура солнца увеличивается въ предѣлахъ, для насъ выгодныхъ, мы могли бы видѣть въ этомъ прогрессъ.

Мы относимъ къ себѣ всѣ явленія внѣшняго міра. Съ этой точки зрѣнія прогрессъ есть понятіе, имѣющее смыслъ и значеніе только по отношенію къ намъ. Это, однако, не мѣшаетъ нѣкоторымъ явленіямъ, имѣющимъ реальное существованіе, быть для насъ благопріятными, а потому и прогрессъ есть нѣчто реально существующее. Не надо смѣшивать относительности прогресса съ субъективной идеей прогресса. Это—явленія совершенно различныя. Воръ можетъ думать, что присвоеніе чужой собственности есть прогрессъ. Обворованный можетъ на это смотрѣть какъ на регрессъ, на распадъ. Турки могутъ взирать на всякое ослабленіе христіанъ, какъ на прогрессъ, а христіане, наоборотъ, видятъ прогрессъ въ ослабленіи турокъ. Въ этомъ случаѣ идея прогресса становится крайне неопредѣленной, потому что ее приписываютъ двумъ противоположнымъ явленіямъ.

Конечно, каждый можетъ разсматривать соціальныя явленія съ своей личной точки зрѣнія, впадая при этомъ въ односторонность и грубыя ошибки. Идея прогресса тогда теряетъ всякую точность или опредѣленность. Но соціологія подымается выше личныхъ интересовъ и разсматриваетъ явленія съ самой общей точки зрѣнія. Соціологія не знаетъ ни Петра, ни Павла, ни француза, ни нѣмца, ни арійца, ни семита. Соціологія изучаетъ все человѣчество. Но становясь на эту точку зрѣнія, нельзя оспаривать того, что прогрессъ есть лишь частный случай закона равновѣсія. Дѣйствительно, совершенство будетъ достигнуто наиболѣе полнымъ приспособленіемъ всей планеты къ человѣческимъ потребностямъ (максимумъ богатства) и наиболѣе полнымъ приспособленіемъ человѣческаго ума къ окружающей средѣ (полнота знанія). Эти два приспособительныхъ процесса, активный и пассивный, представляютъ собою двѣ стороны закона равновѣсія.

Прогрессъ, разсматриваемый съ одной только субъективной точки зрѣнія, ведетъ къ одностороннимъ и ошибочнымъ заключеніямъ. Когда турки думаютъ, что прогрессъ для Турціи заключается въ ослабленіи грековъ, они грубо ошибаются. Прогрессъ состоитъ въ одновременномъ развитіи всѣхъ отдѣльныхъ личностей и всѣхъ народовъ. Никому не выгодно задерживать умственное развитіе своего сосѣда, потому что, поступая такъ, всякій ставитъ препятствіе на пути своего собственнаго умственнаго развитія. Ни одной націи не выгодно подрывать процвѣтаніе сосѣдней націи, потому что, поступая такъ, она подкапывается подъ собственное свое благополучіе.

Можно утверждать, что общественный прогрессъ идетъ параллельно съ прогрессомъ умственнымъ и научнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, и что касается техники, облегчающей нашу жизнь, очевидно, что чѣмъ лучше

мы будемъ знать химію, физику, механику, тѣмъ быстрѣе будетъ совершаться техническій прогрессъ. Такъ же точно, чѣмъ лучше мы будемъ знать біологію, физіологію и патологію, тѣмъ успѣшнѣе мы будемъ бороться съ болѣзнями, источниками многочисленныхъ страданій нашихъ. Наконецъ, чѣмъ лучше мы изучимъ экономическія явленія, тѣмъ скорѣе человѣческія общества достигнутъ удовлетворительной хозяйственной организаціи.

Но всѣ факты, которые мы здѣсь бѣгло перечислили, что̀ они такое, какъ не проявленія всеобщаго начала равновѣсія, какъ не дѣятельныя приспособленія среды къ нуждамъ человѣка и пассивныя приспособленія человѣка къ окружающей средѣ?

Просимъ позволенія прибавить одно послѣднее слово. Можно ли опредѣлить, въ какомъ фазисѣ своего развитія находится въ настоящее время человѣческій родъ?

Человѣчество существуетъ съ третичной эпохи. Очень трудно сказать, въ какой моментъ оно образовалось, потому что дифференціація, выдѣлившая его изъ низшаго животнаго типа, происходила незамѣтно. Какъ бы то ни было, мы знаемъ навѣрное, что начиная съ четвертичной или постпліоценовой эры, на землѣ уже жили существа, весьма сходныя съ нами. Палеонтологи приписываютъ нашей расѣ, по крайней мѣрѣ, пять тысячъ лѣтъ. Возможно, что она еще много старше. Прогрессъ вначалѣ совершается очень медленно, но постепенно все ускоряетъ свой ходъ. Изъ пяти тысячъ лѣтъ нашего существованія четыре тысячи девятьсотъ лѣтъ, по меньшей мѣрѣ, протекли до изобрѣтенія письма. Если имѣть въ виду высшую или кульминаціонную точку, которую можетъ достигнуть человѣчество, какую часть пути мы уже оставили позади себя? Намъ кажется, что едва ли можно говорить

даже о половинѣ. Мы выйдемъ изъ періода варварства, мы достигнемъ половины пути только тогда, когда человѣческій родъ образуетъ собою одну политическую федерацію, когда иллюзія „хищенія“ будетъ окончательно похоронена на кладбищѣ исторіи. Тогда будетъ достигнута точка, на которую сумма истинъ соціальнаго порядка превыситъ сумму заблужденій, и тогда наступитъ день, въ который наши потомки начнутъ быстро подыматься по ступенямъ прогресса, не встрѣчая отпора и помѣхъ со стороны своихъ же согражданъ. Тогда прогрессъ разовьетъ скорость, о которой мы не можемъ себѣ составить представленія въ нашу эпоху безпорядка, дезорганизаціи и анархіи.

Перев. С. Шевченко.

Л. Веберъ.

Эволюція и прогрессъ [1]).

Проблема прогресса можетъ изслѣдоваться съ двухъ точекъ зрѣнія: или съ общефилософской, или со спеціально-исторической. Въ первомъ случаѣ прогрессъ разсматривается какъ фактъ, выявляемый жизнью въ ея совокупности, начиная съ момента ея насажденія на землѣ; онъ составляетъ качественную сторону біологическаго факта эволюціи. Философія прогресса, столь широко понимаемаго, есть философія эволюціи. Гербертъ Спенсеръ, Альфредъ Фулье, Бергсонъ—ея главные представители. Ихъ труды нынѣ считаются классическими. Ограниченный однимъ человѣческимъ родомъ, вопросъ прогресса въ восемнадцатомъ столѣтіи сильно привлекалъ вниманіе мыслителей. Это движеніе привело къ философіи Огюста Конта, въ которой мысли, выраженныя въ работахъ Кондорсэ, Тюрго и Сенъ-Симона, явились систематизированными съ несравненною силою. Если позитивизмъ Конта въ нѣкоторыхъ частяхъ и кажется уже устарѣвшимъ, то основная формула, предложенная имъ для опредѣленія природы и условій умственнаго прогресса въ человѣческихъ обществахъ, ни мало не потеряла своего значенія. Она остается самой точной и понятной изъ всѣхъ формулъ, до сихъ поръ выработанныхъ. Законъ трехъ состояній господствуетъ въ современной соціологіи.

Въ одномъ изъ сообщеній на четвертомъ международномъ философскомъ конгрессѣ я указалъ въ общихъ чертахъ, что, можетъ-быть, слѣдовало бы замѣ-

[1]) Извлеч. изъ книги: Le rythme du progrès, Paris, Alcan, 1913, стр. IX—XIV и 1—26.

нить этотъ законъ другою схематическою формулою, которой пришлось бы дать названіе „закона двухъ состояній“ и которая выражала бы просто тотъ фактъ, что человѣческій разумъ, повидимому, прогрессируетъ, въ теченіе своего историческаго развитія, проходя чрезъ перемежающіяся фазы технической дѣятельности и дѣятельности идеологической или созерцательной [1]). Въ то время какъ законъ трехъ состояній опредѣляетъ не только ходъ умственной эволюціи, но и ея конечную цѣль, и такимъ образомъ даетъ полную программу будущихъ судебъ разума, ставя вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлъ его честолюбивымъ замысламъ, „законъ двухъ состояній“ ограничивается опредѣленіемъ эволюціоннаго ритма, являющагося, повидимому, существеннымъ и постояннымъ въ исторіи цивилизаціи, но не содержащаго въ себѣ никакихъ предсказаній о будущемъ, въ родѣ тѣхъ, которыя позволили позитивизму выступить въ качествѣ нормативной доктрины, нравственнаго ученія, политической системы и даже религіи.

Факты, на которые можно опереться въ данномъ случаѣ, сводятся къ тремъ различнымъ разрядамъ: 1) животное происхожденіе человѣка; 2) его промышленный или техническій инстинктъ; 3) его общественный инстинктъ. Что касается происхожденія человѣка, то признанная нынѣ недостаточность данныхъ палеонтологіи и сравнительной морфологіи заставила отказаться отъ гипотетическихъ генеалогій, слишкомъ быстро набросанныхъ подъ вліяніемъ теорій Дарвина и Геккеля. Но трудности генетической проблемы не могутъ поколебать той, окончательно получившей право гражданства въ наукѣ истины, что человѣчество медленно возникло изъ жи-

[1]) См. также Revue de métaphysique et de morale, 1911 г., стр. 597.

вотнаго міра. Если приматы существующихъ нынѣ породъ не суть истинные его предки, они по меньшей мѣрѣ являются его близкими родственниками и происходятъ, какъ и человѣческій родъ, отъ высшихъ млекопитающихъ, подлинные представители которыхъ, вѣроятно, уже исчезли, но строеніе и организація которыхъ, какъ тѣлесная, такъ и умственная, позволили нѣкоторой части ихъ потомства достигнуть той изумительной высоты развитія, на которой мы застаемъ ихъ теперь.

Съ принятіемъ такой точки зрѣнія, проблема человѣческаго прогресса опредѣляется гораздо легче. Но проблема эта еще далеко не ставится какъ исключительно научная задача. Ибо явленіе, называемое прогрессомъ, безконечно сложно; мы составляемъ себѣ о немъ понятіе въ зависимости отъ цѣнности, которую придаемъ его различнымъ сторонамъ и проявленіямъ; а въ идею цѣнности, какъ и въ сужденія, гдѣ она играетъ роль, входятъ нравственные элементы, отъ которыхъ чрезвычайно трудно освободиться, чтобы отдаться строго-объективному изученію фактовъ. За философами эволюціонистами, слѣдовавшими за первыми теоретиками прогресса, нельзя не признать той заслуги, что они косвенно обнаружили всѣ трудности задачи и пытались поэтому заключить ее въ тѣсныя границы сначала біологіи, а потомъ соціологіи. Ихъ усилія въ этомъ направленіи показали, что наука, призванная рѣшить проблему прогресса, вся еще подлежитъ созиданію; что она не составляетъ простого продолженія антропологіи, ни своеобразнаго расширенія историческихъ наукъ, въ прежнемъ пониманіи послѣднихъ.

Если ограничить изученіе вопросовъ, поднимаемыхъ процессами зарожденія и послѣдовательной смѣны цивилизацій, только тѣми изъ нихъ, которые непосред-

ственно касаются умственнаго прогресса въ строгомъ смыслѣ слова, т.-е. пріобрѣтенія практическихъ навыковъ и теоретическихъ свѣдѣній, безъ которыхъ не обходятся въ человѣческихъ обществахъ ни въ одну эпоху ни промышленность, ни точная наука, ни философская спекуляція,—можно попытаться, съ помощью упрощающихъ гипотезъ, привести въ порядокъ и вчернѣ разработать накопившійся матеріалъ наблюденій. Первая изъ такихъ гипотезъ, та, которая всего естественнѣе приходитъ на умъ, состоитъ въ различеніи, въ проявленіяхъ разума, двухъ разрядовъ заботъ и стремленій, поочередно преобладающихъ въ качествѣ единственныхъ двигателей и руководителей умственной дѣятельности: заботъ и стремленій техническихъ и заботъ и стремленій общественныхъ. Человѣкъ во всѣ времена тратитъ свое вниманіе и свою изобрѣтательность, только приходя въ соприкосновеніе съ внѣшними предметами или съ другими людьми. Онъ отрываетъ свой взоръ отъ матеріи только для того, чтобы обратить его на общество и обратно.

Часто утверждали, что религіозность есть отличительный признакъ человѣческаго рода. Современная соціологическая школа приняла это опредѣленіе и старается его оправдать, включая категорію „религіознаго“ въ болѣе широкую категорію „общественнаго“. Однако, съ не меньшимъ основаніемъ утверждали и то, что человѣкъ можетъ быть опредѣленъ какъ производитель орудій, homo faber, и если его разсматривать съ этой второй, не менѣе существенной стороны, то придется признать, что человѣческій разумъ есть не только продуктъ или функція группы, а нѣчто болѣе специфическое и антропологически характерное, чѣмъ соціальный инстинктъ въ строгомъ смыслѣ слова, что онъ, можетъ статься, есть еще болѣе первобытное и основное свойство человѣческаго рода, чѣмъ сама

общественность. Что двѣ дѣятельности, техническая и общественная, безпрерывно смѣшиваются и сочетаются между собой, и что на протяженіи вѣковъ онѣ не разъединяются въ дѣйствительности, все это очевидно. Но ихъ нынѣшнее состояніе тѣснаго сочетанія, не позволяющее выдѣлить каждую изъ нихъ въ чистомъ видѣ, не можетъ мѣшать ихъ различенію и утвержденію, что онѣ имѣютъ отдѣльное существованіе. Въ химіи есть соединенія, составные элементы которыхъ давно угадывались изслѣдователями, прежде чѣмъ была достигнута возможность получить ихъ въ чистомъ видѣ. Взирая на волшебное зрѣлище, представляемое въ нашу эпоху матеріальной цивилизаціей западныхъ обществъ, въ то время какъ умы еще такъ отсталы въ морали, религіи и политикѣ, какъ не быть пораженнымъ яркимъ контрастомъ между степенью развитія техническаго пониманія, которому мы обязаны нашею промышленностью и всѣми нашими средствами воздѣйствія на внѣшнія силы природы, и степенью развитія общей культуры, которую открываетъ намъ, съ другой стороны, господствующая философія, средняя философія цивилизованнаго европейца?

Между этими двумя полюсами разума, между геометрически-механическимъ пониманіемъ внѣшняго міра и умозрительной идеей вселенной, слагающейся въ насъ, когда мы начинаемъ сознавать міръ подъ прямымъ вліяніемъ соціальныхъ категорій, нѣтъ ни гармоніи, ни раціональнаго соотношенія; между ними, напротивъ того, отчетливо выступаетъ разногласіе, почти противоположность.

Размышляя о собственной своей природѣ и о собственномъ своемъ положеніи въ мірѣ, человѣкъ, можно сказать, какъ будто думаетъ мозгомъ другой эпохи; а обладая техническимъ знаніемъ зрѣлаго возраста, онъ, тѣмъ не менѣе, философствуетъ, какъ ребенокъ.

Извѣстно, какое объясненіе позитивизмъ далъ этой неоднородности, разнокалиберности человѣческаго пониманія: онъ видитъ въ ней необходимое слѣдствіе закона трехъ состояній. По Огюсту Конту, знанія развиваются, переходя отъ теологическаго состоянія къ позитивному тѣмъ медленнѣе, чѣмъ сложнѣе изучаемые ими факты (или чѣмъ выше они стоятъ въ лѣстницѣ явленій). Наука чиселъ и величинъ первая достигла положительнаго состоянія. Науки неорганическаго міра освободились изъ-подъ теологическаго и метафизическаго ига вслѣдъ за ними. Наука жизни еще не стряхнула съ себя владычества метафизики. Науки общественныя и нравственныя еще погружены въ теологію. Съ нѣкоторыми поправками и нѣкоторыми ограниченіями, эту теорію, очень соблазнительную, принимаютъ нынѣ болѣе или менѣе явно всѣ соціологи. Между тѣмъ, въ сущности, она ровно ничего не объясняетъ. Законъ трехъ состояній самъ еще далеко не доказанъ, а еслибъ эволюція знаній въ точности и совершалась такъ, какъ указалъ Огюстъ Контъ, оставалось бы еще вопросомъ, почему она слѣдуетъ именно этому, а не иному порядку. Сверхъ того, законъ трехъ состояній основанъ на гипотезѣ „фетишизма“ или первобытнаго анимизма, а труды современныхъ соціологовъ устанавливаютъ, что анимизмъ, какимъ представлялъ его себѣ Огюстъ Контъ, не есть фактъ начально-исходный. Ему, вѣроятно, предшествовала фаза до-анимистическая. Но такимъ образомъ рушится основа позитивной трилогіи. Приходится направить изслѣдованія въ другую сторону. Фактъ еще болѣе первобытный, чѣмъ фетишизмъ, или любое другое проявленіе сознанія, нашедшее себѣ выраженіе въ коллективномъ обычаѣ, это — существованіе матеріальной техники, значительное развитіе которой въ эпохи, безконечно далекія отъ насъ, засвидѣтельствовано до-исторической археологіей, которая

была совершенно неизвѣстна во времена Огюста Конта. Техника эта уже процвѣтала, когда появились первые памятники религіознаго характера, доказывающіе существованіе у нашихъ предковъ вѣрованій, сходныхъ съ тѣми, которыя позитивизмъ считаетъ исходною точкою всякаго систематизированнаго познанія. Если признать, что техническое пониманіе развилось самопроизвольно и изъ самого себя, внѣ постороннихъ вліяній, то можно придти къ выводу, что теоретическое знаніе питалось и этимъ источникомъ не менѣе обильно, чѣмъ источникомъ религіознымъ и общественнымъ, и что изъ него именно оно и почерпнуло свои первыя пріобрѣтенія. Теперь видно, что техническій разумъ или техническое пониманіе предшествовали какъ сужденіямъ, которыми человѣкъ старался опредѣлить свое мѣсто въ мірѣ, такъ и идеологіи, съ помощью которой онъ мыслитъ себя самого въ неразрывной зависимости отъ другихъ людей, или какъ функцію существъ, во всемъ ему подобныхъ. Такимъ образомъ, не законъ трехъ состояній, а періодическая смѣна двухъ основныхъ разновидностей умственнаго прогресса могла бы объяснить коренной разладъ, замѣчаемый между двумя разрядами знанія, между знаніемъ техническимъ и знаніемъ умозрительнымъ, между представленіями о вещахъ, разсматриваемыхъ подъ угломъ зрѣнія механики и законовъ физики, и пониманіемъ существъ сообразно съ элементами нашей внутренней или духовной жизни, на которую общество наложило свою неизгладимую печать.

Источники современной идеи прогресса.

Съ той эпохи, когда Кондорсэ написалъ свой „Опытъ историческаго обозрѣнія прогресса человѣческаго ума“, понятіе о прогрессѣ имѣло исключительный успѣхъ. Популяризованное въ безчисленныхъ сочине-

ніяхъ, оно получило міровое распространеніе. Оно сдѣлалось однимъ изъ руководящихъ принциповъ общественнаго мнѣнія въ политикѣ, въ нравственности, въ соціологіи. На точку зрѣнія прогресса стала становиться публика, формулируя свои сужденія не только о техническихъ изобрѣтеніяхъ или научныхъ открытіяхъ, но и о перемѣнахъ въ учрежденіяхъ, въ обычаяхъ и вѣрованіяхъ. Значеніе изобрѣтенія стало измѣряться въ ея глазахъ тѣмъ усовершенствованіемъ, которое оно, по общему мнѣнію, внесло въ матеріальныя условія существованія. Политическія и соціальныя перемѣны стали оцѣниваться тѣмъ же мѣриломъ. По отношенію къ нимъ прежде всего возникаетъ вопросъ, составляютъ ли онѣ прогрессъ или регрессъ въ поступательномъ ходѣ человѣчества къ счастью, силѣ и свободѣ. То же происходитъ и съ вѣрованіями, и съ теоретическими идеями о нравственности. Въ настоящее время меньше заботятся объ истинѣ или ложности ихъ, чѣмъ объ ихъ значеніи для общаго развитія разума и сознанія. Ихъ оцѣниваютъ и имъ вѣрятъ или отказываютъ въ довѣріи не по внутреннему ихъ содержанію, а съ точки зрѣнія ихъ согласія или несогласія съ тѣмъ или другимъ, болѣе или менѣе произвольнымъ ученіемъ о прогрессѣ человѣческаго ума.

Общая и довольно смутная идея прогресса зародилась въ умахъ, какъ мы уже сказали, сравнительно недавно. Чудесный подъемъ техники и промышленныхъ искусствъ въ XIX столѣтіи укрѣпилъ, какъ догматъ, вѣру въ постепенное и почти безпредѣльное улучшеніе судьбы человѣчества, ставшее возможнымъ вслѣдствіе одновременнаго развитія наукъ о природѣ. А такъ какъ, съ другой стороны, это развитіе составляетъ, повидимому, необходимое слѣдствіе нормальной дѣятельности научнаго ума,

главной пружиной котораго является неустанная любознательность, постоянно направляющаяся на новые и новые объекты изслѣдованія, то изъ совокупности этихъ условій должна была возникнуть, и дѣйствительно возникла, болѣе или менѣе обоснованная вѣра въ „законъ прогресса“, управляющій обществами въ силу естественныхъ и необходимыхъ свойствъ человѣческаго разума. Мы вѣримъ въ прогрессъ, потому что вѣримъ, что въ глубокой природѣ знанія—въ особенности физическаго и біологическаго—заложено свойство распространяться, обогащаться, увеличивать безъ конца свои завоеванія. Познавая все лучше и лучше міръ и существа, его населяющія, человѣкъ все болѣе и болѣе господствуетъ надъ ними и заставляетъ ихъ служить себѣ. Такимъ образомъ все увеличивается власть человѣка надъ вещами, позволяющая ему вести жизнь все болѣе и болѣе свободную, полную, а, слѣдовательно, и все болѣе его удовлетворяющую. Спросите вокругъ себя, какъ понимается идея прогресса, и вы вездѣ найдете на первомъ планѣ понятіе о прогрессѣ матеріальномъ, т.-е. о такомъ устройствѣ, благодаря наукѣ, среды, въ которой человѣкъ призванъ жить, которое все болѣе и болѣе отвѣчаетъ его потребностямъ, по мѣрѣ роста или размноженія послѣднихъ.

Представленія объ общественномъ и нравственномъ прогрессѣ стремятся, въ свою очередь, приблизиться къ указанному выше пониманію матеріальнаго прогресса. Если мы часто не сознаемся въ этой близости, то это, безъ сомнѣнія, объясняется пережитками (даже у тѣхъ, которые думаютъ, что порвали съ традиціей), ученій древней философіи и христіанства, контрастъ которыхъ съ нынѣшними идеалами очевиденъ. Древняя философія сближала между собой и соединяла въ гармоничную тріаду поискъ за истиной, осуществленіе красоты и стремленіе къ добру. Такой синтезъ при-

велъ античную мысль къ провозглашенію, что счастіе находится не во внѣшнихъ вещахъ, а зиждется въ умѣ и въ сознаніи. Довольство собою, единственное настоящее счастіе, понималось по образу и подобію той умственной радости, которая сопровождаетъ открытіе новыхъ истинъ. Только терпѣливымъ изученіемъ проблемъ внѣшней природы и логики завоевываютъ понемногу истину физикъ и діалектикъ; такимъ же настойчивымъ усиліемъ и постоянною практикою добивается художникъ того, что произведенія его вызываютъ восхищеніе; и не иначе, какъ такою же медленной и разумною работою надъ своими стремленіями, наклонностями и страстями, какъ такимъ же непрерывнымъ упражненіемъ своей воли, можетъ философъ достигнуть мудрости и счастія, которое даетъ обладаніе мудростью, Счастіе — въ немъ самомъ и въ вещахъ, которыя непосредственно зависятъ отъ него. Нравственный прогрессъ такимъ образомъ остается вполнѣ индивидуальнымъ или личнымъ. Не завися отъ внѣшнихъ причинъ, онъ не зависитъ и отъ среды, въ которой судьба заставила насъ родиться. Мысль, что преобразованіе общества путемъ предварительнаго или одновременнаго преобразованія матеріальной среды можетъ сдѣлать людей лучшими, болѣе справедливыми и болѣе счастливыми, такъ какъ оно устанавливаетъ полное согласіе между личностью и обществомъ, мысль эта оставалась чуждою нравственнымъ понятіямъ древнихъ философовъ. Ихъ идеаломъ была свобода, т.-е. автономія разумнаго существа, ἡγεμονίκον α, съумѣвшаго покорить свои страсти. Стоики, правда, ставили на первый планъ своихъ правилъ поведенія „жизнь, сообразную съ законами природы“. Но природа, о которой они говорили и законы которой должны были руководить поведеніемъ мудреца, была на самомъ дѣлѣ ничѣмъ инымъ, какъ природой человѣческаго разума, его сво-

бодою или способностью къ автономіи, противопоставляемой детерминизму физическаго міра и придающей человѣческой природѣ черты, свойственныя природѣ божественной.

Ученія трансформизма. До-историческая эпоха.

Научныя открытія, воплощающіяся въ техникѣ, которую они безпрерывно преобразуютъ и совершенствуютъ, даютъ такіе доказательные результаты, что имъ приходится отвести первое мѣсто въ генезисѣ современнаго понятія о прогрессѣ. Это постоянный и несравненный наглядный урокъ, къ которому не могутъ остаться равнодушными даже самые простые умы. Но вѣра въ прогрессъ имѣетъ и другіе корни. Съ развитіемъ біологическихъ и историческихъ наукъ, изученіе живыхъ существъ, изученіе человѣка и изученіе обществъ укрѣпили точки зрѣнія „происхожденія“ и „становленія“ и выдвинули ихъ на первый планъ. Прогрессъ былъ найденъ и засвидѣтельствованъ почти во всѣхъ перемѣнахъ, о которыхъ повѣствуетъ исторія. Онъ такимъ образомъ пріобрѣлъ значеніе закона весьма общаго или значеніе высшаго объяснительнаго начала, между тѣмъ какъ простое наблюденіе того, что происходитъ передъ нашими глазами, не давало, въ сущности, права приписывать частному прогрессу, свидѣтелями котораго мы являемся, иной цѣнности, какъ только той, которая принадлежитъ явленію, можетъ-быть, и скоро преходящему.

Ученія трансформизма проникли всюду. Народная школа ихъ популяризовала и, упростивъ ихъ, выдавала за неоспоримыя истины. Все, что заключаетъ въ себѣ темнаго проблема происхожденія видовъ, сложность вопросовъ, ею подымаемыхъ, незнаніе дѣйствительнаго механизма, при помощи котораго зарождаются новые животные виды, трудности, встрѣчаю-

щіяся при всякой попыткѣ раскрыть точную генеалогію какого-нибудь вида въ частности и возстановить филетическій рядъ, послѣднимъ звеномъ котораго онъ является, пробѣлы палеонтологіи, гипотезы и иллюзіи эмбріологіи, ничего этого даже не касаются популярныя изложенія взглядовъ трансформизма. Знаменитые ученые, къ сожалѣнію, дали въ этой области примѣръ черезъ-чуръ смѣлаго и необоснованнаго догматизма. Какъ послѣ этого удивляться, что школьный учитель впадаетъ въ ту же ошибку, вопреки истинѣ увѣряя своихъ учениковъ, что происхожденіе человѣка составляетъ нынѣ исторію, доподлинно извѣстную во всѣхъ своихъ подробностяхъ, исторію, гдѣ нѣтъ болѣе мѣста не только для мнѣа, но даже для колеблющейся гипотезы?

Такое заблужденіе, впрочемъ, не представляется особенно важнымъ, если принять во вниманіе, что основное начало ученія о трансформизмѣ имъ не затрагивается и не измѣняется, а начало это нынѣ никѣмъ не оспаривается. Теперь всѣми признано, что человѣкъ—родственникъ, если даже не прямой потомокъ обезьяны, которая сама, подобно другимъ млекопитающимъ, произошла въ теченіе долгихъ геологическихъ періодовъ отъ животныхъ съ менѣе сложной организаціей такъ что, начиная съ элементарныхъ и низшихъ формъ жизни и кончая высшими млекопитающими и человѣкомъ, получается непрерывная цѣпь промежуточныхъ видовъ. Изъ нихъ значительное число, конечно, уже исчезло, но пережившіе виды, составляющіе современную фауну, разнообразіемъ своей организаціи, іерархіей, устанавливаемой между ними сравнительной анатоміей и физіологіей, свидѣтельствуютъ о реальности прогресса, породившаго, начиная съ самыхъ простыхъ существъ, организмы все болѣе и болѣе

сложные, все болѣе и болѣе дифференцированные и наконецъ, самого человѣка. Вмѣстѣ съ ученіемъ о трансформизмѣ,—все равно, будемъ ли мы придерживаться первоначальныхъ взглядовъ Ламарка, или сдѣлаемся учениками Дарвина, или примемъ недавнія гипотезы де-Фриса—идея прогресса занимаетъ центральное мѣсто въ біологіи и становится руководящею идеей науки о живыхъ существахъ. Въ этомъ порядкѣ идей, отъ котораго трудно отдѣлаться, разъ допустивъ его,—а какъ не допустить его? — именно признавая, что человѣкъ, будучи животнымъ и живымъ существомъ, управляется законами животнаго міра и, сверхъ того, еще болѣе общими законами растительной и животной жизни, прогрессъ не ограничивается явленіями, въ которыхъ мы его прежде всего замѣчаемъ, т.-е. въ средѣ общественной, гдѣ мы сами чувствуемъ, что мы измѣняемся и преобразуемся; но онъ захватываетъ область всей біологіи и представляется общимъ закономъ жизни.

Трансформизмъ и ученіе объ эволюціи, составляющее его высшее философское выраженіе, придали идеѣ прогресса общность и значительность, далеко выходящія за предѣлы человѣческихъ обществъ. Въ то время какъ прогрессъ, о которомъ свидѣтельствуетъ исторія этихъ обществъ, касается лишь различныхъ формъ человѣческаго существованія и, слѣдовательно, ограниченъ относительно короткимъ періодомъ, упомянутыя выше ученія показываютъ намъ всю природу, увлеченную съ незапамятныхъ временъ въ громадное общее движеніе, которое послѣдовательно породило типы, обнаруживающіе на каждой стадіи развитія усовершенствованіе въ устройствѣ и сочетаніи частей, расширеніе сферы и увеличеніе силы дѣйствія и болѣе полезную централизацію. Будемъ ли мы разсматривать это движеніе, какъ проявленіе внутренняго усилія и

расцвѣтъ внутренней самодѣятельности, или будемъ его опредѣлять, какъ слѣдствіе внѣшнихъ вліяній на организмы и истолковывать какъ цѣпь неизбѣжныхъ реакцій и автоматическихъ отвѣтовъ организмовъ на дѣйствіе среды, — мы, при всякой гипотезѣ, придемъ къ признанію, что именно благодаря такому прогрессу земля заселилась своими различными обитателями, чувствительность вышла изъ растительной жизни, а сознаніе и разумъ изъ чувствительности.

Прогрессъ человѣческій получаетъ такимъ образомъ значеніе простого частнаго случая. Онъ кажется лишь продолженіемъ, въ человѣческомъ царствѣ, такого древняго явленія, какъ органическая жизнь. Онъ не только слѣдствіе умственнаго склада человѣка, онъ— равнодѣйствующая всѣхъ его свойствъ и способностей; и если онъ выражается не въ органическихъ измѣненіяхъ и морфологическомъ разнообразіи, а въ обогащеніи сознанія и средствъ дѣйствія, то это значитъ, что, на самомъ дѣлѣ, сознаніе и дѣятельность суть то, что отличаетъ прежде всего человѣка отъ другихъ млекопитающихъ, отъ которыхъ онъ почти-что ничѣмъ не разнится своей тѣлесной организаціей.

До-историческая антропологія, съ своей стороны, принесла подтвержденіе этимъ взглядамъ.

Она простерла свои изслѣдованія на геологическіе періоды, и открытіе ископаемаго человѣка имѣло такой же громкій успѣхъ, какъ теоріи Ламарка и Дарвина.

То, что до-историческія археологія и антропологія выдвигаютъ съ особенной рѣзкостью на первый планъ, это, въ сущности, безпредѣльную обширность пріобрѣтеній, сдѣланныхъ человѣчествомъ со времени появленія на планетѣ существъ, на которыя можно не безъ основанія взирать какъ на первыхъ его представителей.

Исторія въ строгомъ смыслѣ слова, ограниченная нѣсколькими тысячами лѣтъ, далеко не имѣетъ такого

доказательнаго краснорѣчія. Она обнаруживаетъ передъ нами не одинъ прогрессъ, но также періоды застоя и упадка. Если, въ общемъ, совокупность проигрышей и выигрышей все-таки выражается очевидной прибылью, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать того, что на протяженіи всего историческаго періода эпохи упадка и застоя почти такъ же многочисленны, какъ и эпохи, когда движеніе впередъ не останавливалось и шло ускореннымъ шагомъ. Въ частности, матеріальныя усовершенствованія рѣзко проявляются только въ нашу эпоху, т.-е. въ послѣдніе два-три вѣка. Что же касается духовнаго прогресса, то трудность вполнѣ объективно опредѣлить его и множественность направленій, на которыя онъ распадается, не позволяютъ вывести равнодѣйствующую путемъ подсчета выигрышей и потерь.

Ученія трансформизма и науки до-историческихъ временъ на протяженіи какого-нибудь полустолѣтія создали состояніе умовъ, не мирящееся болѣе съ традиціонными вѣрованіями. Если пренебречь подробностями и ограничиться неоспоримыми истинами, нельзя не связать человѣка, при помощи цѣлаго ряда незамѣтныхъ звеньевъ, съ другими млекопитающими и нельзя, какъ въ исторіи человѣка, такъ и въ исторіи всего животнаго царства, не разсматривать постепенныя измѣненія какъ общее правило, а неподвижность и застой, какъ исключенія, движеніе—какъ необходимое условіе жизни, а покой—какъ форму и прообразъ смерти. Но отсюда слѣдуетъ выводъ, что природа человѣка объясняется только его исторіей, что его настоящее освѣщается только его прошедшимъ, что его наличныя свойства и будущія возможности становятся понятными только, если разсматривать ихъ въ ихъ движеніи, а не въ ихъ будто бы неподвижной и неизмѣнной сущности. Выражаясь иначе,

познаніе природы человѣка должно въ концѣ концовъ свестись къ познанію отношеній во времени, и наболѣе широкая или всеобъемлющая философія можетъ быть только философіей эволюціи.

Философія эволюціи имѣетъ своимъ источникомъ біологію, т.-е. точное знаніе живыхъ существъ и экспериментальное изслѣдованіе ихъ происхожденія и законовъ развитія, ими управляющихъ. Такимъ образомъ, біологія сдѣлалась наукой—вдохновительницею философіи, роль, которую въ XVIII столѣтіи сыграли по отношенію къ философіи геометрія и математическая физика.

Я не буду объяснять здѣсь, какъ, съ помощью этой исходной точки и метода, изъ нея вытекающаго, измѣнились и преобразовались великія проблемы психологіи и морали и какъ вопросы эти получили совершенно другое освѣщеніе. Философія эволюціи была для традиціонной философіи настоящимъ переворотомъ въ томъ смыслѣ, что, ставя на первое мѣсто объясненіе вещей изъ ихъ корней и первоисточниковъ и возвращая человѣка въ среду, его произведшую, именно въ животный міръ, она разсматривала сознаніе и мысль какъ результатъ или равнодѣйствующую, въ сложномъ организмѣ, тѣхъ общихъ функцій, которыя выполняются всѣми организмами, даже наиболѣе простыми,—функцій, которыя, какъ таковыя, подчинены обычнымъ пріемамъ изученія, анализа и синтеза.

Объясненіе извнутри, съ помощью изслѣдованія сущности и специфическихъ признаковъ явленія, она замѣнила объясненіемъ извнѣ, съ помощью изслѣдованія отношеній организма къ средѣ и элементарныхъ физико-химическихъ реакцій живой матеріи на внѣшнія силы, ею управляющія. Методъ этотъ, который въ прошломъ столѣтіи назывался „матеріалистическимъ“, не могъ дать результатовъ, пока преобладала точка зрѣнія ста-

тическая. Онъ пріобрѣлъ свое истинное значеніе лишь въ соединеніи съ точкой зрѣнія динамической и генетической.

Сужденія о фактѣ и сужденія о цѣнности. Софизмъ Post hoc ergo melius hoc.

Возвращаясь къ исторіи человѣчества, къ индивидуальнымъ и коллективнымъ проявленіямъ человѣческаго разума, попробуемъ ближе анализировать столь распространенную нынѣ идею прогресса, ограниченную тою областью, въ которой мы являемся одновременно и зрителями, и авторами, ставящими пьесу, гдѣ заглавная роль принадлежитъ прогрессу. Какъ только мы пытаемся получить отъ сторонниковъ философіи прогресса объясненіе внутреннихъ основъ ихъ ученія, насъ тотчасъ же поражаетъ неточность смысла ихъ главной руководящей идеи. Въ чемъ заключается человѣческій прогрессъ, чѣмъ характеризуется эволюція человѣка, въ какомъ направленіи происходитъ развитіе ума, къ какому состоянію сознанія стремятся индивиды, къ какому состоянію равновѣсія стремятся общества,—вотъ рядъ вопросовъ, остающихся безъ отвѣта или, вѣрнѣе, вызывающихъ столько же отвѣтовъ, сколько на-лицо имѣется личныхъ мнѣній. Замѣчательно, что согласіе тутъ достигается по отношенію къ принципу, который еще совсѣмъ не установленъ и къ которому мы примыкаемъ, повидимому, лишь въ силу какого-то тайнаго предпочтенія, по мотивамъ чувства, гораздо болѣе убѣдительнымъ, въ дѣйствительности, чѣмъ примѣры, взятые изъ современныхъ событій, и научныя индукціи, выведенныя изъ данныхъ біологіи и исторіи первобытныхъ эпохъ. Трудность достигнуть точности происходитъ непосредственно отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, отъ сложности человѣческой души; по-

томъ отъ смѣшенія въ данномъ вопросѣ двухъ видовъ сужденій: научныхъ сужденій и сужденій нравственныхъ, сужденій о наличности фактовъ и сужденій о цѣнности ихъ. Будемъ ли мы разсматривать прогрессъ въ умственномъ отношеніи или въ порядкѣ чувствъ и эмоцій, онъ перестаетъ быть простымъ однообразнымъ движеніемъ человѣчества; онъ то замедляется, то ускоряется, то останавливается, то возвращается вспять. Достигнутыя же вершины являются почти всегда величинами несоизмѣримыми. Онѣ проникаютъ въ различные міры, между которыми соединительнымъ звеномъ служитъ единство самого ума нашего и его вѣковыхъ творческихъ усилій.

Нѣтъ, впрочемъ, ничего болѣе обманчиваго, когда рѣчь идетъ о доказательствахъ прогресса, какъ уроки, почерпнутые изъ исторіи; нѣтъ, наоборотъ, ничего, что бы лучше подтверждало ошибочность ученія доктринеровъ восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтія. Недавнія событія развѣ не жестоко опровергли утопіи Сенъ-Симона, Фурье, Пьера Леру? За пророчествами ихъ послѣдовали война франко-германская, репрессіи коммуны, русскіе погромы, избіенія армянъ. Разстрѣлы 1871 г., отъ которыхъ погибли дясятки тысячъ безоружныхъ людей, невольно напоминаютъ страшныя бойни древности, въ родѣ взятія Аѳинъ Силлою или покоренія Іерусалима Титомъ, т.-е. жестокости, которыя, казалось, не могли уже болѣе повториться? Рѣзня несопротивлявшихся армянъ, гдѣ курды и татары соперничали другъ съ другомъ въ звѣрствѣ, проявляетъ ли намъ человѣчество болѣе совершенное, чѣмъ то, которое заставляло трепетать Азію подъ игомъ ассиріискихъ завоевателей? Разсматривая такіе факты, приходишь къ убѣжденію, что паровыя машины и электричество, желѣзныя дороги и телеграфъ не имѣли никакого вліянія на сердце человѣка, и невольно хо-

чется повторить вслѣдъ за Псалмистомъ: „Тысяча лѣтъ передъ твоими очами проходятъ какъ одинъ день и какъ канунъ одной ночи“.

Иллюзія, которая смѣшиваетъ умственный прогрессъ съ прогрессомъ всего существа человѣка, происходитъ также отъ недостаточнаго различенія между сужденіями фактическаго характера и сужденіями нравственными и эстетическими. Никто не отрицаетъ того, что современный человѣкъ лучше освѣдомленъ о внѣшнемъ мірѣ, чѣмъ человѣкъ прошлыхъ, исчезнувшихъ цивилизацій. Отъ космологіи египетской до современной астрономіи, напримѣръ,—цѣлая пропасть. Но зато, въ этомъ порядкѣ явленій, соображенія и оцѣнки чувства не играютъ никакой роли. Дѣло касается объективныхъ истинъ, утвержденій о природѣ вещей, къ которымъ не приложимы критеріи добра и зла, которыя не связаны съ нашими желаніями и не возбуждаютъ въ насъ и обратныхъ чувствъ, которые не устанавливаютъ никакого отношенія между данною дѣйствительностью и идеаломъ. Итакъ, прогрессъ знанія есть положительный фактъ, не подлежащій спору. Но какъ только мы подходимъ къ вопросамъ нравственнымъ и общественнымъ, насъ со всѣхъ сторонъ осаждаютъ затрудненія. Нѣтъ возможности установить какую-либо іерархію между нравственными или общественными фактами, не прибѣгая къ понятіямъ цѣлесообразности, полезности, долженствованія, слѣдовательно, къ утвержденіямъ, касающимся не только существованія, но и относительной цѣнности разсматриваемыхъ явленій. А съ какою легкостью мы переходимъ отъ простого сужденія о существованіи вещи къ сужденію о ея цѣнности, отъ заявленія: „это есть“ къ заявленію „это лучше, предпочтительнѣе или хуже“, видно даже на примѣрѣ біологіи, науки, въ которой цѣлевыя объясненія, что бы ни дѣлали для изгнанія ихъ

отсюда, продолжаютъ играть огромную роль. Идея организаціи, имѣющая существенное значеніе въ біологіи, подразумѣваетъ идею цѣлесообразности. Идея іерархіи въ организаціи содержитъ въ себѣ идею о вершинѣ, существующей или фиктивной, условной, къ которой организація, повидимому, тяготѣетъ по мѣрѣ того, какъ она усложняется; и устанавливаемая съ этой цѣлью лѣстница не можетъ быть построена безъ помощи нѣкоторыхъ субъективныхъ элементовъ.

Но безъ идей организаціи и іерархіи въ организаціи классификація явленій и сравнительная морфологія ихъ, вѣроятно, не существовали бы, и самыя гипотезы трансформизма не зародились бы. Понятіе о превосходствѣ или относительномъ совершенствѣ однихъ организмовъ передъ другими, не переставшее играть важную роль въ наукахъ о жизни, всецѣло проникнуто идеей цѣлесообразности и антропоморфическими взглядами. Если это такъ въ чистой біологіи, то a fortiori въ наукахъ соціологическихъ нѣтъ возможности установить классификацію явленій и попытаться объяснить факты, не прибѣгая, даже открещиваясь отъ такого намѣренія, къ субъективнымъ сужденіямъ и оцѣнкамъ, предполагающимъ минимальную степень соглашенія между умами относительно того, что̀ полезно, что̀ желательно, что̀ лучше или хуже. Этотъ условный минимумъ, эти первыя оцѣнки, не возбуждающія спора, какъ общепризнанныя и общепринятыя, являются исходной точкой продолжающагося смѣшенія между сужденіями фактическаго характера и опредѣленіями общественныхъ цѣнностей. Кондорсэ, напримѣръ, предполагаетъ, что равенство между націями и равенство между индивидами представляетъ для націй и индивидовъ состояніе болѣе высокое или превосходное, чѣмъ неравенство; онъ поэтому тотчасъ же и дѣлаетъ

изъ равенства одинъ изъ главныхъ признаковъ прогресса и самый прогрессъ опредѣляетъ, какъ возрастающее равенство. Когда, далѣе, онъ убѣждается въ этомъ возрастаніи равенства въ обществахъ, имъ изучаемыхъ, онъ не сомнѣвается, что имѣетъ дѣло съ прогрессирующимъ обществомъ. Такимъ образомъ, онъ вѣритъ и заставляетъ насъ вѣрить, что прогрессъ непосредственно доказывается историческими фактами, безъ всякой предвзятой мысли историка; а между тѣмъ въ дѣйствительности послѣдній находитъ въ фактахъ только то, что уже самъ вначалѣ вложилъ въ нихъ. Субъективное толкованіе, собственный способъ опредѣленія прогресса, вотъ что здѣсь, очевидно, господствуетъ надъ чисто объективной регистраціей событій.

Post hoc, ergo melius hoc, этотъ софизмъ въ духѣ Post hoc, ergo propter hoc, одинаково преобладаетъ и во всѣхъ объясненіяхъ и гипотезахъ генетическаго характера. Этотъ софизмъ, скрытый въ ученіяхъ трансформистовъ, касающихся животныхъ и растительныхъ видовъ, обнажается и отчетливо выступаетъ въ философіи исторіи человѣчества. Эта философія не только явно телеологична (она возводитъ въ принципъ, что человѣчество имѣетъ судьбу и стремится ко все болѣе и болѣе полному осуществленію ея), но, сверхъ того, она пользуется отношеніемъ причинности, только включая его въ отношеніе цѣлеисходности. Событіе, вызванное однимъ или многими предшествующими событіями, не является въ ея глазахъ простымъ голымъ фактомъ; оно имѣетъ смыслъ, направленіе; оно обращено къ дѣйствительной или воображаемой цѣли, на которую уже указывали предыдущія событія; оно уже ближе къ цѣли, чѣмъ эти событія; оно сокращаетъ остающійся до достиженія цѣли путь; вотъ почему оно и обозначаетъ собою прогрессъ. Стремленіе человѣчества, какъ стремленіе всего, что живетъ—

пребывать въ своей сущности и пріумножать ее. Сущность человѣчества, ея выявленіе и пріумноженіе, — такова „цѣль“.

Все, что приближаетъ человѣка къ ней, поэтому, есть не только прогрессъ въ кинематическомъ смыслѣ слова, т.-е. шествіе въ извѣстномъ направленіи, но, сверхъ того, и прогрессъ въ нравственномъ смыслѣ, т.-е. шествіе къ лучшему, улучшеніе (которое здѣсь имѣетъ одинаковый смыслъ съ „самоосуществленіемъ“). Какимъ образомъ историкъ, хотя сколько-нибудь вѣрящій въ человѣчество, т.-е. въ неразрывную связь между индивидомъ и обществомъ, могъ бы сомнѣваться въ томъ, что улучшеніе есть конечный исходъ общественнаго движенія, коллективный результатъ противоположныхъ теченій среди человѣческихъ группъ? Онъ ясно видитъ, какъ эти группы растутъ и какъ организація возникаетъ мало-по-малу изъ безпорядка, племя изъ клана, городъ изъ племени, нація изъ города. Какъ же можетъ онъ избѣгнуть мысли, что нормальная судьба націи заключается, въ свою очередь, въ образованіи цѣльнаго „человѣческаго рода“, огромнаго и единаго земного града? И эта интеграція не составляетъ ли, въ концѣ концовъ, самаго главнаго факта, явленія, господствующаго надъ всѣми остальными историческими явленіями? Историкъ, такимъ образомъ, склоняется къ предположенію, что отъ рѣшенія политической проблемы зависятъ рѣшенія всѣхъ другихъ проблемъ и что совершенствованіе человѣка, тѣсно связанное съ прогрессомъ общества, является фактомъ, если не вполнѣ достовѣрнымъ, то, по меньшей мѣрѣ, столь же вѣроятнымъ, какъ все болѣе и болѣе полное выявленіе общественной сущности.

Подобно волнѣ, которая, повинуясь напору вѣтра, движется въ опредѣленномъ направленіи, несмотря на то, что она состоитъ сама изъ безконечнаго числа мел-

кихъ колебаній въ разныя стороны, и общество могло бы, мало-по-малу, выявить истинную сущность человѣчества, слагая противоположныя силы, имъ движущія, и придать такимъ образомъ его эволюціи форму или обликъ абсолютнаго прогресса.

Такихъ схемъ можно было бы построить множество, но въ каждой изъ нихъ не трудно было бы раскрыть тотъ-же ходъ разсужденія, основной оптимизмъ ложнаго заключенія Post hoc, ergo melius hoc. Въ какія бы научныя формулы онѣ ни облекались, теоріи прогресса суть простыя исповѣданія вѣры. Вѣра, къ которой онѣ взываютъ, является, можетъ-быть, самою глубокою и наиболѣе распространенною, ибо она есть, въ сущности, лишь вѣра въ себя. Она, тѣмъ не менѣе, остается вѣрой, т.-е. сужденіемъ, подсказаннымъ чувствомъ гораздо болѣе, чѣмъ яснымъ взоромъ, брошеннымъ разумомъ на вещи.

Перев. С. Зоринъ.

Е. В. де-Роберти.

По поводу теоріи Вебера о ритмѣ прогресса.

Въ помѣщенной въ настоящемъ сборникѣ работѣ Вебера, рядомъ съ большими достоинствами, можно отыскать, какъ намъ кажется, и крупные недостатки. Въ заслугу автора мы ставимъ, главнымъ образомъ, его отрицательное отношеніе къ закону трехъ состояній Ог. Конта, „до сихъ поръ еще господствующему въ современной соціологіи", несмотря на свой глубоко эмпирическій характеръ (а, можетъ-быть, и благодаря этому обстоятельству). Обобщеніе Конта, тая въ себѣ непримиримое внутреннее противорѣчіе (качество нашихъ знаній всецѣло зависитъ отъ качества нашихъ міропониманій, что не мѣшаетъ прогрессу науки обусловливать собою прогрессъ философіи), не подтверждается и болѣе тщательнымъ, не брезгающимъ мелкими подробностями анализомъ историческихъ событій. Другою заслугою автора мы считаемъ признаніе имъ законности телеологическаго метода въ области обществовѣдѣнія — и только въ этой области.

Переходимъ къ недостаткамъ. Веберъ дѣлитъ всю умственную работу человѣчества на двѣ части: на работу, къ которой человѣкъ побуждается соприкосновеніемъ съ внѣшнимъ міромъ и которая, поэтому, и направлена исключительно на внѣшній міръ; и на работу, къ которой человѣкъ побуждается соприкосновеніемъ съ себѣ подобными существами, съ обществомъ и которая, поэтому, и направлена на общество и на внутренній міръ идей и чувствъ, возникающій въ его душѣ при помощи общества. Въ работѣ перваго рода человѣкъ проявляетъ себя какъ homo faber, какъ творецъ орудій

и техникъ по преимуществу, въ работѣ второго рода—какъ Ζῳόν πολίτικόν, какъ существо общественное или нравственное. Во всемъ этомъ нѣтъ, конечно, ничего новаго и все это допустимо; но бѣда въ томъ, что Веберъ между этими двумя сторонами человѣческой дѣятельности не просто проводитъ условную границу, какихъ имѣется такъ много въ любой наукѣ, а роетъ почти непроходимую пропасть. Для него совсѣмъ не ясно, что „общественное и нравственное" существо есть лишь необходимое продолженіе существа, изобрѣтающаго орудія и покоряющаго внѣшнюю природу, что отношеніе между ними есть отношеніе слѣдствія къ причинѣ, что homo faber и Ζῳόν πολίτικόν, техникъ и моралистъ (или еще философъ и художникъ) суть даже не столько разновидности одного genus 'а, давно извѣстнаго подъ именемъ homo sapiens (статическая точка зрѣнія), сколько представители двухъ фазъ развитія (быстро слѣдующихъ другъ за другомъ въ отдѣльной личности и гораздо медленнѣе въ цѣлыхъ обществахъ), чрезъ которыя непзбѣжно проходитъ и каждый экземпляръ homo sapiens и цѣлыя группы ихъ или общество (динамическая точка зрѣнія).

Веберъ при этомъ прибѣгаетъ къ совершенно произвольной, не оправдываемой ни фактами, ни чистымъ умозрѣніемъ гипотезѣ, будто бы та сторона человѣческаго духа, которая направляется на внѣшній міръ, кореннымъ образомъ отличается отъ тоїї стороны его, которая имѣетъ своимъ объектомъ общественныя отношенія и обусловливаемый ими міръ внутреннихъ переживаній нашихъ. Вторая сторона духа, признаетъ онъ, есть всецѣло продуктъ общественности, а первая составляетъ прирожденное свойство человѣка, болѣе первобытное и основное, чѣмъ сама общественность. Въ отношеніи къ одной части раскалываемаго имъ пополамъ духа. Веберъ,

такимъ образомъ, опредѣленно становится на точку зрѣнія нео-позитивной соціологіи и психологіи, а въ отношеніи къ другой части остается вѣренъ завѣтамъ глубокой старины, только слегка подновленнымъ модными теченіями современной мысли: прагматизмомъ какого-нибудь Джемса или интуитивной философіей какого-нибудь Бергсона.

Можно сказать, что въ глазахъ Вебера все двоится: и міръ, какъ цѣлое (внѣшняя природа и общество), и духъ человѣка, и знанія его, и приложеніе ихъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей, или техника; а этими ошибочными, на нашъ взглядъ, предпосылками опредѣляется и ошибочность того общаго соціологическаго закона, который авторъ выводитъ изъ нихъ и которымъ онъ предлагаетъ замѣнить трехчленную формулу Конта. Упрекая послѣднюю—и совершенно справедливо—въ эмпиризмѣ и въ томъ, что она является результатомъ поверхностнаго анализа, Веберъ не замѣчаетъ, что его двухъ-тактный или двухъ-фазный законъ развитія страдаетъ тѣми же недостатками, но возведенными, по меньшей мѣрѣ, въ квадратъ. Здѣсь уже не можетъ быть рѣчи о поверхностномъ анализѣ, а развѣ только о поверхностномъ наблюденіи. Утверждая, что развитіе человѣчества совершалось и впредь будетъ совершаться путемъ постоянной правильной смѣны двухъ умственныхъ состояній, изъ которыхъ въ первомъ почти исключительно преобладаетъ техническая мысль, направленная на использованіе физическаго міра и обогащающая человѣчество соотвѣтствующими полезными изобрѣтеніями, а во второмъ эта мысль, какъ бы уставши, отдыхаетъ и даетъ возможность проявиться мысли созерцательной, составляющей продуктъ общественности и направленной на внутренній духовный міръ (нравственность, общественныя отношенія, философія, искусство), Веберъ ссы-

лается, разумѣется, на свидѣтельство исторіи. Но послѣдняя, очевидно, нисколько неповинна въ своеобразныхъ толкованіяхъ, которыя онъ даетъ историческимъ событіямъ. Такъ, культуры древняго Востока и Египта онъ считаетъ періодомъ техническимъ, за которымъ слѣдовалъ, въ греко-римской цивилизаціи, періодъ созерцательный (когда, такъ сказать, уснула техническая изобрѣтательность и проснулись общественная совѣсть и мысль религіозно-философская), періодъ очень продолжительный, захватившій собою не только всѣ средніе вѣка, но и эпоху Возрожденія, и лишь къ концу 18-го столѣтія снова смѣнившійся періодомъ глубоко техническимъ, въ которомъ мы теперь и живемъ.

Произвольность этой схемы бросается въ глаза. Но еще болѣе поражаетъ ея непродуманность, ея теоретическая необоснованность. Не говоримъ уже о странности раздѣленія единаго, по существу своему, человѣческаго знанія, на двѣ разноцѣнныя и разнородныя, даже по происхожденію, половины, изъ которыхъ одна (науки неорганическаго и органическаго міра и неразрывная съ ними промышленная техника) ведетъ свое начало отъ индивидуальнаго, не подвергшагося воздѣйствію общества ума, а другая (науки нравственныя и политическія и тѣсно примыкающія къ нимъ религіозныя вѣрованія и философскія построенія) имѣетъ своимъ источникомъ уже „обобществленный“, такъ сказать, или ставшій коллективнымъ умъ человѣка. Здѣсь Веберъ только возвращаетъ насъ къ принципіально уже сданному въ архивъ дѣленію наукъ на „объяснительныя“ и „нормативныя“. Ему, повидимому, не ясно, что „нормативность“ только фазисъ—и притомъ самый ранній—въ развитіи всѣхъ отраслей знанія, фазисъ, который давно пройденъ наиболѣе зрѣлыми объяснительными науками и изъ котораго, на нашихъ глазахъ, пыта-

ются выйти науки общественныя. Но что сказать о взглядахъ его на технику, какъ на нѣчто предшествующее всякому сколько-нибудь теоретическому знанію и служащее главнымъ источникомъ, непосредственной причиной всѣхъ его успѣховъ? Рѣчь идетъ, конечно, о промышленной техникѣ и о такъ называемыхъ естественныхъ наукахъ, ибо обществознаніе только стремится сдѣлаться наукою, а потому и не могло выработать соотвѣтствующей техники, которую здѣсь замѣняютъ голый эмпиризмъ и рутина.

Очевидно, что, какъ у всякаго добраго прагматика, и у Вебера терминъ „техника“ служитъ для обозначенія той первоначальной смѣси научной или аналитической мысли съ мыслью практической или телеологической, которую Эрнстъ Махъ въ своей книгѣ: „Erkenntniss und Irrthum“ правильно характеризуетъ какъ мысль „вульгарную или обывательскую“. Но Махъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что научная мысль мало-по-малу выдѣляется изъ этой смѣси и, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, подчиняетъ себѣ мысль практическую, начинаетъ повелѣвать ею; и такимъ-то образомъ впервые зарождается, во всякой культурной средѣ, мысль техническая. Послѣдняя есть не что иное, какъ мысль практическая, покоренная мыслью научною и всецѣло подчинившаяся ей. О какомъ-либо предшествованіи техникою мысли научной или о какой-либо гегемоніи техники надъ наукой не можетъ быть и рѣчи. Но поверхностные наблюдатели, къ числу которыхъ, къ сожалѣнію, мы должны причислить въ данномъ вопросѣ и Вебера, въ этомъ постоянномъ симптомѣ или неизмѣнномъ признакѣ цивилизаціи, въ техникѣ, видятъ не слѣдствіе культуры, какъ бы слѣдовало, а причину ея,—пріемъ, довольно обычный у всѣхъ чистыхъ эмпириковъ и приводящій, на практикѣ, къ самымъ печальнымъ результатамъ (напримѣръ, къ симптоматиче-

скому лѣченію болѣзней или къ законодательству и политикѣ, борющимся съ вѣтряными мельницами отдаленныхъ слѣдствій неизвѣстныхъ или плохо изслѣдованныхъ причинъ).

Безчисленныя чудеса промышленной техники дѣйствуютъ чарующимъ образомъ на толпу, чѣмъ и объясняется ея склонность къ прагматическимъ толкованіямъ во всѣхъ областяхъ мысли. Но соціологъ долженъ стараться освободиться отъ такого гипноза. И простое средство къ этому у него подъ рукою. Стоитъ ему внимательно изучить тотъ строгій и неуклонный порядокъ, въ которомъ слѣдовали другъ за другомъ поражающія толпу явленія, и онъ легко убѣдится, что чудеса химической техники начались лишь послѣ полнаго расцвѣта физической техники, и что чудеса біологической техники, первыми свидѣтелями которыхъ явились современныя поколѣнія, всѣ вытекаютъ, какъ слѣдствіе изъ причины, изъ успѣховъ химіи и ея техники. Онъ убѣдится и въ томъ, что теперь очередь за соціологіей и соціологической техникой, въ будущихъ чудодѣйственныхъ свойствахъ которой могутъ сомнѣваться только тѣ, кто отрицаетъ закономѣрность общественныхъ явленій и научный характеръ соціологіи. Но о соціологической техникѣ и о великомъ значеніи ея для личнаго и коллективнаго счастья людей мы намѣрены поговорить съ нашими читателями въ другой разъ, въ особомъ сборникѣ, посвященномъ этому вопросу.

Фердинандъ Бюиссонъ.
Къ вопросу о политическомъ прогрессѣ [1]).

Настоящая замѣтка не является докладомъ, который могъ бы служить общимъ или руководящимъ введеніемъ при обсужденіи вопроса о политическомъ прогрессѣ. Ее едва даже можно считать краткимъ наброскомъ основныхъ положеній такого введенія. Это скорѣе—рядъ методически-поставленныхъ и кратко мотивированныхъ тезисовъ по занимающему насъ предмету.

I.

Идея прогресса есть отвлеченная точка зрѣнія, съ которой соціологія можетъ разсматривать различныя фазы развитія обществъ во времени и пространствѣ съ цѣлью сравненія этихъ фазъ между собой.

Идея политическаго прогресса есть соціальное приложеніе идеи прогресса къ политическимъ учрежденіямъ, взятымъ независимо отъ другихъ сторонъ общественной жизни.

---

[1]) Извѣстный французскій публицистъ и политическій дѣятель Фердинандъ Бюиссонъ формулируетъ здѣсь главнѣйшія требованія, предъявляемыя къ политическому прогрессу современными демократическими партіями въ Европѣ. Съ этой точки зрѣнія, краткая замѣтка его (въ т. XIV Annales de l'Institut international de Sociologie, Paris, Giard et Brière, 1913) представляетъ извѣстный интересъ и для соціолога, но, разумѣется, только для соціолога-эмпирика. За предѣлы эмпирическаго или относительнаго обществознанія ни данныя, приводимыя авторомъ, ни его предположенія насъ пока еще вывести не могутъ.

Прим. редакціи.

II.

Политическій прогрессъ измѣряется ростомъ значенія соціальнаго организма въ политическомъ строѣ.

Значеніе соціальнаго организма зависитъ: прежде всего отъ его собственной силы, затѣмъ отъ степени взаимнаго приспособленія двухъ его факторовъ: индивида и коллектива. Ни тотъ, ни другой въ отдѣльности не являются цѣлью для себя: цѣнность индивида зависитъ въ огромной степени отъ приспособленія его къ потребностямъ коллектива, а цѣнность послѣдняго— отъ приспособленія его къ потребностямъ индивида.

Въ общемъ политическій прогрессъ данъ только тамъ, гдѣ индивидъ и коллективъ возможно лучше выполняютъ свои функціи, вслѣдствіе чего и общество можетъ болѣе полно осуществлять свои политическія задачи.

III.

Условія политическаго прогресса по отношенію къ индивиду.

1. Съ точки зрѣнія индивида, существенное условіе политическаго прогресса состоитъ въ томъ, чтобы общество обезпечило каждой человѣческой личности наибольшее число шансовъ достигнуть возможно большаго развитія.

2. Общество, которое желаетъ пріобщить всѣхъ своихъ членовъ къ политической жизни націи, должно сдѣлать изъ организованнаго коллектива источникъ всякой общественной власти, иначе говоря, оно должно провозгласить суверенитетъ народа.

3. Общество, которое предоставляетъ въ какой-нибудь формѣ всю полноту или часть политическихъ правъ одной группѣ привилегированныхъ гражданъ, общество, которое признаніемъ божественнаго права

оправдываетъ личную власть, стоящую выше закона, вводитъ въ свой политическій строй постоянную причину борьбы и столкновеній, которыя могутъ прекратиться лишь одновременно съ уничтоженіемъ указанныхъ привилегій.

4. Слѣдовательно, всякому обществу, которое не желаетъ вовсе обойтись безъ нѣкоторой части условій, дѣлающихъ возможнымъ политическій прогрессъ, необходимо положить въ основу своей представительной системы, по меньшей мѣрѣ, какъ обязательную конституціонную фикцію, полное равенство политическихъ правъ всѣхъ своихъ членовъ, т.-е. ввести и организовать всеобщее избирательное право.

5. Далѣе обществу нужно, какъ неизбѣжное условіе дѣйствительнаго осуществленія всеобщаго избирательнаго права, создать и поддерживать такую систему народнаго воспитанія и образованія, которая гарантировала бы всѣмъ безъ исключенія дѣтямъ минимумъ знаній, необходимыхъ каждому человѣку.

6. Наконецъ, общество должно обезпечить всѣмъ дѣтямъ, соотвѣтственно способностямъ каждаго, равный и легкій доступъ къ различнымъ формамъ полнаго просвѣщенія, (средняго и высшаго образованія) такъ, чтобы имущественная состоятельность родителей не могла и въ слѣдующемъ поколѣніи продлить искусственный отборъ въ пользу зажиточныхъ семействъ и во вредъ націи, лишаемой, благодаря этому, громадной доли духовныхъ богатствъ, заложенныхъ въ ней природой.

IV.

Условія политическаго прогресса по отношенію къ коллективу.

1. Одновременно съ тѣмъ и благодаря тому, что свободнымъ и уравненнымъ въ правахъ индивидамъ обезпечивается максимумъ шансовъ для нормальнаго

развитія, общество своимъ устройствомъ и законами обезпечиваетъ и себѣ организацію, наиболѣе благопріятную для политическаго прогресса.

2. Прогрессъ въ устройствѣ общества будетъ выражаться:

а) переходомъ отъ абсолютной монархіи къ конституціонной и отъ нея къ демократической республикѣ.

б) раздѣленіемъ властей: законодательной, исполнительной и судебной, такъ, чтобы каждая изъ нихъ въ своей области имѣла необходимую автономію и свободу дѣйствій и была отвѣтственна передъ народомъ.

в) отдѣленіемъ церквей отъ государства, — дѣлающимъ гражданское общество независимымъ отъ религіознаго и гарантирующимъ послѣднему полную духовную свободу безъ иного ограниченія внѣшняго культа, кромѣ требованія подчиненія законамъ и уваженія къ народному суверенитету.

3. Прогрессъ въ законахъ, касающихся общественныхъ властей, будетъ выражаться:

а) постепеннымъ совершенствованіемъ представительнаго строя и парламентскихъ учрежденій, въ особенности же гарантіями независимости выборныхъ лицъ и недопущеніемъ ихъ къ вмѣшательству въ какую-нибудь другую область политической жизни, кромѣ законодательной.

б) Послѣдовательнымъ возрастаніемъ избирательной точности и справедливости въ механизмѣ всеобщаго голосованія: замѣна пропорціональнымъ представительствомъ—представительства большинства; принятіе мѣръ въ видахъ дѣйствительной гарантіи свободы и искренности голосованія; строгое пресѣченіе всякихъ попытокъ избирательнаго подкупа; обязательность голосованія; признаніе за женщинами политическихъ и гражданскихъ правъ, въ особенности избирательнаго права и права быть выбранными въ любое званіе и должность на одинаковыхъ съ мужчинами условіяхъ.

V.

Условія политическаго прогресса, касающіяся согласованія дѣятельности индивида съ дѣятельностью коллектива.

1. Въ виду того, что нѣтъ абсолютныхъ правъ ни у индивида, ни у коллектива, что права перваго имѣютъ своей границей права второго и наоборотъ, и что всякое право такимъ образомъ неотдѣлимо отъ соотвѣтственной обязанности,—политическій прогрессъ не можетъ осуществиться, если надъ индивидуальнымъ и коллективнымъ факторами не будетъ стоять особой системы силъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ, въ случаѣ конфликта между обществомъ и индивидомъ, обезпечить конечное торжество идеи справедливости, т.-е. той идеи, которая всегда являлась руководящимъ началомъ демократической эволюціи, потому что „демократія не имѣетъ иной цѣли, кромѣ осуществленія идеальнаго общества“ (Фулье).

2. Среди народа, который въ достаточной степени на практикѣ освоился съ демократическими порядками, сила убѣжденія, воздѣйствіе нравовъ и обычаевъ, свобода союзовъ и въ особенности сила общественнаго мнѣнія настолько велики, что служатъ источникомъ особаго рода уравновѣшивающей власти, которая присоединяется къ закону, предваряя его или исправляя, и содѣйствуетъ такимъ образомъ полному согласованію интересовъ индивида съ интересами коллектива, или согласованію „правъ человѣка“ съ суверенитетомъ народа.

3. Но для того, чтобы это согласіе сдѣлалось правильнымъ и постояннымъ, необходимо предусмотрѣть, въ числѣ другихъ условій, необходимость которыхъ отчасти уже всѣми признана, еще и слѣдующія требованія:

а) Учрежденіе верховнаго суда, задачей котораго было бы противодѣйствіе всякому злоупотребленію со стороны публичныхъ властей.

б) Установленіе народнаго референдума, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ давать окончательную санкцію законамъ, принятымъ палатами.

в) Учрежденіе корпоративныхъ собраній, облеченныхъ извѣстными полномочіями для представительства и защиты экономическихъ и профессіональныхъ интересовъ, — полномочіями, которыя должны быть согласованы съ высшими правами публичныхъ властей.

г) Новое пониманіе самаго существа политическихъ партій, которое должно отвести имъ иную роль, чѣмъ роль простой организаціи избирательныхъ „кампаній“, которую онѣ играютъ въ настоящее время.

д) Наконецъ, послѣднее требованіе, которое можетъ быть предъявлено къ политическому прогрессу, осуществляется благодаря развитію учрежденій международнаго арбитража (вродѣ тѣхъ, что уже существуютъ въ Гаагѣ) и благодаря разработкѣ международнаго кодекса, простирающаго свое дѣйствіе на всѣ случаи, которые уже теперь вызываютъ или впослѣдствіи могутъ вызвать необходимость однообразнаго и всеобщаго законодательства.

Перев. Н. Кондратьевъ.

Л. Мануврiэ.

Умственный прогрессъ съ антропологической точки зрѣнія [1]).

„Антропологическій прогрессъ“ въ широкомъ смыслѣ слова заключаетъ въ себѣ понятіе какъ о біологическомъ, такъ и о соціологическомъ прогрессѣ человѣчества.

Но мы здѣсь ограничимся разсмотрѣніемъ лишь первой, біологической стороны антропологической задачи и только укажемъ на тѣсную связь ея съ соціологической стороной той же проблемы. Ибо, хотя общества и состоятъ изъ людей, но они являются организмами, имѣющими иное строеніе, чѣмъ человѣческіе организмы. Они представляютъ изъ себя спеціальныя явленія, которыя присоединяются къ явленіямъ біопсихологическимъ, подобно тому, какъ эти послѣднія присоединяются къ явленіямъ физико-химическимъ.

Въ соціологическомъ прогрессѣ принимаютъ участіе всѣ человѣческія свойства въ самомъ широкомъ смыслѣ

[1]) Annales de l'Institut international de Sociologie томъ XIV, 1913 г. стр. 77—99. — Антропологія въ настоящее время является почти исключительно біологической дисциплиной. Это пока- простой, хотя и очень важный отдѣлъ существенно описательной науки, общей зоологіи. Ограничиваясь изученіемъ одной біологической природы человѣка и не занимаясь его общественной природой (касаясь ея только мимоходомъ, насколько это нужно для оправданія аристотелевскаго опредѣленія человѣка, какъ животнаго общественнаго, Ζῷόν πολίτικόν), соверменная антропологія еще очень далека отъ того болѣе совершеннаго типа научнаго знанія, уже не чисто описательнаго, а конкретнаго, къ которому ее могутъ приблизить лишь развитіе и значительные успѣхи отвлеченной соціологіи.

Примѣч. редакціи.

слова; но этотъ прогрессъ, являющійся прогрессомъ учрежденій, наукъ и искусствъ, состоитъ изъ послѣдовательныхъ измѣненій, изъ усовершенствованій, сдѣланныхъ длиннымъ рядомъ поколѣній; онъ имѣетъ своимъ источникомъ упорный трудъ и результаты его, накопленные, при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, какъ въ прежнее время, такъ и теперь; и потому возможно представить себѣ достиженіе весьма значительнаго соціологическаго прогресса совершенно независимо отъ какого-либо чисто антропологическаго измѣненія.

Наука, искусство могли подняться на очень высокую ступень безъ того, чтобы мозгъ живущихъ въ извѣстный моментъ ученыхъ и художниковъ, въ которомъ нѣкоторымъ образомъ какъ бы обитаетъ такая усовершенствованная наука или такое усовершенствованное искусство, былъ превосходнѣе мозга ученыхъ и художниковъ предшествовавшей эпохи; и наша современная наука будетъ имѣть возможность прогрессировать посредствомъ простого продолженія мозговой работы, одинаковой по качеству съ той, при помощи которой были достигнуты предшествовавшіе успѣхи. Дѣйствительно, всякій успѣхъ, будь то въ области умноженія знаній или въ области ихъ систематизаціи, облегчаетъ какъ пріобрѣтеніе новыхъ знаній, такъ и совершенствованіе научныхъ теорій.

Благодаря послѣднему, чисто классификаціонному прогрессу, число фактовъ, которыми долженъ обладать ученый изслѣдователь, не отягощаетъ его памяти, а увеличеніе числа извѣстныхъ фактовъ только умножаетъ точки соприкосновенія между умомъ изслѣдователя и изслѣдуемымъ предметомъ. Поле изслѣдованія всегда, впрочемъ, очень ограничено въ каждый данный моментъ, а широта умственнаго кругозора наблюдателя зависитъ гораздо больше отъ общихъ идей, кото-

рыми онъ обладаетъ, чѣмъ отъ числа частныхъ фактовъ, имѣющихся въ его распоряженіи.

Если къ этому прибавить, что число изслѣдователей можетъ сильно возрасти, — какъ оно уже и есть, что является прогрессомъ соціологическимъ,— то легко понять, что прогрессъ наукъ и искусствъ могъ быть громаденъ и безъ сколько-нибудь замѣтнаго измѣненія въ физіологической цѣнности людей.

Непрерывное улучшеніе методовъ, пріемовъ и способовъ обученія и изслѣдованія, а также средствъ и техники производства побуждаетъ насъ къ извѣстной скромности въ оцѣнкѣ дѣйствительнаго превосходства людей, работающихъ нынѣ, по сравненію съ тѣми, которые работали когда-то съ помощью крайне несовершенныхъ и первобытныхъ орудій и пріемовъ. Но изъ превосходства въ знаніяхъ современныхъ философовъ, математиковъ, физиковъ и натуралистовъ мы не можемъ заключать объ ихъ большей мозговой одаренности сравнительно съ Платонами, Аристотелями, Архимедами или Пиѳагорами.

Великіе люди древней Греціи не явились какъ результатъ самопроизвольнаго зарожденія. Они, подобно нашимъ великимъ людямъ, имѣли темныхъ, невѣжественныхъ предковъ, а поколѣнія, которыя непосредственно имъ предшествовали, не были сами плохо одарены, разъ они могли создать такой рядъ образцовыхъ людей въ такой небольшой странѣ и въ такой короткій промежутокъ времени. Условія времени и мѣста и различныя другія обстоятельства были, очевидно, благопріятны для подобнаго расцвѣта.

О внутренней цѣнности предковъ мы можемъ судить лишь по цѣнности ихъ потомства; а послѣдняя показываетъ, что родовые корни были хороши. Они уже были таковыми прежде, чѣмъ это могло быть доказано; и, конечно, въ отсутствіи благопріятныхъ обстоятельствъ,

само доказательство это не могло бы послѣдовать. Такъ и теперь мы видимъ, какъ извѣстные культурные центры выдвигаютъ личностей, которыя при отсутствіи этихъ внѣшнихъ условій, прозябали бы, какъ ихъ предки, въ далекихъ углахъ глухой провинціи.

Когда на живыхъ примѣрахъ наблюдаешь утонченность чувствъ и изобрѣтательность иныхъ крестьянъ и умственную ограниченность, чтобы не сказать тупость, болѣе вліятельныхъ личностей, или, съ другой стороны ничтожность обстоятельствъ, во многихъ случаяхъ сдѣлавшихъ возможнымъ плодотворное развитіе выдающагося ума, то начинаешь понимать невозможность произвести сравнительную оцѣнку, съ физіологической точки зрѣнія умственныхъ способностей у различныхъ народовъ или у одного и того же народа въ различныя эпохи его существованія; или даже у отдѣльныхъ личностей, работавшихъ въ неравныхъ условіяхъ, въ различныя эпохи и въ различныхъ направленіяхъ.

Оцѣнка, основанная на очень рѣзкомъ анатомическомъ несходствѣ, на достаточно ясномъ физіологическомъ признакѣ, казалось, должна была бы быть болѣе пригодной. Объемъ мозга и его общая форма, точно опредѣляемая кубической вмѣстимостью и очертаніями черепа, являются двумя анатомическими показателями, которыми можно было бы воспользоваться для этой цѣли, подъ условіямъ, конечно, правильнаго истолкованія ихъ. Такъ, напримѣръ, позволительно не сомнѣваться въ мозговой отсталости нѣкоторыхъ дикихъ народовъ нашего времени и расы, которая жила въ Европѣ въ четвертичную эпоху, а также, a fortiori, плейстоценовой расы Питекантропа. Черепа Неандерталя, Спи, Шапель-о-Сенъ, Кины, Крапины и т. д., когда ихъ сравниваютъ съ черепами современныхъ европейцевъ, свидѣтельствуютъ о прогрессивной эволюціи человѣческаго мозга съ тѣхъ отдаленныхъ временъ (поскольку

нельзя сомнѣваться въ связи, по крайней мѣрѣ, вѣроятной и всѣми признаваемой, которая существуетъ между этой ископаемой расой и человѣкомъ нашего времени).

Но, что касается вопроса о развитіи мозга со времени неолитической эпохи, болѣе поздней, то документы и данныя хронологіи, несмотря на ихъ относительное обиліе, все же недостаточны для доказательства этого прогресса. Я имѣлъ возможность изучить нѣкоторые неолитическіе черепа, морфологически стоящіе гораздо выше, чѣмъ черепа большей части современныхъ парижанъ. Что касается среднихъ величинъ, полученныхъ изъ многихъ рядовъ неолитическихъ череповъ, то изъ ихъ сравненія съ современными черепами нельзя вывести никакого достовѣрнаго заключенія по занимающему насъ вопросу, такъ какъ незначительность разницы заставляетъ здѣсь принимать въ разсчетъ условія измѣнчивыя и по большей части неизвѣстныя, при которыхъ были собраны въ могилахъ изучаемые черепа, подвергавшіеся дѣйствію разрушительныхъ причинъ post mortem. Что же касается сравненія череповъ галльской эпохи, эпохи Меровинговъ и т. д. съ черепами нашего времени, то оно, по тѣмъ же самымъ причинамъ, также не можетъ привести къ какому-нибудь положительному заключенію относительно существованія или несуществованія мозгового прогресса, начиная съ нашей „прото-исторической“ эпохи.

Гюставъ Лебонъ [1]) думаетъ, что при сравненіяхъ такого рода нужно обращать вниманіе не на среднія величины вмѣстимости череповъ, но, скорѣе, на число череповъ съ наибольшей вмѣстимостью въ каждомъ изучаемомъ рядѣ, число, которое, какъ онъ полагалъ,

[1]) G. Lebon: Recherches anatomiques et mathématiques sur les lois des variations du volume du cerveau (Revue d'Anthropologie, 1879).

оказывается относительно выше въ рядахъ парижскихъ и вообще современныхъ череповъ. Но эта мысль основана на теоретическихъ и техническихъ ошибкахъ, какъ я это вскорѣ и показалъ [1]).

Часто ссылались и долго еще не перестанутъ ссылаться въ вопросѣ о различіяхъ въ развитіи мозга на открытіе Брока, состоящее въ томъ, что вмѣстимость парижскаго черепа, повидимому, возросла съ XII вѣка до XIX. Но, еслибы эта небольшая разница, замѣченная Брока, была даже и гораздо значительнѣе, то и тогда нельзя было бы сдѣлать изъ нея какого-либо заключенія по вопросу объ умственномъ развитіи; дѣйствительно, рядъ череповъ XII-го вѣка былъ добытъ изъ могилъ, въ которыхъ были похоронены буржуа, жившіе въ центральной части Парижа, тогда какъ сравнивавшійся съ ними рядъ новѣйшихъ череповъ былъ добытъ изъ общей могилы одного недавно заложеннаго кладбища. Черепа городскихъ жителей представляли продуктъ соціальнаго подбора и превосходство ихъ устройства столь же ярко повторяется и теперь при сравненіи череповъ буржуазіи съ черепами бѣднѣйшихъ классовъ населенія.

Этотъ способъ изслѣдованія не привелъ, однако, до сихъ поръ къ положительнымъ результатамъ, хотя онъ и можетъ считаться достовѣрнымъ въ дѣлѣ сравненія расъ настоящаго времени съ расами ископаемыми.

Но все это относится къ умственному прогрессу, понимаемому въ смыслѣ физіологическомъ; и этотъ прогрессъ не слѣдуетъ смѣшивать, повторяемъ, ни съ прогрессомъ знаній, ни съ ихъ болѣе широкимъ распространеніемъ.

Тѣмъ не менѣе, позволительно разсматривать и этотъ прогрессъ и это распространеніе, какъ условія,

[1]) L. Manouvrier, Sur l'interprétation de la quantité dans l'encéphale (Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris 2-я série, т. III, 1881, см. стр. 216 до 239).

благопріятныя для мозгового прогресса; ибо размноженіе отношеній между мозгомъ и внѣшнимъ міромъ и обусловливаемое имъ возрастаніе числа и сложности внутреннихъ отношеній, соотвѣтствующихъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ—къ чему, по мнѣнію Спенсера, и сводится всякое увеличеніе умственныхъ способностей,—все это, повидимому, можетъ быть разсматриваемо, какъ причина физіологическаго прогресса въ строгомъ смыслѣ слова, а, слѣдовательно, и прогресса мозгового.

Распространеніе знаній и усиленіе умственной работы во все болѣе и болѣе увеличивающейся части человѣчества составляютъ такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ, одно изъ условій мозгового прогресса.

Но не нужно скрывать отъ себя того, что распространеніе знаній при поверхностномъ образованіи очень часто влечетъ за собой простое перемѣщеніе умственной работы, безъ дѣйствительнаго ея увеличенія, а скорѣе съ нѣкоторой утратой полезной части ея. Умственный трудъ крестьянина, состоящій въ томъ, чтобы наблюдать окружающую его среду, обдумывать факты, такъ сказать, осязаемые, принимать рѣшенія, цѣнность которыхъ опредѣляется собственнымъ его опытомъ,—этотъ трудъ является умственнымъ въ такой же, если не въ большей степени, чѣмъ трудъ пріобрѣтенія чисто книжнаго образованія, часто безполезнаго и даже опаснаго, благодаря своей недостаточности или плохому качеству, или еще трудъ почерпанія готовыхъ мнѣній изъ газетъ, безъ всякой критики ихъ.

Умственный трудъ перваго рода, облегченный первоначальнымъ, но дѣйствительно существеннымъ образованіемъ и опирающійся на огромную область внѣшнихъ и непосредственно наблюдаемыхъ отношеній (благодаря легкости и быстротѣ передвиженій въ культурной средѣ)—такой трудъ болѣе благопріятствуетъ

мозговому физіологическому прогрессу, чѣмъ трудъ второго рода, напрасно признаваемый болѣе цѣннымъ и благороднымъ. Мозгъ работаетъ такъ же сильно въ первомъ случаѣ, какъ и во второмъ, но съ большей практической пользой и лучше сохраняя и даже совершенствуя себя и свои умственныя отправленія. Ибо задачи, возникающія въ относительно спокойной и однообразной жизни, какой является сельская жизнь, требуютъ всегда полнаго или цѣльнаго разрѣшенія. Онѣ настолько серьезны и разнообразны, что доставляютъ мозгу случаи упражнять во всѣхъ направленіяхъ свои элементарныя способности, тратя на это ту сумму усилій, которая необходима для ихъ возрастанія.

Дѣйствительно, деревенскія семейства, здоровыя и работоспособныя, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ боровшіяся съ трудными обстоятельствами жизни, образуютъ въ цивилизованныхъ странахъ настоящіе питомники, изъ которыхъ выходитъ множество людей, годныхъ на всякаго рода производительную дѣятельность и блестящимъ образомъ обнаруживающихъ въ ней умственныя способности, унаслѣдованныя ими отъ безконечнаго ряда предковъ—поселянъ.

Городской образъ жизни кажется, тѣмъ не менѣе, все еще болѣе благопріятнымъ для быстраго совершенствованія мозга, хотя бы только вслѣдствіе разнообразія профессій, тутъ встрѣчаемыхъ, и отношеній, тутъ завязывающихся:—обстоятельствъ, вызывающихъ болѣе сильную гимнастику мозга. Но большой городъ способенъ скорѣе выдвигать индивидуальности, чѣмъ медленно создавать талантливыя семейства, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ не мало причинъ обезсиленія и вырожденія личностей и разрушенія дарованій.

Прогрессъ наукъ и искусствъ, очевидно, связанъ съ существованіемъ центровъ спеціализированной культуры, образованіе которыхъ зависитъ отъ наличности

соотвѣтствующихъ экономическихъ и политическихъ условій.

Въ этихъ центрахъ, общее возбужденное состояніе которыхъ вліяетъ и на умы, вызывая ихъ на усиленный трудъ, элементарныя способности каждаго находятъ всѣ условія, необходимыя для широкаго развитія различныхъ видовъ образованія, воспитанія и упражненія, которыя создаютъ „виртуозовъ“ въ той или другой отрасли дѣятельности.

Культурные центры древности создали науку и искусство, и затѣмъ исчезли; и тогда страны, которыя когда-то порождали великихъ философовъ, ученыхъ и художниковъ, сдѣлались непроизводительными. Значитъ ли это, что жители этихъ странъ перестали вдругъ обладать способностями, которыя у ихъ предковъ дали такіе блестящіе результаты? Нисколько. Исчезъ комплексъ соціологическихъ условій, которыя выдвинули мозговыя способности извѣстнаго числа индивидуумовъ и придали имъ огромную цѣнность. Этотъ сложный и прихотливый комплексъ вновь образовался въ странахъ, которыя до тѣхъ поръ пользовались репутаціей „варварскихъ“; и въ нихъ, подъ вліяніемъ одинаковыхъ соціологическихъ условій, стали появляться такіе же производительные центры, гдѣ сыновья „варваровъ“ дѣлались, въ свою очередь, виртуозами и великими мастерами.

Нельзя удивляться этимъ фактамъ, ни приписывать ихъ неожиданному исчезновенію или появленію физіологическихъ способностей у того или иного народа, если принять во вниманіе, какое количество ученыхъ и художниковъ, вышедшихъ изъ неграмотныхъ семей рабочихъ или крестьянъ, обязаны были своимъ возвышеніемъ только счастливому стеченію обстоятельствъ, толкнувшихъ ихъ на другой путь, чѣмъ тотъ, на которомъ они вѣчно оставались бы простыми ремесленниками или сельскими рабочими.

Само собой понятно, что условія, благопріятныя для развитія и разнообразнаго примѣненія умственныхъ способностей, значительно умножились въ наше время, и нельзя также сомнѣваться въ томъ, что это вызвало извѣстное возрастаніе и самой суммы мозговыхъ способностей.

Отсюда, казалось бы, должно было бы произойти и усовершенствованіе расы въ культурныхъ странахъ; но благопріятствуетъ ли естественный подборъ въ такой же мѣрѣ, какъ соціальныій, семьямъ, наиболѣе одареннымъ въ мозговомъ отношеніи? И возрастаніе богатства не влечетъ ли за собой возрастанія потребностей и уклоненія отъ нормальнаго пользованія вещами? И не ведетъ ли все это въ конечномъ счетѣ къ исчезновенію наиболѣе даровитыхъ семей. Развѣ мы не видимъ, что потомство послѣднихъ уменьшается постоянно во всѣхъ странахъ, тогда какъ семьи, умственно ниже стоящія, быстро размножаются? Развѣ мы не видимъ, наконецъ, что наиболѣе цивилизованныя общества погибаютъ отъ избытка богатствъ, избытка, хотя и благопріятствующаго успѣхамъ наукъ и искусствъ, но являющагося, вслѣдствіе нравственнаго упадка, причиной ослабленія наилучше одаренныхъ націй и семей?

Науки и искусства, для своего процвѣтанія, требуютъ, очевидно, въ числѣ другихъ условій, полной безопасности и спокойствія производителей на всѣхъ поприщахъ. Высшая культура можетъ существовать только въ государствахъ, сравнительно богатыхъ и сильныхъ. Культурные центры прежде были настолько рѣдки, что паденія одного изъ нихъ было достаточно для исчезновенія всей совокупности достигнутыхъ человѣчествомъ цѣнныхъ результатовъ, отъ которыхъ въ наше время уцѣлѣли немногіе жалкіе остатки.

Высшее развитіе мозга обусловлено анатомическими и физіологическими свойствами, граничащими съ вы-

рожденіемъ, Nullum magnum ingenium sine quadam mixtura dementiae,—этотъ афоризмъ Аристотеля, слишкомъ категоричный по нашему мнѣнію, все же скрываетъ въ себѣ частицу истины, которую можно признать, не впадая въ заблужденія послѣдователей Ломброзо. Если предположить, что сущность геніальности состоитъ въ физіологическихъ качествахъ, достигшихъ той высокой степени, за предѣлами которой эти качества сопровождаются уже болѣзненными явленіями, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что высокая степень развитія мозга и его болѣзненное состояніе имѣютъ одну и ту же природу. На извѣстной ступени проявляется увеличеніе силъ и способностей, а за нею мы уже встрѣчаемъ безсиліе; это позволяетъ утверждать, что къ извѣстнымъ предѣламъ нельзя подходить, не подвергаясь опасности. Отсюда видно, что развитіе мозговыхъ способностей въ одной семьѣ не можетъ быть безконечнымъ и всегда рискуетъ превратиться въ вырожденіе. Не менѣе вѣрно и то, что вырожденіе совсѣмъ не носитъ неизбѣжнаго характера. Браки, разсматриваемые съ общественной точки зрѣнія,какъ неравные, могутъ быть очень удачными съ физіологической точки зрѣнія, а браки неравные съ физіологической точки зрѣнія могутъ въ концѣ концовъ хоть немного улучшить потомство супруга менѣе одареннаго.

Встрѣчающаяся очень часто въ наше время чрезмѣрная по отношенію къ женскимъ органамъ величина головы рождающагося ребенка даетъ поводъ предположить, что, начиная съ доисторической эпохи, произошло въ европейскихъ расахъ такое возрастаніе умственныхъ способностей, которое можетъ быть измѣрено указаннымъ сейчасъ несоотвѣтствіемъ между объемомъ головы и шириной женскаго таза.

Но можно также предположить, что чрезмѣрная величина головы встрѣчалась и въ неолитическій періодъ

и что уже въ эту эпоху, древность которой не особенно значительна, если сравнить ее съ эпохой ископаемаго человѣка, объемъ зародышеваго черепа достигалъ такъ же часто, какъ и въ наше время, объема, не соотвѣтствующаго размѣрамъ большинства материнскихъ тазовъ; такъ что теперь, черезъ десять тысячъ лѣтъ приблизительно, это несоотвѣтствіе уже сдѣлалось препятствіемъ на пути къ расовому усовершенствованію умственныхъ способностей.

Можетъ-быть, и женскій тазъ, въ теченіе столькихъ вѣковъ, достигъ наибольшей ширины, возможной при передвиженіи на двухъ ногахъ.

Ростъ умственныхъ способностей со времени четвертичной эпохи, эпохи неандертальскаго человѣка, человѣка Спи и т. д., не можетъ быть оспариваемъ. Что же касается до роста ихъ въ болѣе отдаленную эпоху, то онъ теоретически допустимъ. Но проявившись въ нѣкоторыхъ расахъ и у болѣе цивилизованныхъ народовъ, онъ, во всякомъ случаѣ, могъ быть лишь очень медленнымъ. Прогрессъ, совершившійся въ этомъ отношеніи въ теченіе сотни вѣковъ, ускользаетъ отъ нынѣшнихъ средствъ и пріемовъ научнаго изслѣдованія.

То же слѣдуетъ сказать и о другихъ проявленіяхъ прогресса. Если мы будемъ разсматривать, напримѣръ, увеличеніе роста, (что, впрочемъ, еще не является признакомъ прогресса), то намъ слѣдуетъ оставить всѣ способы оцѣнки, основанные на сравненіи оружія, военныхъ доспѣховъ и т. д., и ведущіе къ ничего не стоющимъ результатамъ, и заняться исключительно прямымъ сравненіемъ костей.

Въ диссертаціи на степень доктора одного изъ моихъ учениковъ, Ж. Рахона, можно найти результаты подробнаго сравненія многихъ сотней бедренныхъ, берцовыхъ, плечевыхъ и другихъ длинныхъ костей, от-

носящихся къ палеолитической и неолитической эпохамъ [1]). Для Франціи получается разница въ ростѣ въ два сантиметра, на которые современный французъ превосходитъ древняго. Но эта сравнительная малорослость доисторическаго человѣка вознаграждается легкимъ превосходствомъ его въ толщинѣ костей, такъ что, если принять въ разсчетъ различные элементы оцѣнки полученныхъ цифръ, то не остается никакой замѣтной разницы между ростомъ доисторическихъ жителей Франціи и современныхъ ея обитателей.

Что касается продолжительности жизни, то здѣсь мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, позволяющихъ говорить о существованіи или отсутствіи какихъ-либо измѣненій этой продолжительности со времени доисторической эпохи. Средняя продолжительность жизни возросла очень значительно въ теченіе одного послѣдняго столѣтія; но этотъ фактъ можно объяснить вполнѣ удовлетворительно значительнымъ уменьшеніемъ дѣтской смертности, происшедшимъ подъ вліяніемъ успѣховъ медицины и гигіены. Это вліяніе отразилось и на большомъ числѣ юношей, взрослыхъ и стариковъ; но ростъ городского населенія и промышленнаго труда явился значительнымъ препятствіемъ на пути того прогресса здоровья, который могъ бы осуществиться подъ вліяніемъ успѣховъ знанія и общественной нравственности.

Перев. П. Зепаловъ.

---

[1]) I. Rahon: Recherches sur les ossements anciens et préhistoriques en vue de la reconstitution de la taille (Mémoires de la societé d'Anthropologie de Paris, 2-e série т. IV, 1893).

П. Сорокинъ.

Обзоръ теорій и основныхъ проблемъ прогресса.

I.

Проблема прогресса представляетъ собою одну изъ наиболѣе сложныхъ, трудныхъ и неясныхъ научныхъ проблемъ. Принимая различныя названія въ теченіе исторіи—то проблемы добра, то проблемы идеала, то проблемы цѣнности, то проблемы счастья и т. д.—она уже давно привлекла къ себѣ вниманіе человѣческой мысли и давно уже стала предметомъ изслѣдованія. Утопіи и легенды древности, космогоническіе миѳы отсталыхъ народовъ, религіозныя и метафизическія построенія, системы морали и утопическія картины „золотого" вѣка, всѣ эти и подобныя „теоріи" являются въ значительной степени ничѣмъ инымъ, какъ своеобразными „формулами" прогресса, рисующими тотъ или иной идеалъ той или иной эпохи. Позже, когда дифференціація наукъ выявилась болѣе рѣзко—проблема прогресса не исчезла, а, наоборотъ, сдѣлалась предметомъ еще болѣе усерднаго изслѣдованія и научной разработки. Нѣтъ почти ни одного болѣе или менѣе крупнаго представителя любой соціальной дисциплины, который бы прямо или косвенно не касался этого вопроса, не ставилъ бы его и не пытался бы разрѣшить. Особенно посчастливилось этому понятію въ области соціологіи. Со времени Кондорсэ и О. Конта сдѣлалось своего рода правиломъ, чтобы каждый соціологъ давалъ свой отвѣтъ на вопросъ: что такое прогрессъ? Многія соціологическія доктрины почти исчерпываются теоріей прогресса.

Но не только въ сферѣ научнаго изслѣдованія соціальныхъ явленій посчастливилось термину прогресса; не менѣе популяренъ онъ и въ области обычной житейской практики. Кто только не говоритъ теперь о прогрессѣ и кто только не ссылается на прогрессъ! Государственный мужъ, посылающій на висѣлицу десятки людей, гражданинъ, протестующій противъ подобныхъ актовъ, защитникъ существующихъ устоевъ и революціонеръ, разрушающій ихъ,—всѣ они въ концѣ концовъ ссылаются на прогрессъ и оправдываютъ свои дѣйствія „требованіями и интересами прогресса". Каждый изъ нихъ даетъ свою „формулу" прогресса, и наряжаетъ его по своему собственному вкусу.

При такомъ положеніи дѣла не мудрено, что число „теорій" прогресса возросло до невѣроятности; не мудрено также, что въ понятіе прогресса вошло такъ много другихъ понятій и первое такъ тѣсно переплелось съ близкими ему понятіями добра, идеала, счастья, лучшаго, цѣнности и т. п.,—что въ концѣ концовъ терминъ прогресса потерялъ всякія сколько-нибудь точныя очертанія и сколько-нибудь опредѣленное содержаніе.

Въ виду этого обозрѣть хотя бы большинство теорій прогресса и изложить каждую изъ нихъ болѣе или менѣе подробно—нѣтъ никакой возможности не только въ небольшой статьѣ, но даже и въ серьезномъ трактатѣ, какъ это видно на примѣрѣ работъ Де-Грефа Ferron'a, Federici и др., а у насъ Н. И. Карѣева. Солидные томы указанныхъ авторовъ, посвященные спеціально исторіи идеи прогреса, далеки отъ исчерпывающаго изложенія всѣхъ теорій прогресса. То же приходится сказать и о недавней работѣ Delvaill'я (Essai sur l'histoire de l'idée de progrès. Paris, Alcan, 1910). Несмотря на ея объемъ въ 800 страницъ и не смотря на то, что исторія идеи прогресса въ этомъ томѣ до-

ведена лишь до конца XVIII вѣка, т.-е. до того времени, съ котораго другіе обычно начинаютъ исторію теорій прогресса,—трудъ Delvaill'я даетъ лишь наиболѣе общіе штрихи наиболѣе видныхъ теченій соціально-философской мысли, начиная съ библейскихъ преданій и философскихъ системъ Греціи и кончая Кондорсэ.

При такомъ положеніи дѣла мы и не ставимъ задачей данной статьи обзоръ всѣхъ или большинства теорій прогресса. Наша цѣль болѣе скромная: мы хотимъ лишь очертить наиболѣе типичные виды постановки и рѣшенія указанной проблемы; мы будемъ поэтому характеризовать не отдѣльныя теоріи, а цѣлыя теченія, и будемъ касаться лишь тѣхъ элементовъ понятія прогресса, которые являются существенными для этого концепта или, выражаясь языкомъ Зиммеля, служатъ его апріорными предпосылками.

Конечно, здѣсь не исключена возможность впасть въ субъективизмъ; однако, самъ вопросъ ставитъ рядъ условій, которыя въ значительной степени ограничиваютъ личные пристрастія и вкусы. Каковы же эти условія? Иначе говоря, каковы тѣ критеріи, на основаніи которыхъ мы должны одну конструкцію считать типичной, а другую не типичной, одинъ изъ элементовъ понятія прогресса считать существеннымъ, другой неважнымъ?

Эти критеріи намъ рисуются въ такомъ видѣ: 1) такъ какъ понятіе прогресса немыслимо безъ понятія эволюціи или развитія, то первымъ важнымъ признакомъ для типичности той или иной теоріи прогресса является характеръ ея отношенія къ понятію эволюціи. Если мы имѣемъ рядъ теорій, одинаково относящихся къ понятію эволюціи (напр., отождествляющихъ понятіе прогресса съ понятіемъ эволюціи)—то этого факта достаточно, чтобы отнести всѣ эти теоріи къ одному типу, при томъ, конечно, усло-

віи, что и понятіе эволюціи всѣми этими теоріями объясняется болѣе или менѣе одинаково. 2) Но разъ понятія прогресса уже предопредѣляется тѣмъ понятіемъ эволюціи, которое лежитъ въ основѣ данной теоріи, то само собой ясно, что законченный и цѣльный видъ та или другая теорія прогресса получитъ лишь въ томъ случаѣ, когда мы разсмотримъ типичные виды различнаго пониманія эволюціи или развитія. Изъ сказаннаго вытекаетъ необходимость краткаго обзора главнѣйшихъ построеній идеи эволюціи. 3) Но идея эволюціи для полнаго и отчетливаго пониманія, въ свою очередь, требуетъ разрѣшенія предварительной проблемы—проблемы „бытія и становленія“, неизмѣнности и измѣненія, покоя и движенія. Если мы, напр., примемъ вмѣстѣ съ Парменидомъ, что существуетъ лишь бытіе, а становленія нѣтъ, то этой одной предпосылки достаточно, чтобы наложить вполнѣ опредѣленный отпечатокъ и на понятіе эволюціи и на понятіе прогресса. Наша исходная посылка уже заранѣе предрѣшаетъ отвѣты на вопросы: что такое эволюція и что такое прогрессъ и возможны ли они?

Таковы тѣ основныя условія, которыя предопредѣляютъ собой отвѣтъ на вопросъ о сущности и природѣ прогресса. Каждый изъ теоретиковъ прогресса, прежде чѣмъ рѣшать эту проблему, явно или тайно, долженъ былъ рѣшить проблему эволюціи и проблему бытія и становленія.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что изложенію типичныхъ теорій прогресса должно предшествовать изложеніе типичныхъ пониманій эволюціи, а этой послѣдней—изложеніе типичныхъ рѣшеній проблемы бытія и становленія. Въ противномъ случаѣ, трудно очертить, какъ нѣчто цѣльное и самодовлѣющее, любую теорію про-

гресса, и вмѣсто полной системы можно дать лишь куски и обломки теоріи, представлющіе въ своей совокупности груду хлама, а не законченное построеніе человѣческой мысли.

Изъ вышеизложеннаго сама собой вытекаетъ программа нашей статьи. Прежде всего мы разсмотримъ типичныя рѣшенія проблемы бытія и становленія. Затѣмъ мы покажемъ, какъ эти рѣшенія предопредѣлили собой то или иное пониманіе эволюціи. Очертивъ главнѣйшіе способы построенія концепта эволюціи, мы перейдемъ къ понятію прогресса и кратко покажемъ основные способы постановки и рѣшенія данной проблемы.

II.

Бытіе и становленіе.

До недавняго времени общимъ постулатомъ соціальной науки было положеніе, что интеллектуальныя функціи и формы мышленія у древняго и современнаго человѣка одинаковы. Однако, болѣе детальное изученіе психики и логики первобытнаго человѣка показало, что этотъ постулатъ далеко не точенъ (см. работы Леви-Брюля „Объ умственныхъ функціяхъ въ первобытныхъ обществахъ“ и Дюркгейма „Объ элементарныхъ формахъ религіозной жизни“).

Соглашаясь съ этимъ положеніемъ мы, однако, думаемъ, что на ряду съ различіемъ существуютъ и весьма существенныя сходства въ мышленіи древняго и современнаго человѣка. Это сходство дано и въ разсматриваемомъ случаѣ. Наблюдая окружающій насъ міръ, мы видимъ въ немъ постоянное измѣненіе.

Но съ другой стороны — мы считаемъ, что опредѣленная цѣльная система, несмотря на всѣ измѣненія, остается одной и той же. Дитя превращается

въ юношу, юноша въ мужа, мужъ въ старика, но этотъ старикъ и дитя, которое превратилось въ послѣдняго, есть одно и то же существо. Иначе говоря, само понятіе измѣненія мы можемъ мыслить лишь при наличности въ этомъ измѣняющемся чего-то неизмѣннаго. Безъ этого неизмѣннаго мы не можемъ говорить, что разсматриваемая нами вещь „измѣнилась".

То, что мы называемъ „Россіей", теперь представляетъ, несомнѣнно, совершенно иное въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ была „Россія" 500 лѣтъ тому назадъ. „За 500 лѣтъ, говоримъ мы, Россія измѣнилась". Но также несомнѣнно, что, говоря объ этомъ измѣненіи „Россіи", мы въ то же время мыслимъ въ измѣняющемся нѣчто неизмѣнное, что и даетъ намъ право Россію 500 лѣтъ тому назадъ и современную Россію мыслить, какъ нѣчто единое.

Эта же неразрывность идеи измѣненія и неизмѣннаго дана была и въ прошломъ, и въ частности, въ мірѣ древней Греціи. И тамъ уже передъ мыслью всталъ этотъ дуализмъ „пребывающаго" и „бывающаго", неизмѣннаго и вѣчно-текущаго, или Бытія и Становленія. Возникшій дуализмъ долженъ былъ быть такъ или иначе рѣшенъ, очевидное противорѣчіе должно было быть такъ или иначе удалено. И вотъ для достиженія этой задачи мысль Греціи изыскиваетъ два совершенно различныхъ исхода, которые затѣмъ съ извѣстными измѣненіями красной нитью проходятъ черезъ всю исторію человѣческой мысли.

1) Первый способъ уничтоженія противорѣчія заключается въ утвержденіи: существуетъ только неизмѣнное, само въ себѣ пребывающее Единое Бытіе. Всякая множественность и различіе, всякое измѣненіе, исчезновеніе и бываніе — это нѣчто кажущееся, нѣчто несуществующее, это одна видимость.

Таковъ основной тезисъ философіи Бытія, формулированной Парменидомъ, развитой Зеноном и другими.

Разъ нѣтъ измѣненія, нѣтъ, конечно, и движенія и множественности. Бытіе неизмѣнно пребываетъ, ἔστιν-εἶναι, а не становится. Для насъ здѣсь не важно, какимъ путемъ пришли къ этому положенію, а равнымъ образомъ, какъ попытались примирить его съ эмпирической текучестью явленій. Важенъ лишь самъ этотъ статическій принципъ, который не заглохъ въ дальнѣйшемъ, а съ извѣстными измѣненіями повторялся нѣсколько разъ и нашелъ свое наболѣе яркое выраженіе въ философіи бытія Спинозы, въ его неизмѣнномъ абстрактномъ понятіи deus sive natura. (См. подробнѣе объ этомъ: Simmel, Hauptprobleme der Philosophie, 1911, гл. II-я).

Таковъ былъ первый путь рѣшенія указаннаго противорѣчія.

2) Второй путь былъ діаметрально противоположенъ. Онъ гласилъ: все течетъ—πάντα ῥεῖ. Въ мірѣ нѣтъ ничего неизмѣннаго, все непрерывно измѣняется, первоначаломъ является движеніе, вѣчное становленіе, оно сущность самого Бытія.

Всякое пребываніе, всякая неизмѣнность есть лишь простая видимость. Нѣтъ дѣйствительно существующихъ вещей, но каждая только бываетъ и исчезаетъ въ вѣчномъ процессѣ мірового движенія. Таковъ основной тезисъ второго рѣшенія антиноміи бытія и становленія, тезисъ, формулированный Гераклитомъ „Темнымъ“ и нашедшій высшее метафизическое выраженіе въ философіи Гегеля. (См. Simmel, Op. cit., гл. II-я).

У своихъ первыхъ теоретиковъ каждая изъ указанныхъ здѣсь конструкцій имѣла исключительный характеръ: они просто отвергали или объявляли простой видимостью одинъ изъ членовъ соотносительной пары понятій: измѣненія и неизмѣнности.

Если теперь взять эти тезисы въ ихъ буквальномъ видѣ и послѣдовательно провести ихъ до конца, то не трудно видѣть, что та и другая концепція упраздняютъ совершенно всякую возможность эволюціи, а тѣмъ самымъ и прогресса. Въ самомъ дѣлѣ, если существуетъ только бытіе, или пребываніе, а нѣтъ становленія или измѣненія, то нѣтъ и эволюціи, ибо эволюція немыслима внѣ измѣненія. Всякое измѣненіе или всякая эволюція будетъ лишь видимостью, т.-е. будетъ чѣмъ-то несуществующимъ. Если же сказать, что нѣтъ пребыванія, а есть лишь вѣчное становленіе, тогда мы также не можемъ говорить объ эволюціи: становиться или измѣняться можетъ „нѣчто“, что, несмотря на измѣненіе, остается самимъ собой, т.-е. неизмѣннымъ единствомъ, а разъ этого единства или неизмѣннаго ядра нѣтъ, то нѣтъ и эволюціи, ибо „нечему“ эволюціонировать.

Изъ сказаннаго понятно, что мысль человѣческая должна была найти нѣкоторыя среднія рѣшенія, которыя давали бы возможность избѣгнуть указанныхъ опасностей. Даже у самихъ теоретиковъ философіи бытія (напр., Спинозы) и философіи становленія (напр., Гегеля) мы находимъ уклоненія отъ своего основного тезиса.

3) Вся дальнѣйшая исторія мысли въ данномъ отношеніи и представляетъ не что иное, какъ рядъ попытокъ заполнить пропасть между „пребываніемъ“ и „бываніемъ“ или примиритъ такъ или иначе антиномію вѣчной измѣняемости и неизмѣнности.

Примѣрами могутъ служить рядъ теорій, какъ метафизическихъ, такъ и „позитивныхъ“, какъ въ древности, такъ и теперь.

а) Уже въ древности Левкиппъ и Демокритъ создали такую примиряющую теорію, которая въ существенныхъ своихъ чертахъ держалась и держится до сихъ

поръ среди большинства натуралистовъ, презрительно относящихся къ „метафизикѣ“. Эта теорія извѣстна подъ именемъ а т о м и з м а.

Атомизмъ представляетъ, по существу, синтезъ тезисовъ философіи бытія и философіи становленія. Съ философіей бытія онъ сходится въ томъ, что признаетъ вмѣстѣ съ ней неизмѣнность атомовъ. Каждый изъ нихъ „не возникъ, непреходящъ, неизмѣняемъ, недѣлимъ, однороденъ въ себѣ и со всѣмъ остальнымъ бытіемъ“, т.-е. обладаетъ тѣми же признаками, какими обладало и „бытіе“ Парменида. Съ философіей „становленія“ атомизмъ сходится въ томъ, что признаетъ эти атомы вѣчно движущимися; изъ соединенія и разъединенія ихъ и возникаютъ новые міры и явленія. Всякая перемѣна есть лишь соединеніе и разъединеніе этихъ неизмѣнныхъ частей. Такова сущность этого посредствующаго рѣшенія. Нетрудно видѣть, что остовъ его живъ и до сихъ поръ.

Атомы и молекулы, или же іоны, корпускулы и электроны естественныхъ наукъ представляютъ ничто иное, какъ тѣ же старые атомы Демокрита, модернизированные и перелицованные согласно требованіямъ науки. Тотъ же остовъ сохранился и въ современной химіи въ ея „элементахъ“ и предѣльныхъ единицахъ элементовъ. Не измѣнилось по существу и само объясненіе измѣненія или бываніа. И для современной химіи всякое измѣненіе есть лишь реакція соединенія, или разложенія, или перемѣщенія атомовъ. Таковъ первый видъ примиренія антиноміи бываніа и пребываніа, найденный уже давнымъ давно и живущій до сихъ поръ.

b) Другимъ примирительнымъ рѣшеніемъ той же антиноміи можетъ служить модная теперь теорія „матеріи“ и „формы“, сдѣлавшаяся особенно популярной въ нѣмецкой философіи и въ нѣмецкой соціальной наукѣ, въ частности—въ правовѣдѣніи. Этотъ дуализмъ

„формы“ и „матеріи“, нашедшій свою высшую формулировку въ философіи Канта, съ излагаемой нами точки зрѣнія, есть не что иное, какъ тотъ же дуализмъ „текущаго“ и „неизмѣннаго“. Примиреніе противорѣчія здѣсь достигается тѣмъ, что „форма“ (или способы упорядоченія содержанія сознанія) дѣлается неизмѣнной, „матерія“ же конструируется, какъ нѣчто, вѣчно мѣняющееся, вѣчно текучее. А это значитъ, что и здѣсь даны въ иныхъ терминахъ тѣ же проблемы бытія и становленія, или единства и множественности. Ни одинъ изъ этихъ соотносительныхъ терминовъ не отрицается, оба они пріемлются, но каждому изъ нихъ отводится соотвѣтствующее мѣсто. (Относительно „формы и матеріи“ см. работы Наторпа, Штаммлера, Риккерта, Зиммеля и др.). Не трудно было бы показать, что и современный горячій споръ въ гносеологіи между „психологизмомъ“ и „логизмомъ“ есть въ значительной степени споръ между философіей бываніе и бытія.

Не приводя дальнѣйшихъ иллюстрацій, мы можемъ резюмировать сказанное такимъ образомъ:

1) Проблема бытія и становленія въ исторіи человѣческой мысли нашла себѣ три основныя рѣшенія: а) существуетъ бытіе и нѣтъ становленія, в) существуетъ становленіе и нѣтъ бытія (пребыванія) и с) существуетъ то и другое.

Примѣрами перваго рѣшенія является философія Парменида, Зенона и Спинозы, примѣрами второго— философія Гераклита и Гегеля, и примѣрами третьяго— атомизмъ и философія формы и матеріи (Кантъ и неокантіанство).

Первыя два рѣшенія были слишкомъ исключительными и односторонними; мысль человѣческая не могла слѣдовать за ними, а пошла по третьему пути, на ко-

торомъ она создала рядъ теорій, примиряющихъ такъ или иначе оба члена антагонистической пары понятій. Такъ какъ идея эволюціи немыслима безъ идеи измѣненія, а измѣненіе въ свою очередь требуетъ соотносительнаго понятія—неизмѣнности, то ясно, что рядъ эволюціонныхъ теорій могъ вырасти лишь на этомъ третьемъ пути, обнимающемъ собою и бытіе, и бываніе.

III.

Эволюція.

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что въ каждомъ пониманіи эволюціи мы можемъ и должны найти, въ тѣхъ или иныхъ формахъ, обѣ соотносительныя идеи: измѣненіе (становленіе, процессъ) и нѣчто неизмѣнное, что, несмотря на измѣненіе, остается самимъ собой („то, что измѣняется“).

При исключеніи одного изъ этихъ элементовъ, какъ мы старались кратко показать выше, эволюція немыслима. Теперь, чтобы выдѣлить различные типы понятія эволюціи, данные въ исторіи человѣческой мысли, намъ остается разсмотрѣть столь же кратко, во-первыхъ, какое содержаніе вкладывалось въ каждый изъ этихъ элементовъ, и во-вторыхъ, какъ конструировалось само понятіе измѣненія.

I. Первый элементъ („то, что измѣняется“) принималъ на протяженіи исторіи различные виды и получалъ различныя названія; онъ назывался: то водой, (Фалесъ), то огнемъ (Гераклитъ), то матеріей (матеріализмъ), то энергіей (энергетизмъ), то волей (Шопенгауэръ), то логосомъ (Гегель), то духомъ (спиритуализмъ) и т. д. Вся исторія „онтологіи“ и онтологическихъ системъ съ этой точки зрѣнія можетъ служить рядомъ примѣровъ различныхъ конструкцій понятія эволюціи въ зависимости отъ ея перваго элемента—

(„пребыванія“). Какъ бы различны ни были между собой указанныя онтологическія системы, всѣ онѣ имѣютъ ту общую черту, что объявляя то или иное „сущностью“ вещей, онѣ volens—nolens должны мыслить эту сущность равной самой себѣ при всѣхъ ея измѣненіяхъ, вызывающихъ пестроту и разнообразіе эмпирическаго міра. Съ этой точки зрѣнія можно было бы, при наличности мѣста, дать рядъ типичныхъ конструкцій для каждой изъ нихъ. Эволюція тогда сводилась бы къ тому или иному измѣненію, испытываемому единою сущностью, будетъ ли ею духъ или матерія, воля или энергія. Но, указавъ на эту возможность, мы переходимъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію различныхъ понятій эволюціи, создаваемыхъ въ зависимости отъ различныхъ опредѣленій второго „апріорнаго“ элемента эволюціи, т.-е. формы самого измѣненія.

II. Каковы формы измѣненія этой единой, остающейся равной самой себѣ „сущности“? Какія стадіи проходитъ „то, что измѣняется“? Какія формы принимаетъ въ процессѣ выявленія это измѣняющееся начало? Безконечна или же конечна цѣпь тѣхъ эмпирическихъ формъ, въ которыя облекается „то, что измѣняется?

Въ исторіи человѣческой мысли на эти вопросы, и въ частности, на послѣдній изъ указанныхъ вопросовъ даны два основные отвѣта: 1) Одинъ изъ нихъ гласитъ: рядъ формъ, принимаемыхъ въ процессѣ измѣненія тѣмъ началомъ, которое измѣняется, ограниченъ и конеченъ. Исчерпавъ всѣ формы, измѣняющееся начало снова принимаетъ свою первую форму, затѣмъ снова вторую, третью; дойдя до послѣдней, оно снова переходитъ къ первой формѣ и т. д. Говоря коротко, отвѣтъ этотъ приводитъ къ циклической теоріи измѣненія или эволюціи.

Міровой процессъ превращается въ круговращеніе, въ „шагъ на мѣстѣ“. Подобно тому, какъ въ замкнутой окружности нѣтъ ни начала, ни конца, такъ и здѣсь нѣтъ ни начала, ни конца. Съ какой точки ни начни движеніе—все равно. Поэтому, для данной конструкціи совершенно не важно направленіе измѣненія; ибо при любомъ направленіи процессу измѣненія приходится принимать однѣ и тѣ же формы, подобно маятнику, качающемуся отъ А къ В и отъ В къ А.

Сказанное дѣлаетъ понятнымъ, что въ окончательномъ анализѣ это пониманіе эволюціи сводится къ отождествленію эволюціи съ понятіемъ простого движенія или процесса или еще любого измѣненія.

Въ этомъ случаѣ и движеніе шарика по кругу или качаніе маятника отъ А къ В и отъ В къ А можно назвать эволюціей, ибо въ томъ и другомъ случаѣ на лицо и движеніе, и тотъ предметъ, который движется—эволюціонируетъ.

Историческимъ примѣромъ, близкимъ къ этому типу концепта эволюціи, является знаменитая теорія круговоротовъ или теорія циклической эволюціи, виднѣйшими формами которой могутъ служить теоріи Екклезіаста, Вико, Ницше, Лебона и Бланки. Никакая изъ этихъ теорій не отрицаетъ измѣненія, но считаетъ, что какъ обще-міровая эволюція, такъ, въ частности, и соціальная эволюція представляютъ „шагъ на мѣстѣ“, вѣчное круговращеніе и вѣчное повтореніе одного и того же ряда измѣненій, начиная съ перваго и кончая послѣднимъ членомъ ряда. Когда достигнута послѣдняя стадія, снова начинается стадія первая и т. д.

„Родъ проходитъ и родъ приходитъ, а земля пребываетъ во вѣки. Восходитъ солнце и заходитъ солнце,

и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ", читаемъ мы въ Екклезіастѣ. „Что было, то и будетъ, и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ „смотри вотъ это новое", но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ". (Екклезіастъ, гл. 1, ст. 4—10).

Изъ этихъ стиховъ видно, что здѣсь эволюція понимается въ смыслѣ простого измѣненія. Переходя къ измѣненію міровыхъ явленій, авторъ приходитъ къ выводу, что это міровое движеніе представляетъ вѣчное движеніе въ одномъ и томъ же замкнутомъ кругѣ. Аналогична же по существу съ этой теоріей и теорія Лебона. „Эволюція міра, говоритъ онъ, въ послѣднемъ анализѣ состоитъ изъ двухъ очень различныхъ фазисовъ, изъ фазиса сгущенія энергіи въ атомы и изъ фазиса расходованія этой энергіи". Такимъ образомъ міровая эволюція для Лебона есть не что иное, какъ періодическая смѣна двухъ стадій: періода концентраціи энергіи въ атомы матеріи и періода разложенія послѣднихъ въ эфиръ", изъ котораго матерія снова выплываетъ спустя милліоны вѣковъ и подъ дѣйствіемъ неизвѣстныхъ намъ силъ принимаетъ ту же форму, какую она имѣла въ отдаленныхъ вѣкахъ. Начало возникновенія вещей, безъ сомнѣнія, только повтореніе стараго. Ничто не позволяетъ думать, что вещи впервые существуютъ, такъ же, какъ нельзя допустить, что онѣ навсегда исчезаютъ и больше не возникаютъ". (Г. Лебонъ. Эволюція матеріи. СПБ. 1909 г. 117—219). Подобно этому и Ницше думаетъ, что міровой процессъ представляетъ вѣчное круговращеніе; число элементовъ міра не безконечно, а потому и число сочетаній ихъ должно быть также конечнымъ; въ силу этого рано или поздно, но должна наступить такая комбинація ихъ, которая уже нѣкогда

была и такимъ образомъ должно начаться новое повтореніе бывшаго. „Такъ и быть, еще разъ!“ восклицаетъ Заратустра и его слушатели.

Къ этой же группѣ, какъ ея разновидность, можетъ быть причислено и теорія циклической соціальной эволюціи Вико, согласно которой каждый народъ въ своей исторіи проходитъ черезъ три стадіи или состоянія: первая стадія есть стадія боговъ, вторая стадія—героевъ, третья—стадія людей, затѣмъ снова начинается первая стадія (правда, нѣсколько измѣненная) и т. д.

Таковъ первый типъ пониманія эволюціи, имѣющій своей конечной предпосылкой ограниченное число формъ, которыя можетъ принимать въ процессѣ измѣненія „то, что измѣняется“.

2) Но возможенъ на поставленный вопросъ и иной отвѣтъ, гласящій: число формъ, которыя можетъ принимать измѣняющееся начало, не конечно, а безконечно. Каждая послѣдующая форма есть форма sui generis, не похожая на всѣ предыдущія и не повторяющаяся въ будущемъ. Каждая форма, въ которую облекается „то, что измѣняется“,—единственна. Рядъ послѣдовательныхъ формъ, черезъ которыя проходитъ „то, что измѣняется“, представляетъ движеніе, или процессъ, направленный въ опредѣленную сторону, или процессъ необратимый, неповторяющійся. При такой предпосылкѣ уже не можетъ быть мѣста никакой теоріи замкнутыхъ цикловъ. Выражаясь образно, траэкторія эволюціоннаго процесса здѣсь будетъ не кругъ, и не прямая съ направленіемъ отъ А къ В и отъ В къ А, а или спираль (Гёте, Тардъ, Мейеръ и др.) или прямая, идущая въ одномъ направленіи, или какая-нибудь причудливой формы кривая, никогда не приходящая къ своей исходной точкѣ.

Съ этой точки зрѣнія всякій послѣдующій моментъ измѣненія, постольку, поскольку это измѣненіе является

эволюціей, долженъ быть моментомъ sui generis, а весь эволюціонный рядъ формъ долженъ быть необратимымъ по отношенію ко времени. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, если въ данномъ пониманіи эволюціи время играетъ исключительно-важную роль. Именно время здѣсь становится тѣмъ счетчикомъ или критеріемъ, въ зависимости отъ котораго различаются предыдущія и послѣдующія формы измѣняющагося начала.

Въ этомъ случаѣ уже не всякое измѣненіе или не всякое движеніе будетъ эволюціей, а только тотъ процессъ и то измѣненіе, которое не повторяется во времени, которое необратимо.

Именно этотъ типъ пониманія эволюціи является самымъ распространеннымъ и самымъ популярнымъ, какъ въ обычномъ, такъ и въ научномъ мышленіи.

Когда Гексли, находя излишнимъ точное формулированіе понятія эволюціи въ виду того, что „слово—лишь дымъ или звукъ пустой“, указываетъ на ростъ растенія, какъ на примѣръ эволюціи, — то онъ несомнѣнно держится только что очерченнаго пониманія эволюціи (Гексли. Эволюція и этика. См. Тимирязевъ: Насущныя задачи соврем. естествознанія. 1904. Стр. 117 и 118).

Любой историкъ, описывающій исторію или эволюцію любого соціальнаго единства: семьи, брака, религіи, права, нравственности, языка и т. д.—понимаетъ подъ эволюціей не что иное, какъ указанный неповторяющійся во времени процессъ. Подъ эволюціей семьи, напр., обычно разумѣютъ послѣдовательную во времени смѣну различныхъ ея формъ, начиная отъ первобытныхъ формъ группового брака и кончая современной индивидуальной семьей; подъ эволюціей религіозныхъ вѣрованій разумѣютъ неповторяющійся во времени

послѣдовательный переходъ отъ анимизма или тотемизма къ современнымъ религіознымъ вѣрованіямъ; подъ эволюціей языка—то или иное измѣненіе звуковъ, флексій, суффиксовъ и корней; напр., по утвержденію Діеца эволюція романскихъ языковъ состояла въ постепенной замѣнѣ твердаго окончанія мягкимъ. Съ этой точки зрѣнія такіе повторяющіеся процессы, какъ качаніе математическаго маятника, какъ близкая къ тождественности періодическая смѣна дня и ночи, временъ года, процессы прилива и отлива и т. д.—уже не будутъ эволюціей, ибо здѣсь нѣтъ на лицо неповторяемости по отношенію ко времени. Въ циклическихъ теоріяхъ эволюціи время играетъ ничтожную роль; здѣсь же оно является рѣшающимъ элементомъ. Этого же пониманія эволюціи держатся натуралисты и историки земли или солнечныхъ системъ, когда они рисуютъ картину эволюціи звѣздныхъ міровъ, земли, животнаго и растительнаго міра.

Эволюція здѣсь тождественна съ понятіемъ исторіи, въ томъ пониманіи, котораго придерживаются почти всѣ историки и которое въ наше время теоретическую формулировку нашло въ лицѣ Ксенополя и отчасти Риккерта и Виндельбанда (исключая принципа цѣнности).

„Фактами историческими, говоритъ Ксенополь, являются только факты индивидуальные по отношенію ко времени, а не къ пространству. Факты повторяющіеся (объектъ естественныхъ наукъ по Ксенополю или обобщающихъ (номотетическихъ) наукъ по Риккерту-Виндельбанду) универсальны по отношенію ко времени, тогда какъ факты неповторяющіеся индивидуальны по отношенію къ нему. По отношенію же къ пространству тѣ и другіе могутъ быть универсальными, общими и индивидуальными“. (Xénopol. La théorie de l'histoire. Paris. 1908. Стр. 93—97 u. passim).

Таковы основныя черты второго пониманія эволюціи. Въ силу сказаннаго становится вполнѣ яснымъ, почему время играетъ такую важную роль въ самыхъ различныхъ философско-соціологическихъ системахъ мировой и соціальной динамики. Такія различныя эволюціонныя построенія, какъ построенія Спенсера и Бергсона, сходны въ томъ, что время у того и другого имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Присоединяя къ указаннымъ чертамъ этого пониманія эволюціи рядъ различныхъ добавочныхъ признаковъ, мы можемъ получить рядъ отдѣльныхъ, различающихся въ деталяхъ эволюціонныхъ построеній. Одни подчеркиваютъ моментъ непрерывности смѣны или измѣненія, противопоставляя эволюцію, какъ непрерывный и неповторяющійся процессъ, прерывной, хотя и неповторяющейся смѣнѣ.

Напримѣръ, В. Вагнеръ, говоря о томъ, что измѣненіе инстинктовъ въ отдѣльной особи совершается не непрерывно, а представляетъ рѣзкія смѣны одного инстинкта другимъ, подчеркиваетъ, что „тамъ, гдѣ съ возрастомъ инстинкты измѣняются, мы наблюдаемъ не развитіе, а смѣну однихъ другими, при чемъ смѣна эта часто происходитъ безъ всякой внутренней связи смѣняющихся способностей". (В. Вагнеръ. Біопсихологія. I, 343 стр. См. также Delvaille. Op. cit. VIII). Тотъ же моментъ подчеркиваетъ и Тардъ, рекомендуя считать эволюціей только такой неповторяющійся процессъ, въ которомъ одно звено (послѣдующее) не противорѣчитъ, не уничтожаетъ и не сталкивается съ другимъ (предыдущимъ). Онъ различаетъ два способа поступательнаго движенія: а) способъ накопленія, при которомъ новыя изобрѣтенія, „подтверждая или не отрицая другъ друга, могутъ одновременно существовать въ одной и той же странѣ и безконечно скопляться тамъ" (напримѣръ, прирученіе животныхъ и рабство); b) способъ замѣ-

щенія, при которомъ изобрѣтенія, „отрицая или мѣшая одно другому, могутъ только замѣщать другъ друга, разъ они встрѣтились въ средѣ какого-нибудь народа“ (напримѣръ, смолистый факелъ и лампа). (Г. Тардъ. Соціальная логика. Спб. 1901. Стр. 203 и 204; Законы подражанія. Спб. 1892. Изданіе Павленкова. Стр. 363—370). „Необходимо, продолжаетъ Тардъ, различать эти два способа, смѣшиваемые эволюціонистами. Слово „эволюція“ годно только для способа накопленій; для развитія же, совершаемаго путемъ замѣнъ, былъ бы болѣе соотвѣтствующимъ терминъ мірового привитія, ибо какое же можетъ быть развитіе, когда одно изобрѣтеніе разрушаетъ другое и становится на его мѣсто. А разъ это такъ, то разсматривать цѣлое, въ которомъ борются противоположные потоки подражанія, какъ единую эволюцію, является большой ошибкой“. (Тардъ. Законы подражанія. 190).

Нетрудно видѣть, что эта непрерывность или накопленіе сама собой вытекаетъ изъ понятія эволюціи, разъ мы вспомнимъ, что для того, чтобы что-нибудь могло измѣняться, эволюціонировать, это „что-нибудь“ должно въ теченіе всей эволюціи оставаться самимъ собой, въ качествѣ единства; а поэтому, коль скоро дано намъ замѣщеніе одного единства другимъ, тѣмъ самымъ исключена эволюція этого „нѣчто“ и мы имѣемъ дѣло съ простою смѣной явленій. Другіе, какъ, напримѣръ, тотъ же Delvaille, подчеркиваютъ моментъ новизны, которая должна быть на лицо въ послѣдующемъ моментѣ эволюціи. Но и новизна сама собой подразумѣвается въ понятіи измѣненія. Третьи, какъ, напримѣръ, Де-Роберти, понятіе эволюціи ставятъ въ зависимость отъ того, въ какой сферѣ совершается то или иное измѣненіе Измѣненіе въ сферѣ неорганическихъ, физико-химическихъ явленій для нихъ есть

простой процессъ — движеніе; измѣненіе же въ сферѣ явленій жизни, въ органическомъ мірѣ—есть эволюція.

Не приводя другихъ варіантовъ этого основного пониманія эволюціи, теперь спросимъ себя: каково же „содержаніе“ этой эволюціонной формы, т. е. какія постоянныя черты (не формально, а матеріально) обнаруживаются въ эволюціонномъ, т. е. неповторяющемся во времени процессѣ измѣненія? Есть ли во всѣхъ эволюціонныхъ процессахъ какая-нибудь постоянная тенденція, одинаково присущая каждому эволюціонному процессу, въ какой бы сферѣ онъ ни совершался? Отвѣтовъ на поставленный вопросъ слишкомъ много, чтобы была возможность исчерпать ихъ всѣхъ. Оставивъ совершенно въ сторонѣ метафизическія конструкціи, укажемъ здѣсь на рядъ отвѣтовъ, имѣющихъ дѣло съ чисто-эмпирическимъ міромъ. Они могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: на теоріи монистическія и теоріи плюралистическія.

а) *„Монистическія“ теоріи эволюціи.* Наибольшей популярностью изъ всѣхъ „матеріальныхъ“ и „монистическихъ“ формулъ эволюціи пользуется формула Спенсера, обнимающая собою эволюцію всего міра. Согласно этой формулѣ, „эволюція есть интеграція вещества, которая сопровождается разсѣяніемъ движенія, и въ теченіе которой вещество переходитъ изъ состоянія неопредѣленной безсвязной однородности въ состояніе опредѣленной связной разнородности, а сохраненное веществомъ движеніе претерпѣваетъ аналогичное превращеніе“ (Спенсеръ. Основныя начала. Ред. перев. Рубакина 237 стр.) Слѣдовательно всякое послѣдовательное развитіе какого угодно единства по своему матеріальному характеру представляетъ двойной процессъ интеграціи и дифференціаціи. Давши эту формулу, Спенсеръ блестяще подтвердилъ ее фактами изъ міра неорганиче-

скаго, органическаго и соціальнаго. Возьмемъ ли мы эволюцію солнечной системы, или эволюцію организмовъ или „эволюцію человѣческихъ обществъ—въ поступательномъ ходѣ всѣхъ этихъ единствъ наблюденіе находитъ указанныя черты. По отношенію къ эволюціи человѣческаго общежитія или вообще въ соціальной эволюціи, формула Спенсера сдѣлалась теперь простымъ трюизмомъ, особенно послѣ работъ Зиммеля (Соціальная дифференціація) и Дюркгейма (О раздѣленіи общественнаго труда). И дѣйствительно, сравнивая первобытныя группы и современныя общества (государства и т. д.), нельзя не видѣть этого роста дифференціаціи и интеграціи. Первобытныя группы малы и члены ихъ однородны; дифференціація какъ членовъ группы, такъ и соціальныхъ функцій каждаго изъ нихъ, почти еще не выявилась, По мѣрѣ же того, какъ мы приближаемся къ нашему времени, мы видимъ какъ ростъ объема и уплотненія самихъ обществъ, такъ и ростъ соціальной внутригрупповой дифференціаціи.

Такова одна изъ монистическихъ эволюціонныхъ формулъ, пытающихся опредѣлить „матеріальныя“ тенденціи эволюціоннаго процесса, свойственныя всѣмъ видамъ мірового поступательнаго измѣненія. Другіе, какъ, напр., Оствальдъ, даютъ энергетическую формулу „матеріальнаго“ содержанія эволюціи, т. е. „необратимаго и неповторяющагося во времени измѣненія“. Всякое подобное измѣненіе, согласно Оствальду, состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ „въ переходѣ свободной энергіи въ энергію „связанную“, которая съ этого момента становится неизмѣнной и не способной къ какому бы то ни было превращенію“ (L'expression énergétique des lois générales du progrès въ т. XIV Annales de l' Institut international de sociologie, Paris 1913. стр. 375 — 377. Такова по Оствальду „матеріальная“ сущность эволюціи.

Третьи, какъ Новиковъ, видятъ сущность эволюціоннаго процесса въ установленіи подвижного равновѣсія, и т. д. [1]) Если перейти отъ „матеріальныхъ“ формулъ эволюціи, охватывающихъ „содержаніе“ общемірovыхъ эволюціонныхъ процессовъ, къ частичнымъ эволюціоннымъ формуламъ этого же типа, пытающимся опредѣлить „содержаніе“ спеціально-соціальной эволюціи, то здѣсь передъ нами развертывается безконечное число формулъ, указывающихъ „матеріальное содержаніе“ политической, семейной, религіозной, нравственной, экономической и другихъ эволюцій. Сущность политической эволюціи видѣли: то въ переходѣ отъ монархіи къ республикѣ, то въ переходѣ отъ деспотизма къ свободѣ, отъ взаимной борьбы къ солидарности, и т. д.

Содержаніе экономической эволюціи одни разсматривали какъ переходъ отъ первобытнаго коммунизма производства и потребленія къ современному экономическому индивидуализму, другіе—какъ переходъ отъ системы домашняго хозяйства къ системѣ капиталистической промышленности и т. д. Эволюцію брака обычно видятъ въ постепенномъ ограниченіи широкихъ формъ „группового“ брака и въ замѣнѣ ихъ индивидуальнымъ моногамическимъ бракомъ. Эволюція религіозныхъ вѣрованій для многихъ сводится къ постепенному исчезновенію анимистически-тотемистическихъ представленій, для другихъ, какъ, напримѣръ, для Конта она состоитъ въ переходѣ отъ теологизма къ позитивизму и т. д. Эволюція организаціи общества для однихъ состоитъ въ переходѣ отъ военной организаціи къ организаціи промышленной, для другихъ—въ постепенномъ ростѣ соціальнаго равенства, осуществляющагося въ тѣхъ или иныхъ формахъ, и т. д., и т. д.

[1]) Упоминаемыя авторомъ статьи Оствальда и Новикова напечатаны въ настоящемъ сборникѣ. Прим. редакціи.

Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе и изложеніе всѣхъ подобныхъ теорій, предложенныхъ въ большомъ числѣ относительно любого разряда соціальныхъ явленій.

Здѣсь мы хотѣли лишь указать на общія предпосылки всѣхъ такихъ эволюціонныхъ формулъ—съ одной стороны, и наглядно подтвердить очерчиваемую нами схему—съ другой. Помимо одинаковаго формальнаго пониманія эволюція (эволюція—неповторяющемуся во времени измѣненію или процессу) всѣ подобныя „матеріальныя“ формулы эволюціи имѣютъ тотъ общій признакъ, что онѣ — „монистичны“, т. е. имѣютъ своей предпосылкой положеніе, что соотвѣтствующій эволюціонный рядъ, гдѣ бы и въ какой бы сферѣ онъ ни совершался, постоянно осуществляетъ однѣ и тѣ же тенденціи и имѣетъ одно и то же содержаніе. По формулѣ Спенсера, напримѣръ, всякая эволюція есть ростъ интеграціи и дифференціаціи, независимо отъ того, гдѣ и когда она совершается. Эта же предпосылка „монизма“ въ области соціальныхъ явленій приводитъ къ основному тезису сравнительно-историческаго метода, согласно которому эволюція любого разряда соціальныхъ явленій (наприм., семейныхъ отношеній, или религіозныхъ вѣрованій) въ основныхъ своихъ чертахъ одинакова у всѣхъ народовъ: каждая соціальная группа въ процессѣ своего развитія проходитъ тѣ же стадіи, что и другая. Отсюда и попытки вывода единыхъ формулъ эволюціи для тѣхъ или иныхъ сторонъ соціальной жизни, формулъ, обязательныхъ для всѣхъ человѣческихъ группъ и народовъ.

б) „Плюралистическія“ формулы эволюціи. Въ противоположность указаннымъ монистическимъ по своему содержанію формуламъ эволюціи, можно указать рядъ формулъ плюралистическихъ, т. е. такихъ, которыя утверждаютъ, что эволюціонный процессъ по своему со-

держанію можетъ и не быть реализаціей какой-нибудь опредѣленной одной тенденціи, но что онъ можетъ реализовать различныя тенденціи, въ зависимости отъ времени и мѣста. Сообразно съ этимъ положеніемъ такія теоріи какъ въ сферѣ обще-міровыхъ явленій, такъ и въ сферѣ специфически-общественнаго міра или его отдѣльныхъ сторонъ, отказываются отъ формулировки единой по своему содержанію формулы эволюціи и не ищутъ во всякомъ эволюціонномъ рядѣ осуществленія единой тенденціи. Какъ обще-міровые процессы измѣненія, такъ и измѣненія любого разряда общественныхъ явленій, согласно этой точкѣ зрѣнія, могутъ принимать различные виды и формы и могутъ слѣдовать по путямъ, имѣющимъ различное направленіе.

Примѣромъ подобнаго рода плюралистической формулы по отношенію къ обще-міровой эволюціи можетъ служить идея эволюціи Бергсона, а по отношенію къ соціальной эволюціи—теорія Г. Тарда.

Согласно Бергсону, эволюція есть постоянное творчество; она есть своего рода „жизненный порывъ“, свободный и волевой, обладающій необъятнымъ запасомъ силъ и энергіи. Этотъ первоначальный порывъ жизни не есть ни вещь, ни отношеніе, а это—непрестанная творческая и свободная дѣятельность, которую, если угодно, можно назвать именемъ Бога. Съ этой точки зрѣнія вся вселенная не есть сумма отдѣльныхъ неподвижныхъ вещей, а есть сплошной потокъ, вѣчная и неустанная дѣятельность, въ процессѣ которой и создаются отдѣльныя вещи.

То, что мы называемъ вещью, есть не что иное, какъ моментъ ослабленія этой творческой дѣятельности.

Это ослабленіе или перерывъ творчества и создаетъ отдѣльную вещь съ ея матеріальностью и простран-

ственностью. Этотъ порывъ, исходящій изъ одной точки, идетъ не по одному пути, а распространяется во всѣ стороны, какъ радіусы изъ центра. Въ этомъ процессѣ распространенія порывъ почти по всей окружности останавливается, превращается въ колебаніе на мѣстѣ и создаетъ такимъ образомъ рядъ вещей—вещи неорганическія, растенія и животныя, живущія автоматически, безъ творческихъ порывовъ,

Лишь въ одной точкѣ жизненному порыву удалось побороть препятствіе, и творческій импульсъ прошелъ впередъ безпрепятственно. Конкретнымъ воплощеніемъ этого побѣдившаго порыва служатъ человѣческія формы жизни. Такимъ образомъ человѣкъ есть высшее воплощеніе жизненнаго порыва. „Дѣло происходитъ такимъ образомъ, разъясняетъ Бергсонъ свое представленіе о творческой эволюціи, какъ будто бы нѣкоторое нерѣшительное и слабое существо, которое можно, если угодно, назвать человѣкомъ или сверхчеловѣкомъ, стремилось къ реализаціи, но достигло этого, только сбросивъ по пути часть самого себя“ (см. Творческая эволюція. 1-е изд., русск. пер. 227 стр.).

Какъ вѣтеръ, долетѣвъ до перекрестка, раздѣляется на расходящіяся теченія воздуха, хотя онъ и составляетъ одно цѣлое, такъ и единый жизненный порывъ раздѣлился по расходящимся линіямъ и осуществилъ себя въ видѣ созданія милліона организмовъ (Ibid. 52 и сл.). Прежде всего порывъ раздѣлился на два основныхъ теченія, выразившіяся въ созданіи растительнаго и животнаго царства. Затѣмъ въ самомъ животномъ царствѣ творческая эволюція пошла двумя путями, путемъ инстинкта (какъ, напр., у суставчатоногихъ) и путемъ интеллекта (напр., у человѣка).

„Инстинктъ въ законченной формѣ есть способность пользоваться и даже создавать орудія, принадлежащія организму; законченный же интеллектъ представляетъ

способность изготовлять и употреблять неорганическія орудія" (Ibid. 99, 119-120 и passim).

Намъ незачѣмъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ любопытной конструкціи Бергсона. Сказанное достаточно иллюстрируетъ типъ плюралистической формулы эволюціи. Примѣромъ этого же типа эволюціи въ области соціальныхъ явленій можетъ служить гипотеза Г. Тарда.

Основные тезисы плюралистической теоріи эволюціи Тарда таковы.

a) Міровой процессъ не есть круговращеніе, а непрерывное и неповторяющееся движеніе впередъ, постоянное творчество новаго, обусловленное борьбой безконечно-малыхъ монадъ („виртуальностей"), лежащихъ въ основѣ всѣхъ вещей и представляющихъ и „альфу и омегу" всего существующаго. Каждая изъ этихъ монадъ непохожа на другія, каждая имѣетъ свои цѣли и стремится осуществить ихъ. Въ этомъ процессѣ достиженія цѣлей между монадами завязывается борьба, которая и служитъ основой для всякой видимой нами борьбы и въ маломъ масштабѣ напоминаетъ послѣднюю. „Въ природѣ нѣтъ цѣли, говоритъ Тардъ, по отношенію къ которой все остальное было бы средствомъ, но есть безчисленное множество цѣлей, стремящихся утилизировать одна другую". (См. Тардъ. Соц. Законы. СПБ. 1906, стр. 52, 82, 115—120. Законы подражанія, стр. 190 Opposition universelle, стр. 88—98. Соціальная логика, рус. пер. стр. 203—204).

b) Это движеніе впередъ совершается посредствомъ трехъ основныхъ способовъ: 1) повторенія, 2) противоположенія и 3) приспособленія.

c) Однообразіе этихъ способовъ при разнообразіи безконечно-малыхъ монадъ вызываетъ различіе въ путяхъ, которыми идетъ эволюція. Ошибка, какъ теологовъ, такъ и Конта и Спенсера, по мнѣнію

Тарда, заключалась въ томъ, что всѣ они думали, что эволюція совершается однимъ способомъ и ведетъ къ одной цѣли. „Человѣкъ волнуется, а Богъ руководитъ имъ"—вотъ формула, годная для характеристики ихъ взглядовъ на прогрессъ. Контъ и Спенсеръ разсматривали всю исторію человѣчества—этотъ крайне сложный клубокъ или „смѣсь изъ разноцвѣтныхъ мотковъ"—какъ единое развитіе, гдѣ „все сцѣплено, гдѣ каждое кольцо приспособлено и приложено исключительно къ слѣдующему" и гдѣ все стремится къ желательной имъ развязкѣ. Между тѣмъ эволюція можетъ имѣть различныя формы и идти различными путями. Во „Всемірномъ противоположеніи" Тардъ указываетъ семь возможностей эволюціи: 1) Множественныя, сходныя, соціальныя эволюціи, сопровождаемыя упадкомъ; 2) множественныя несходныя соціальныя эволюціи, оканчивающіяся тѣмъ же разложеніемъ; 3) множественныя сходныя или несходныя эволюціи, приводящія къ прочному и подвижному равновѣсію; 4) многообразныя соціальныя эволюціи, безконечно прогрессирующія; 5) одна соціальная эволюція безконечно продолжающаяся; 6) одна соціальная эволюція, оканчивающаяся подвижнымъ и устойчивымъ равновѣсіемъ; 7) одна соціальная эволюція, приводящая къ разложенію.

Таковы возможныя эволюціи. Самъ Тардъ думаетъ, что соціальная эволюція фактически совершается въ видѣ третьяго типа, именно: *движеніе впередъ совершается въ видѣ множественныхъ и разнообразныхъ эволюцій, приводящихъ къ прочному и подвижному равновѣсію.*

Изъ дальнѣйшихъ тезисовъ теоріи эволюціи Тарда отмѣтимъ слѣдующіе:

d) Благодаря постепенному сокращенію стадіи противоположенія или столкновенія, конечнымъ исходомъ

эволюціи является прочное и подвижное равновѣсіе. (Opposition universelle, стр. 331, 332. Соц. Зак., стр. 18. Законы подраж., стр. 84).

е) Въ мірѣ идей, въ умѣ, являющемся отраженіемъ дѣйствительности, движеніе къ этому состоянію сопровождается постепеннымъ переходомъ повтореній, противоположеній и приспособленій отъ немногочисленныхъ и грандіозныхъ формъ къ многочисленнымъ и безконечно-малымъ (Соц. Зак., стр. 84) Въ реальной дѣйствительности этотъ переходъ обратный (Ibid, стр. 67 и др.).

Такова схема Тардовской формулы плюралистической эволюціи. Конечно, разновидностей этого эволюціоннаго плюрализма не мало, но размѣры статьи не позволяютъ привести различныя видоизмѣненія типичнаго теченія, основныя черты котораго мы сейчасъ кратко изложили.

Исходя изъ той же задачи—очерчиванія типичныхъ эволюціонныхъ концепцій,—слѣдовало бы коснуться еще одной стороны понятія эволюціи—именно, механически фаталистическаго характера, съ какимъ она рисуется въ рядѣ эволюціонныхъ построеній (напр., у Спенсера) и свободнаго волевого проявленія, съ какимъ эволюція изображается, напримѣръ, Бергсономъ. Но за недостаткомъ мѣста мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія эту сторону эволюціи [1]) и на этомъ заканчиваемъ очеркъ типичныхъ эволюціонныхъ конструкцій и различныхъ проблемъ, съ ними связанныхъ. Такимъ образомъ основные типы идеи эволюціи распадаются: 1) въ зависимости отъ природы того начала, которое измѣняется, на рядъ теченій, представленныхъ различными онтологическими системами, излагаемыми обычно въ философіи; 2) въ

[1]) Вопросу, указанному здѣсь авторомъ, посвящена помѣщенная въ настоящемъ сборникѣ статья Лоріа. Прим. редакціи.

зависимости отъ характера самого измѣненія на: а) циклическую теорію измѣненій, имѣющую своей предпосылкой конечное число формъ или этаповъ, черезъ которые проходитъ измѣняющееся начало и в) на теорію эволюціи, представляющую вѣчный и неповторяющійся во времени процессъ измѣненія, имѣющую предпосылкой положеніе, что число этаповъ или формъ измѣненія—безконечно. Послѣдній видъ, въ свою очередь, можетъ быть раздѣленъ на два подвида: на монистическую и плюралистическую теоріи эволюціи, въ зависимости отъ того, считается ли „матеріальная“ тенденція любого эволюціоннаго рода единой или множественной. Каждый изъ этихъ типовъ, въ свою очередь, допускаетъ дальнѣйшія подраздѣленія.

III.

Прогрессъ.

Въ предыдущемъ мы сознательно старались не касаться прогресса и не употреблять этого термина, чтобы не впасть въ ту ошибку, въ которой повинно едва ли не большинство соціологовъ. Въ зависимости отъ того, какое значеніе мы придадимъ термину „прогрессъ“, мы получимъ два основныхъ рѣшенія, которыя красной нитью проходятъ черезъ всѣ теоріи и формулы прогресса. Можно проблему прогресса разсматривать въ качествѣ оцѣночной проблемы или проблемы соціальнаго идеала, къ которому должно стремиться человѣчество. Въ этомъ случаѣ, очевидно, проблема прогресса не сливается съ проблемой эволюціи, и понятіе прогресса, хотя и включаетъ въ себя понятіе эволюціи, но не смѣшивается съ послѣднимъ: не всякая эволюція будетъ прогрессомъ, а только та, которая является приближеніемъ къ соотвѣтственному идеалу (каковъ бы ни былъ этотъ идеалъ)

или, иначе говоря, эволюція, направленная отъ худшаго къ лучшему, все равно, что бы ни понималось подъ худшимъ и лучшимъ. Если я, напримѣръ, считаю идеаломъ соціальной жизни („высшей ея цѣнностью") состояніе дѣйственной любви людей другъ къ другу, то очевидно, что прогрессомъ для меня будетъ только та эволюція общественной жизни, которая осуществляетъ это требованіе и приближаетъ общество къ такому состоянію. Всякая же эволюція, удаляющая общество отъ этого состоянія, будетъ уже не прогрессомъ, а регрессомъ. Мой идеалъ можетъ быть и противоположнымъ, а именно—состояніемъ взаимной ненависти людей. Въ этомъ случаѣ прогрессомъ будетъ лишь та эволюція, которая увеличиваетъ злобу и вражду людей другъ къ другу, эволюція же, уменьшающая ненависть, будетъ, очевидно, регрессомъ, а не прогрессомъ, Такова одна возможная концепція прогресса, концепція „оцѣночная". При такой постановкѣ проблема прогресса становится проблемой sui generis, не сливающейся съ проблемой эволюціи.

Но возможна и иная постановка проблемы прогресса, постановка „безоцѣночная". Въ этомъ случаѣ проблема прогресса должна слиться съ проблемой эволюціи и формула прогресса неизбѣжно совпадетъ съ формулой эволюціи, т.-е. съ формулой, обнимающей собою существенныя черты послѣдовательнаго ряда измѣненій того или иного измѣняющагося единства. Постольку же, поскольку эту формулу эволюціи разсматриваютъ также и какъ оцѣночную формулу прогресса, т.-е. въ каждомъ послѣдующемъ звенѣ измѣненій видятъ въ то же время и возрастающее улучшеніе—формула прогресса будетъ той же формулой эволюціи, но предпосылкой своей будетъ имѣть положеніе: „что позже, то лучше".

Таковы двѣ основныя возможности въ постановкѣ проблемы прогресса. И всѣ теоріи прогресса „отъ Адама и до нашихъ дней“ относятся или къ первому или же ко второму разряду, или, наконецъ, къ той или иной комбинаціи этихъ двухъ основныхъ типовъ.

Остановимся подробнѣе на каждомъ изъ этихъ типовъ. I. Начнемъ съ перваго. Конструкція этого типа теоріи прогресса сама по себѣ несложна. Берется обычно тотъ или иной принципъ, („высшая цѣнность“, „основная норма“, „идеалъ“), а затѣмъ этотъ принципъ дѣлается рѣшающимъ критеріемъ для оцѣнки той или иной эволюціи въ качествѣ прогресса или регресса. Всякій эволюціонный процессъ, который приближаетъ насъ къ реализаціи выставленнаго въ качествѣ основной нормы принципа или идеальнаго состоянія—будетъ прогрессомъ или прогрессивной эволюціей; всякая же эволюція, удаляющая насъ отъ поставленнаго идеала, будетъ эволюціей регрессивной. Въ качествѣ указанной основной нормы выставлялись на протяженіи исторіи различные принципы: принципъ золотой середины (Аристотель), принципъ счастья и пользы (гедонизмъ, эвдемонизмъ, утилитаризмъ), принципъ любви (христіанство), Петражицкій, принципъ императива (Кантъ), принципъ жизни (Ницше, Гюйо), принципъ общности (Вундтъ), принципъ единства (Наторпъ), принципъ солидарности, (М. Ковалевскій Л. Буржуа и почти всѣ современные франц. соціологи) принципъ роста знанія (Контъ, Бокль, Де-Роберти), принципъ общаго благополучія (Геффдингъ) принципъ сбереженія силъ (Зиммель) и т. д. Возьмите любой изъ этихъ принциповъ, (а равно и противоположные имъ принципы) и затѣмъ прилагайте взятый оцѣночный критерій къ любому эволюціонному процессу; если послѣдній представляетъ постепенную реализацію взятаго принципа—онъ будетъ прогрессомъ, если нѣтъ—онъ будетъ

или безразличнымъ процессомъ, или же эволюціей регрессивной. Если, напримѣръ, взять такимъ критеріемъ принципъ утилитаризма (Бентамъ, Милль, Спенсеръ, Уордъ, Н. К. Михайловскій и П. Л. Лавровъ): „максимумъ счастья для максимума людей", то звенья человѣческой исторіи, направленныя въ сторону реализаціи даннаго принципа, — будутъ прогрессивными, звенья же съ обратнымъ направленіемъ мы должны будетъ признать регрессивными. То же, mutatis mutandis, примѣнимо и ко всѣмъ остальнымъ оцѣночнымъ принципамъ и къ построеннымъ на нихъ теоріямъ прогресса. Не трудно видѣть, что при подобномъ конструированіи оцѣночной теоріи прогресса дана одинаковая возможность для оцѣнки того или иного эволюціоннаго процесса то какъ прогресса, то какъ регресса. Если наша основная норма или нашъ соціальный идеалъ таковъ, что полнымъ его воплощеніемъ является жизнь первобытныхъ группъ, то отсюда самъ собой получится взглядъ, подобный, напримѣръ, взглядамъ Ж. де-Местра или взглядамъ древнихъ миѳовъ и легендъ, помѣщавшихъ „Золотой вѣкъ" въ прошлое человѣчества, взглядъ, согласно которому вся исторія или ея большая часть будетъ „вырожденіемъ" или регрессомъ. Если же наше представленіе объ идеальномъ обществѣ таково, что къ нему ближе цивилизованныя общества, чѣмъ группы дикарей—то оцѣнка историческаго хода будетъ уже иная: эволюція человѣчества въ этомъ случаѣ окрасится уже прогрессивными, а не регрессивными красками. Наконецъ, мыслимъ и такой оцѣночный критерій, прилагая который къ исторіи, мы вынуждены будемъ одни звенья его считать прогрессивными, другія—регрессивными.

Изъ сказаннаго теперь понятно, почему при такомъ оцѣночномъ пониманіи прогресса неизбѣжно должны были появиться и оптимистическія теоріи, объявлявшія

всю эволюцію человѣчества какъ сплошной или почти сплошной прогрессъ (Кондорсе, Контъ), и пессимистическія, разсматривавшія исторію человѣчества, какъ вырожденіе, паденіе или регрессъ (Ж. де-Местръ, отчасти Руссо, и т. д.) и среднія рѣшенія, считавшія и считающія одни этапы исторіи прогрессивными, а другіе—регрессивными (большинство историко-соціологическихъ оцѣнокъ).

Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе, въ качествѣ примѣра этого оцѣночнаго типа теоріи прогресса, эвдемонистическую теорію, представленную въ новѣйшее время Н. К. Михайловскимъ, П. Л. Лавровымъ и Уордомъ. Основные тезисы этой теоріи таковы.

a) Понятія прогресса и эволюціи глубоко различны. (Михайловскій: Что такое прогрессъ? Дарвинизмъ и общ. наука и др. См. т. I, стр. 59, 60. СПБ., 1896. Лавровъ: Историч. письма, стр. 311—12 и др. Задачи пониманія исторіи, стр. 321. Важнѣйшіе моменты въ исторіи мысли, стр. 414. Л. Уордъ: Психич. факторы цивилизаціи, 1894, стр. 53—60).

b) Въ понятіи эволюціи не должно быть оцѣнки (телеологизма), въ понятіи прогресса—оцѣнка неизбѣжна.

c) Цѣль прогресса—основная норма—счастье личности: поэтому критеріемъ прогресса является принципъ увеличенія счастья и уменьшенія страданія.

d) Такъ какъ фактическій ходъ исторіи не велъ непрерывно къ увеличенію счастья, то весь историческій процессъ распадается на звенья, изъ которыхъ одни были прогрессивными, а другія—регрессивными.

Таковы основные тезисы этой теоріи. Подставьте въ эти тезисы, вмѣсто принципа счастья, всѣ другіе оцѣночные принципы—и вы получите всѣ виды оцѣночныхъ теорій прогресса со всѣми вытекающими изъ нихъ оцѣнками человѣческой исторіи.

Не трудно видѣть, что любая изъ этихъ оцѣночныхъ формулъ прогресса не можетъ быть общезначи-

мой и логически доказуемой, такъ какъ недоказуема никакая основная норма. (См. объ этомъ П. Сорокинъ. Преступленіе и кара. 1914. Введеніе—Нормативная ли наука этика?) Можно только сказать, что „прогрессъ есть эволюція, направленная отъ худшаго къ лучшему„, а что уже каждый будетъ понимать подъ „худшимъ и лучшимъ"—это „добрая воля" каждаго. Одинъ можетъ понимать подъ „лучшимъ" вражду и злобу, другой — любовь и солидарность, одинъ—ростъ разума, другой—его уменьшеніе, одинъ—увеличеніе удовольствія, другой—увеличеніе страданія. Логически тотъ и другой идеалъ будетъ одинаково равноправенъ и одинаково обоснованъ или необоснованъ. Поэтому съ теоретической точки зрѣнія всякая оцѣночная формула прогресса условна и необще обязательна. Вполнѣ правъ Зиммель, когда говоритъ: „видимъ ли мы въ исторіи прогрессъ или нѣтъ, это зависитъ отъ идеала, цѣнность котораго какъ такового, не вытекаетъ изъ фактовъ, а съ необходимостью привносится къ нимъ извнѣ". (Die Probleme der Geschichtsphilosophie, Leipzig, 1907, стр. 155—162).

Поэтому, всякая оцѣночная формула прогресса, поскольку она хочетъ быть „матеріальной" (конститутивной), а не формальной (регулятивной, каковы, напр., конструкціи Штаммлера, Наторпа и др., сводящіяся въ конечномъ счетѣ къ тавтологіи — „прогрессъ есть прогрессъ"), обречена на субъективность и по своему существу не можетъ быть общезначимой. Такъ обстоитъ дѣло съ теоретической, формально-логической точки зрѣнія. Иначе, повидимому, обстоитъ дѣло въ сферѣ практическаго поведенія людей. Въ теоретической области мы свободны формулировать самые разнообразные идеалы, но въ нашей практикѣ мы связаны путами окружающей насъ моральной среды и volens-nolens принуждены согласовать свое поведеніе и даже

идеалы съ господствующимъ въ средѣ нравственнымъ сознаніемъ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что на практикѣ (въ поведеніи людей) больше согласія въ пониманіи идеала, чѣмъ въ теоріи. Въ этой сферѣ едва ли кто будетъ спорить съ тѣмъ, что ростъ взаимной любви лучше роста ненависти, ростъ знанія, лучше, чѣмъ умственное одичаніе и т. д.

II. Если оцѣночныя теоріи неизбѣжно должны быть субъективными, то эта опасность не существуетъ для „безоцѣночныхъ" теорій прогресса, формулирующихъ лишь постоянныя тенденціи того или иного эволюціоннаго ряда. Въ этихъ формулахъ рѣчь идетъ не о томъ, что должно быть, а о томъ, что есть или что было. Если вѣрно опредѣлено это сущее или бывшее, — исключена всякая возможность спора и теорія прогресса—эволюціи становится общезначимой. Примѣрами подобной „объективной" теоріи прогресса могутъ служить, напр., теоріи Кондорсе, О. Конта, Спенсера, а изъ новѣйшихъ формулы Оствальда и Новикова. Контъ рѣшительно отказывается вводить въ свою формулу прогресса оцѣночный элементъ, въ видѣ принципа благоденствія или счастья. Не слѣдуетъ, говоритъ онъ, сравнивать въ отношеніи индивидуальнаго счастья соціальныя положенія, не допускающія сближеній. Сдѣлать это совершенно невозможно, а потому слѣдуетъ устранить пустыя разсужденія о счастьи и подъ понятіемъ совершенствованія (прогресса) мыслить лишь идею постояннаго гармоническаго развитія различныхъ сторонъ человѣческой природы, сообразно законамъ эволюціи. Термины: развитіе (développement) и совершенствованіе (perfectionnement) — мы имѣемъ право въ соціологіи признать равнозначными, говоритъ онъ; поэтому, прогрессъ для Конта равенъ самопроизвольной эволюціи, совершающейся согласно опредѣленнымъ законамъ. (Cours

de philosophie positive, изд. 1864 г., т. IV, стр. 262—64,272—78).

Еще раньше его Кантъ въ Idee zu einer allgemeinen Geschichte весьма ѣдко иронизировалъ надъ тѣмъ же оцѣночнымъ принципомъ благоденствія, говоря: „Если прогрессъ состоитъ въ увеличеніи благоденствія, то не было ли бы лучше, если бъ на островахъ Отаити вмѣсто счастливыхъ обитателей паслись счастливыя коровы и овцы?“ Еще рѣзче ту же необходимость игнорированія оцѣночныхъ нормъ подчеркиваетъ Спенсеръ, который говоритъ: „Чтобы правильно понять прогрессъ, мы должны изслѣдовать сущность происходящихъ измѣненій, разсматривая ихъ независимо отъ нашихъ интересовъ. Оставляя въ сторонѣ побочныя обстоятельства и благодѣтельныя послѣдствія прогресса, спросимъ себя, что онъ такое самъ по себѣ?“ (Спенсеръ, Опыты, т. I изд. Тиблена, стр. 1 и 2). Ставя такъ вопросъ, онъ даетъ затѣмъ формулу прогресса, являющуюся въ то же время и формулой эволюціи (см. выше).

Изъ самой постановки вопроса уже видно, что для даннаго теченія: a) понятія прогресса и эволюціи тождественны; b) оцѣночныя нормы, согласно заданію, не должны входить въ составъ концепта прогресса; c) критеріемъ прогресса для логически-проведенной данной конструкціи становится время (что позже—то лучше); и d) всякій эволюціонный рядъ долженъ быть въ то же время и прогрессивнымъ рядомъ. Какъ изъ сочиненій Спенсера, такъ и изъ упомянутой выше статьи Оствальда видно, что эти теоріи могутъ и должны быть безоцѣночными. Онѣ просто удостовѣряютъ существованіе постоянныхъ эволюціонныхъ тенденцій и только. Поскольку это утвержденіе является вѣрнымъ—формулы эти могутъ быть истинными и общезначимыми. Таковъ ихъ плюсъ.

Но не трудно видѣть, что въ этомъ же плюсѣ заключается и ихъ минусъ, который главнѣйшимъ образомъ состоитъ въ томъ, что онѣ не рѣшаютъ, а устраняютъ проблему прогресса. Дѣйствительно, если изъ формулы прогресса удалить всѣ оцѣночные элементы—то что же тогда останется въ ней? Не что̀ иное, какъ содержаніе формулы эволюціи. Формула прогресса сольется съ формулой эволюціи и, логично поступая, въ этомъ случаѣ необходимо уничтожить и самый терминъ прогресса, такъ какъ нѣтъ основаній одно и то же явленіе называть двумя различными именами. Подобное удвоеніе терминовъ излишне и можетъ только вводить въ обманъ и въ ошибки какъ самихъ авторовъ, такъ и ихъ читателей. И дѣйствительно, какъ Контъ, такъ и Спенсеръ, лѣвой рукой выкидывая изъ понятія прогресса оцѣночный элементъ, правой рукой, контрабандой, ввели его туда обратно.

Пусть всякая эволюція есть двойной процессъ интеграціи и дифференціаціи. Съ этимъ можно согласиться. Но изъ этого вовсе еще слѣдуетъ, что всякое звено эволюціи болѣе дифференцированное—есть и лучшее, болѣе совершенное звено, т.-е. прогрессъ. Дифференціація и интеграція—съ одной стороны, „лучшее“ и „болѣе совершенное“ съ другой, это—понятія далеко не тождественныя, не родственныя, даже не стоящія ни въ какой логической связи. Спенсеръ же, сначала выкинувъ оцѣнку и давши понятіе эволюціи, затѣмъ непроизвольно ввелъ сюда снова оцѣночные элементы, поставивши знакъ равенства между „болѣе дифференцированнымъ“ и „лучшимъ“. Въ эту же ошибку впали и большинство другихъ „объективистовъ“. Ихъ позиція позволяетъ имъ говорить лишь о томъ, что было и что есть, но они не могутъ говорить о томъ, что̀ должно быть или что̀ лучше и хуже. Поэтому, для этого теченія было бы гораздо правильнѣе совсѣмъ выбросить тер-

минъ прогресса изъ научнаго обихода и говорить только объ эволюціи.

III. Возможенъ, наконецъ, и третій исходъ,—примиряющій или пытающійся примирить оба указанныхъ теченія. Примѣромъ его можетъ служить концептъ прогресса Е. В. де-Роберти, развиваемый имъ въ нѣсколькихъ трудахъ, указанныхъ нами ниже въ литературѣ вопроса.

Де-Роберти въ понятіе прогресса также не вноситъ субъективныхъ оцѣночныхъ элементовъ. Но тѣмъ не менѣе онъ отдѣляетъ его отъ понятія эволюціи, отдѣляетъ не въ зависимости отъ высшей оцѣночной нормы, а въ зависимости отъ той среды, въ которой протекаетъ процессъ измѣненія. Процессъ измѣненія, происходящій въ физико-химической средѣ, для него есть простое движеніе; процессъ измѣненія, происходящій въ органической средѣ, есть эволюція; процессъ измѣненія, протекающій въ соціальной средѣ, есть прогрессъ. Таково основное условіе, отличающее идею прогресса отъ идеи эволюціи. Анализируя затѣмъ соціальную среду, Де-Роберти приходитъ къ выводу, что цѣлеполаганіе является однимъ изъ характерныхъ признаковъ соціальнаго бытія и окрашиваетъ собою всѣ его процессы. Въ силу этого цѣлеполаганіе окрашиваетъ собой и соціальныя измѣненія или соціальную эволюцію, т.-е. прогрессъ, изъ чего само собой слѣдуетъ, что эволюція, происходящая въ общественной средѣ, пріобрѣтаетъ цѣлевой характеръ; отсюда и опредѣленіе: „прогрессъ есть еволюція, становящаяся для насъ цѣлью“ (Qu'est ce que le progrès, стр. 34, 35),

Такова одна изъ попытокъ примирить два указанныхъ способа построенія идеи прогресса.

Сказаннымъ мы заканчиваемъ бѣглую характеристику основныхъ проблемъ, связанныхъ съ прогрес-

сомъ, и обрисовку типичныхъ рѣшеній этихъ проблемъ. Ихъ оцѣнка—не входитъ въ задачу настоящей статьи [1]).

Blackmar: The story of human progress.

Crozier: Civilisation and progress.

Delvaille: Essai sur l' histoire de l'idée de progrès.

Doherty: Philosophy of history and social evolution.

Де-Грефъ: Общественный прогрессъ и регрессъ.

Flint: History of philosophy of history.

Federici: La legge di progresso.

Н. И. Карѣевъ: Основные вопросы философіи. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Введеніе въ изученіе соціологіи.

М. М. Ковалевскій: Соціологія, т. I. и II. Современные соціологи.

А. С. Лаппа-Данилевскій: Методологія исторіи, т. I. и II.

Xénopol: La théorie de l'histoire (1908).

Бергсонъ: Творческая эволюція.

Демуръ, Массаръ и Вандервельдъ: Регрессивная эволюція въ біологіи и соціологіи.

Е. В. де-Роберти: Qu'est ce que le progrès? (1898) Le Bien et le Mal (1886). Les fondements de l'Ethique (1898). Fréderic Nietzsche (1902). Sociologie de l'action (1908) Новая постановка основныхъ вопросовъ соціологіи (1909).

Дюркгеймъ: О раздѣленіи общественнаго труда.

Зиммель: Die probleme der Geschichtsphilosophie. Hauptprobleme der Philosophie и Соціальная дифференціація.

Киддъ: Соціальная эволюція.

Кондорсэ: Прогрессъ человѣческаго разума.

Контъ: Cours de philosophie positive, т. 4-й. Соціологія.

Lalande: La dissolution, opposée á l'évolution.

---

[1]) Приводимъ ниже краткій и, конечно, далеко не полный перечень какъ общихъ пособій, посвященныхъ исторіи теорій эволюціи и прогресса, такъ и болѣе обстоятельныхъ монографій по существу этихъ двухъ основныхъ вопросовъ соціологіи.

П. Л. Лавровъ: Историческія письма. Задачи пониманія исторіи. Опытъ исторіи мысли. Формула прогресса Михайловскаго.

Н. К. Михайловскій: Что такое прогрессъ? Дарвинизмъ и общественная наука. Борьба за индивидуальность. Статьи о Дюркгеймѣ и Паталогическая магія.

Л. І. Петражицкій: Къ вопросу о соціальномъ идеалѣ (Юридич. Вѣстн. 1913 г. кн. II). Die Lehre vom Einkommen.

Риккертъ: Границы естественно-научнаго образованія понятій. Науки о природѣ и науки о культурѣ.

Спенсеръ: Прогрессъ, его законъ и причина. Основныя начала.

Тардъ: Соціальные Законы. L'opposition universelle.

Stammler: Хозяйство и право. Theorie der Rechtswissenschaft.

Lester Ward: Pure Sociology, т. I и II. Психическіе факторы цивилизаціи. Динамическая соціологія.

В. М. Черновъ. Философскіе и соціологическіе этюды. Соціалистическіе этюды.

Louis Weber: Le rythme du progrès (1913).

000105373
ЮФ СПбГУ